Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 МАРТА 5

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 82129. Москва. Тираж 83.000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

К десятилетию февральской победы.

1927 год есть год десятилетних юбилеев двух величайших побед народных масс: Февраль и Октябрь. Оглядываясь назад, мы долго еще будем подытоживать их всемирно-исторический опыт, сопоставляя и сравнивая его с опытом других отрядов международного пролетариата и народных масс вообще, воспитывая на нем все новые и новые миллионы пробуждающихся к сознательной политической жизни трудящихся, продумывая для будущего незабываемые уроки этих революций.

Сейчас мы стоим накануне исполняющегося десятилетия февральской (по новому стилю—мартовской) победы.

В сутолоке повседневной жизни, после невиданного напряжения сил за истекшее десятилетие, перед лицом грандиозных задач, перспектив и трудностей, открытых предыдущими этапами нашей борьбы и открываемых нашим настоящим, — немудрено, что величайшее значение этой победы тускнеет в сознании многих перед значением других, высших ступеней революции. Все же никому из нас, активных участников революционной борьбы, берущих исторические явления в их связи, преемственности и исторической обусловленности, не придет в голову замазать значение февральско-мартовского взрыва народной революции, как предшественницы и предпосылки победоносной пролетарской, социалистической революции. Ибо октябрьский этап нашей борьбы есть успешно завершенное развитие ее февральского этапа. Ибо февральский этап заключал в себе моменты и тенденции, которые при известном переплете классовых, международных отношений и при правильном руководстве массами со стороны партии пролетариата развились в октябрьский этап.

Нашей партией в целом февралю всегда давалась эта оценка. Она злобно, хотя и страшно «учено», оспаривалась нашими политическими врагами, включая сюда и умнейших из них. Но чем дальше, тем больше даже они вынуждаются признать—в большинстве, правда, с ужимочками, оговорочками, оглядками, с половинчатостью,—что «тайна» февраля, открыто разгаданная и провозглашенная большевиками, заключается в *Октябре*, что умнейшие из наших противников понимали это уже тогда, в 1917 году, но в корыстно-классовых своих интересах обманывали народ и душили «октябрьские тенденции» в февральском пере-

вороте, желая свести значение последнего к значению дворцового переворота, либо—в самом лучшем случае—к установлению режима урезанной, недоделанной, изуродованной буржуазией демократии. Такие признания можно теперь разрыть в заявлениях хотя бы того же Павла Милюкова, наградившего в последнее время мир новым «ученым» произведением («Russlands Zusammenbruch»), где он еще и еще раз возвращается к обзору семнадцатого года под углом зрения «обогащенной» опытом целого десятилетия империалистской буржуазии. Самый факт подобных вырывающихся признаний является результатом победы революции.

Известно, что даже в рядах нашей партии находились отдельные элементы, не понявшие, или даже прямо и сознательно отрицавшие действительный смысл и действительные тенденции того стихийного движения народных масс, которое с необыкновенной быстротой низвергло зверский режим царизма. Это значило—поддаться провокации дальновидных представителей буржуазии. Это означало неумение разобраться в сложном переплете внутренних и международных отношений, создавшихся к тому времени.

Царизм победил народные массы в 1905—1907 гг. Но его победа не означала разрешения противоречий, вызвавших революцию 1905 года. Противоречия были лишь загнаны внутрь. И они не переставали ни на один момент подтачивать режим самодержавия и крепостничества. Правда, царизм был вынужден к мерам, приоткрывающим клапан для выпуска известной части паров, грозивших взорвать весь средневековый котел. Царизм был вынужден пойти на меры, способствовавшие в известной мере развитию буржуазных отношений. Речь идет о политике, связанной с именем Столыпина и рассчитанной на медленное, постепенное, мучительное перерождение России в буржуазную страну прусского типа.

Не зарекаясь от этой последней возможности, партия пролетариата вела борьбу за победу революционного пути, воспитывая в этом духе рабочий класс и крестьянство, используя для этого все возможности, включая сюда и царскую думу. Конечно, при успехе столыпинской линии, большевистской партии пришлось бы поступить так же, как поступил в свое время Вильгельм Либкнехт, когда попытка об'единения Германии на революционных путях не оправдалась и победил курс Бисмарка. Но до такой стадии в России дело не дошло. Борьба за революционный путь буржуазного преобразования России так и не была снята за время существования царизма. «Последний клапан», открытый Столыпиным для сохранения помещичьего строя в преобразованном по прусскому образцу виде, не мог разрядить и не разрядил сил революционного натиска рабочих и крестьян.

Когда же стал приближаться момент революционного взрыва, с особой силой вмешался новый фактор, вмешались новые силы, всемирно-исторические силы, — силы и связи международного империализма: грянула империалистическая война.

Новая ступень развития, новые группы экономических и политических противоречий, новые муки для трудящихся масс. И как итог переплета всех совокупных противоречий, раздиравших Россию,—новые струи в задачах пролетариата, невозможность найти выход в революции, ограниченной рамками буржуазных отношений, задача социалистического преобразования в результате пролетарской революции. Отсюда—печать нового, своеобразного в Февральской революции. Отсюда то, что «демократическая революция в России чрезвычайно приблизилась к революции социалистической». Революция против исторического чудовища царизма выдвигала задачу революции против империализма, против буржуазии, во имя социализма.

Средства для разрешения задачи пришли вместе с самой задачей. Партии пролетариата нужно было их использовать для перевода революции из первого этапа (февраль) на второй этап (октябрь). И она их использовала с классической гибкостью. Речь идет о Советах Рабочих и Солдатских депутатов, об'единивших представителей и рабочего класса и крестьянства. Речь идет о создавшемся двоевластии (Временное правительство и советы, добровольно уступившие власть буржуазии, но не переставшие от этого быть зародышами советской власти),—двоевластии, которое было понято нашей партией, которого не могли понять некоторые из большевиков, и которое превосходно было схвачено также зубрами октябристско-кадетской России (см. мемуары г. Родзянко).

Говоря о средствах, исторически подготовленных для превращения февраля в Октябрь, и об «октябрьских тенденциях» февральского переворота, мы отнюдь не утверждаем *фатальной неизбежности* указанного только-что превращения. Наша партия всегда была чужда исторического фатализма. Как раз отсутствием этого греха она и отличается от меньшевиствующих фальсификаторов марксизма. Без соответствующего воспитания, обучения, организации рабочих и мелкобуржуазных трудящихся масс на их собственном политическом опыте, но под руководством партии, без правильного руководства со стороны нашей партии, февраль не привел бы к октябрьской победе и ее закреплению.

Не будем останавливаться на той тактике, которую наша партия применяла с этой целью и которая может служить образцом сочетания терпеливости по отношению к рабочим и крестьянским массам, захваченным на первое время оборонческими настроениями, и решительности по отношению к представителям отжившего мира и их сознательным и бессознательным отголос-

кам. На ней—этой тактике—будут учиться все революционные партии мира. Игнорирование уроков этой тактики привело к поражениям (конечно, временным, хотя и серьезным) не один отряд борющегося международного пролетариата...

Теперь мы захвачены целиком задачами организации социалистического производства. Теперь мы живем и строим на почве, которую не один раз проехал плугом и из которой не один пень выкорчеван февралем и полная расчистка которой произведена Октябрем. У нас уже целое поколение молодежи, которое знает лишь по наслышке о том варварском строе отношений, который известен под названием царизма. Это не должно приводить к умалению значения Февральской революции в сознании этого поколения,—революции, подготовившей условия для той великой работы, которую мы ведем сейчас в интересах международной революции.

А. Зайцев.

По поводу одного „анализа" нашей экономики.

На какие реальные данные нашей экономики может опираться взгляд, утверждающий победу капиталистических тенденций в нашем развитии над социалистическими?

Известно, что такой взгляд в известной среде и в известных, иногда отличающихся в оттенках, формулировках («уже победили», «побеждают», «начинают побеждать»)—является довольно распространенным. В проповеди его единодушны все наши враги, включая сюда всю международную социал-демократию. Этой проповеди поддаются те, кто любит проводить заумные аналогии наших перспектив с судьбами Великой Французской революции.

Между тем совершенно законное требование дать доводы, которые бы опирались на конкретные факты нашей экономической борьбы, остается до сих пор без удовлетворения. Аналогии аналогиями, но нужно же обосновать самоё аналогию!

С этой точки зрения безусловный интерес представляет попытка известного белогвардейского экономиста *С. О. Загорского* доказать победу капиталистических элементов и тенденций в нашей экономике на основании фактов и цифр, почерпнутых из советских источников [1]). Загорскому удалось особенно наглядно проиллюстрировать ту беспросветную путаницу в азбучных истинах экономической науки, в простейших правилах логики, элементарнейших исторических фактах,—в которую впадает человек, обуреваемый желанием доказать вышесказанное.

Бывали времена, когда С. О. Загорский ходил в приват-доцентах и писал небезграмотные, неиеприличные книжки, показывавшие, что автор не растерял еще остатков своей научной совести и не лишен некоторой способности к довольно популярному изложению достаточно общеизвестных истин. Но это было давно-давно. Чуть ли не в доисторические времена.

Пришла пора, когда Загорский решил приспособить свои таланты к ученой защите мелких и крупных интересов российских и иноземных Кит Китычей.

Вопрос, на который он сейчас желает дать ответ, сформулирован в названии написанной им книги «*К социализму или к капитализму?*»

---

[1]) „К социализму или к капитализму". Изд. Республиканско-демократического Союза. Прага. 1927. 308 стр.

Круг явлений, разбираемых им, очерчен в предисловии:

«Мы подвергли анализу,—пишет он,—прежде всего (в первых трех главах) те экономические процессы в трех основных областях советской экономики,—в сельском хозяйстве, в промышленности и в торговле,—в которых происходит борьба между социалистическим хозяйством и «частнохозяйственной стихией».

«Эта стихия проявляется не только в области экономической, но и в области социальной. Она выражается в процессах образования и трансформации общественных классов, составляющих ее социальные элементы. Изучению их посвящена вторая часть книги (четыре последних главы)».

Ограничение круга «исследуемых» вопросов вышеуказанными заранее рассчитано, как видит всякий, на *преуменьшение* роли командных высот пролетариата. Так, например, куда-то выпал *транспорт*, представляющий, как показывает опыт, одно из мощных орудий в борьбе социализма против капитализма. Из всей *внешней торговли*, позволяющей нам, благодаря монополии государства, оперировать на рынке, на ряду с внутренней продукцией, также в известной мере и продукцией капиталистических стран,—из всего этого г. Загорский умудрился не увидеть ничего, кроме... контрабанды! Лишь походя задевается наша гигантская работа по созданию *денежной и кредитной системы*, тончайшего орудия, усовершенствованного капитализмом и находящегося у нас на службе социализму.

1. Дифференциация крестьянства, или кулацкая гегемония в деревне.

Загорский не лишен понимания той простой вещи, что вопрос о внутренних гарантиях успехов советского строя решается в основном в области взаимоотношений между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством. Сюда он и направляет свои стрелы. Победу «частнохозяйственной стихии» он хочет обосновать как раз анализом этих взаимоотношений.

«Частнохозяйственная стихия» в народном хозяйстве России,—пишет он,—проявляет себя прежде всего в лице всей массы индивидуальных крестьянских хозяйств. Влияние этой стихии усиливается по мере того, как сельское хозяйство восстанавливается и в нем развивается процесс роста производительных сил и накопления капиталов» (стр. 5).

Рассуждение, кроющееся во второй половине этой выдержки, явно несостоятельно, ибо об усилении «влияния» можно говорить лишь в том случае, если рост сельского хозяйства *обгоняет* рост города. Загорский пыжится доказать как раз то, что «*в темпе восстановления производительных сил крестьянское хозяйство оказывается успешнее города*» (стр. 13).

Но об этом речь впереди. Предварительно необходимо выяснить, как Загорский понимает общественно-экономическую *природу «частнохозяйственной стихии», представленной крестьянским хозяйством*, и как он хочет обосновать положение о кулацкой гегемонии в советской деревне.

Укажем впрочем, что вопрос этот является предварительным только для нас и никак—не для Загорского. Ни-ни-ни. Он очень ловок, этот приват-доцент. Он не раскроет вам сразу всех карт. Он и в предисловии обойдется лишь общими фразами о «частнохозяйственной стихии». Он не покажет вам кулака сразу, не ошарашит вас широкой кулацкой бородой. Он прикроет его сначала сереньким, одноцветным мужицким зипуном. Он будет долго и нудно пояснять вокруг него. Он будет постепенно приучать ваш взгляд к еле просвечивающей сквозь зипун фигуре, помаленечку, понемножечку ее приоткрывая,—сначала осторожно, боязливо, потом больше, смелее; сильней, смелей, больше—пока отчетливо не выяснятся могутные кулацкие стати, с тем, чтобы сдернуть потом ненужное покрывало и вырвать у вас подавленный крик: «Да, некуда деваться: идет кулак! Кулак пришел!»

Маневр, рассчитанный больше на наивность балаганных зрителей. Нам же нет необходимости принимать последовательные стадии его фокусов. Предпочтительнее взять прямо суть.

«Современное крестьянство,—пишет он,—усиленно дифференцируется, продолжая таким образом процесс, начавшийся (!) и до революции. Оно выделяет прежде всего ту группу «раскрестьянившихся» элементов, которые покидают деревню и дальнейшая судьба которых уже не связана с сельским хозяйством. Другая группа представлена пролетарскими или полупролетарскими элементами, которые находят источники существования в сельском хозяйстве и образуют для развития в нем капиталистического хозяйства необходимую резервную армию труда».

«Третья группа состоит из хозяев, которые временно могут быть причислены к «трудовым», но не отличаются устойчивостью и судьба которых в советских условиях еще далко не определена (Загорский скромничает. Уж для него-то во всяком случае эта «судьба» в «советских условиях» «определена». Он забыл, что на 184 странице уже раскрыл свою «тайную любовь»: идейку о невозможности «преобладания» середняцкого элемента «в связи с развитием товарного характера крестьянского хозяйства». *А. З.*).

«Четвертую группу составляют наиболее крепкие зажиточные хозяйства. Экономическая мощность этой группы растет. *На ней основан под'ем сельского хозяйства и с ее существованием и развитием связаны все надежды на под'ем производительных сил в стране*».

«Наконец, пятую группу составляют те крестьянские хозяйства, экономическая сила которых связана не столько с сельскохозяйственной, сколько с торговой и ростовщической деятельностью... Из этой группы выходят деревенские торговцы, скупщики кустарных изделий, арендаторы мелких промышленных заведений в деревне же» (стр. 218—219. Курсив наш).

«Расстановка сил», как видит всякий, чрезвычайно ловкая. Пять групп крестьянства. Из них четыре таких, судьба которых связана с буржуазным развитием—две пролетарских и полупролетарских и две откровенно капиталистических. И—лишь одна единственная группа (собственно не группа, а группочка), судьба которой «еще» «не определена». Так и выходит: деревня «усиленно дифференцируется», а если точнее сказать: дальше собственно и некуда. Кулацкая гегемония—непреложный факт. «На ней основан под'ем сельского хозяйства и с ее существованием и развитием связаны все надежды (слышите: «все надежды»! *А. З.*) на под'ем производительных сил в стране» (даже в стране! *А. З.*).

Исходным пунктом, или точнее, прародительницей кулацкой гегемонии в современной деревне Загорский выставляет... что бы вы думали?.. «большевистскую аграрную революцию»!

Конечно, в этом тезисе больше тайного и интимного желания, нежели сколько-нибудь вразумительной мысли. Загорскому хочется изобразить нашу революцию, как мать—вернее, как мачеху—буржуазной демократии. В заключительной главе он откровенно это и раскрывает, говоря, что «Советская власть выполнила свою об'ективную миссию... Она вызвала к жизни новую буржуазию, она создала (?)... ту мелкую буржуазию в подлинном смысле, те средние классы, отсутствие (?) которых составляло ранее слабость общественного, экономического и политического уклада России... Но мавр сделал свое дело, мавр дол-

жен уйти» и т. д. (стр. 304). К этому выводу он идет, в частности, через указанный тезис о том, что «аграрная революция» создала условия для стремительного развития капитализма.

Мысль его в этом пункте особенно путанная и противоречивая. Он хочет в своих целях отрицать, например, даже общеизвестное явление нивелировки крестьянских хозяйств за время военного коммунизма.

> «Прошло время,— пишет он,—когда среди и советских деятелей и «специалистов» и в некоторых кругах эмиграции (!) считалось бесспорным, что одним из об'ективно-положительных результатов большевистской аграрной революции является происшедшее «нивелирование» крестьянского землевладения (?!). Как известно, в качестве такого результата это нивелирование было возвещено Лениным, который, исходя из него, и провозгласил свою ставку на середняка» (стр. 177).

Слова «об'ективно-положительные результаты» прибавлены здесь только из осторожности, как лазейка на всякий случай, ибо кто же в «кругах эмиграции» мог считать раскулачивание деревни беднотой «об'ективно-положительным» явлением? А суть состоит в том, что Загорскому хочется само расслоение крестьянства приписать, как «первородный грех», нашей революции, развязавшей-де условия для буржуазного развития деревни.

«Прошло то время», когда результатом аграрной революции считали нивелировку деревни. Настало время, когда, при просвещенном содействии Загорских, уразумели, что нивелировки не было, а, наоборот, закладывались основы для победы капитализма. Такова немудреная философия «большевистской аграрной революции» у ученого приват-доцента. Опровергать всерьез эту чепуху и не стоит. Отметим лишь, что у Загорского такая мания самоопровержения, что он тут же дает таблички из изд. ЦСУ «Экономическое расслоение деревни в 1917 и 1922 гг.» (нотабене: г. Загорский пользуется материалами нашей печати), которые показывают «как раз наоборот», т.-е. ту самую нивелировку, от которой он хочет откреститься.

	1917 г.	1919 г.		1917 г.	1919 г.
	% хозяйств.			% хозяйств.	
Беспосевных	11,5	6,6	Безлош.	28,7	25,1
С посев. по 2 дес. . .	28,7	42,8	С 1 лош.	47,6	60,1
» » от 2—4 дес. .	28,9	42,8	» 2 »	17,6	12,3
» » » 4—6 » .	14,6	12,4	» 3 »	3,9	1,8
» » » 6—10 » .	11,2	7,3	» 4 »	1,2	0,5
» » » 10—16 » .	3,8	1,4	» 5 »	0,8	0,2
» » » 16—25 » .	0,9	0,2			
» » св. 25 » .	0,3	0,01			

Динамика настолько ясна, что даже Загорский, махнув рукой на свои же обратные утверждения, замечает меланхолически, что «за годы аграрной революции (1917—1919) это нивелирование действительно произошло» (177). Вторая таблица, приводимая Загорским в совершенно другом месте, характеризует значительно больший промежуток. Речь идет о таблице из статьи Огановского «Сельское хозяйство в 1924—25 г.» (изд. НКФ).

	% хозяйств.		% земли.	
	1905 год.	1924 год.	1905 год.	1924 год.
1. Малоземельные . . .	33,3	38,3	13,9	16,2
2. Средние	41,6	43,0	33,5	41,4
3. Зажиточные	19,6	14,3	28,2	25,8
4. Богатые	5,5	4,4	24,4	16,6

Не касаясь качеств статьи Огановского, основанной, по нашему мнению, на грубых допущениях, преуменьшающих значение аграрной революции в нивелировке деревни, не касаясь, в частности, качеств данной таблицы, не можем все же не отметить, что и по этой табличке видно ясно, что революция смыла все результаты усиленного расслоения и капиталистического накопления в деревне после реформы Столыпина и срезала даже итоги предшествующего развития деревни в этом направлении. Не можем не констатировать, что и по этой таблице степень расслоения деревни в 1924 г. значительно слабее, чем это было 20 (двадцать!) лет назад и может соответствовать скорее уровню 80—90 годов прошлого столетия.

Нужно было сказать, что революция уравняла крестьянские хозяйства не до конца, как сам же Загорский говорит в других местах своей книжки, и это было бы правильно. Но сказать, что революция «вызвала к жизни» крестьянскую буржуазию, что эта последняя обязана своим существованием большевистской революции, это то же, если вы скажете, что обязаны жизнью дубине, которой проломили вам череп, хотя и не убили насмерть.

Путанные взгляды высказывает Загорский, в частности, относительно перераспределения инвентаря во время революции. То он утверждает, что «вся аграрная политика коммунистического периода «сводилась» к принудительному использованию инвентаря и скота более зажиточных хозяйств» (180), то отрицает, говоря, что «поравнение по части земли не касалось других условий крестьянского хозяйства» (183), то снова начинает рассуждать о «раскулаченных» средствах производства, полученных в порядке наделения деревенской бедноты» (184).

В конце концов Загорский решает попраздновать именины и на Антона и на Онуфрия. Если нивелировки не было—то ясно, что расчищена почва для капитализма. А если нивелировка была, то... то же самое. Большевистская нивелировка — это же нечто особенное. Она лишь создала благоприятные условия для деревенской верхушки.

Мы нисколько не шутим. Загорский, по сути дела, выражается еще крепче: «Поравнение», которое имело место,—говорит он,—создало лишь более благоприятные условия для укрепления более зажиточных групп» (183). Слышите? «Более благоприятные условия». По сравнению с чем? Да, очевидно, со столыпинскими временами! С чем же иначе сравнивать?

Отношение советского государства к процессам расслоения изображается, например, в том же комическом стиле.

Налогового регулирования кулацкого накопления Загорский вообще не видит: явно «оторвался» от своих «масс». Кооперативной политики с специфическим советским содержанием он не замечает. Кооперация—даже колхозы!—для него «существенно ничем не может (и не может! *А. З.*) отличаться от земледельческой кооперации, существующей и в других странах» (182).

О кредитной политике советского государства в отношении бедноты он вообще умалчивает.

Поэтому вопроса об изменениях в природе накопления в крестьянском хозяйстве, об из'ятии у крестьянской буржуазии целого ряда каналов накопления он даже не ставит. Об условиях накопления он говорит так, точно ничего не случилось, а остался все тот же столыпинский режим.

Что касается аграрной политики советской власти, то она тоже лишь «способствует» «углублению» неравенства. В доказательство этой мысли для условий до 1925 года приводится ...ставка на трудовое хозяйство! Запрещение наемного труда и аренды земли!

«Аграрная политика советской власти после введения нэпа, нашедшая свое выражение в земельном кодексе 1922 года, не только не способствовала, но препятствовала стабилизации новых (поравнениых. *А. З.*) условий. Ставка на трудовое хозяйство, искусственное игнорирование наемного труда и земельной аренды, придавая стихийно развивавшимся новым отношениям нелегальный характер, способствовали углублению экономического и социального расслоения крестьянства» (186).

В самом деле, кому после этого не ясно, что условия для роста кулака при советской власти... «более благоприятны», чем при Столыпине?

Немножко непонятно, правда, почему воют у нас кулаки и почему ноет сам Загорский, их ученый апологет, с тоскою и вожделением вспоминающие столыпинскую «ставку на сильных».

Не менее смехотворно обосновывается тезис об удельном весе крестьянской буржуазии. *Факты и цифры* упорно доказывают преобладание «середняцкого элемента» в крестьянстве. Но Загорскому все нипочем.

Вот, например, несколько сводных таблиц, известных и Загорскому (см. стр. 188, 190, 191, 213).

Для 1923 г. (данные НКФ).

Группы хозяйств.	% хозяйств.	Распределение облагаем. земли в %%.	Распределение едоков.
РСФСР			
1. Без скота	17,14	11,32	12,46
2. Не более 2 гол. скота	56,63	50,69	54,80
3. От 2 до 4 гол. скота	20,62	25,65	24,89
4. Свыше 4 гол. скота	5,61	12,34	7,85
Итого	100,00	100,00	100,00
УССР.			
1. Без скота	29,02	17,83	22,46
2. С 1 гол. скота	26,34	21,54	24,59
3. » 2 » »	25,06	26,83	27,18
4. » 3 » »	13,12	18,81	16,15
5. » 4 » »	6,46	14,93	9,62
Итого	100,00	100,00	100,00

Как ни верти эти цифры, все же из них не высосать того, что под'ем сельского хозяйства основан на группе наиболее крепких хозяйств и что «с ее существованием и развитием связаны все надежды на под'ем производительных сил в стране» (218). Не получается этого даже в том случае, если в группу «наиболее крепких зажиточных хозяйств» зачислить всех тех, кто имеет 4 головы скота (не рабочего только, а скота вообще!). Как хотите, а трудно базировать «под'ем производительных сил в стране» на *12—15 процентах* из всей обрабатываемой площади земли.

Или возьмем данные НКФ за 1924—25 г.:

Группы хозяйств.	% хоз.	% едоков.	% работн.	% раб. скота.	% посева.
До 4 дес. посева	31,3	27,1	28,5	19,1	11,7
От 4 до 8 дес. пос.	49,5	47,8	47,7	46,0	46,3
От 8 до 15 » »	15,2	18,2	17,3	23,7	25,8
От 15 дес. и выше	4,0	6,9	6,5	11,2	16,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Расслоение есть, но и эта таблица в корне разрушает idée fixe Загорского о верхушке деревни, как хозяйственном гегемоне в крестьянстве.

Или возьмите таблицу, якобы «иллюстрирующую» гегемонию верхушки деревни в рыночном обороте деревни (данные относятся к Украине 1923 г.).

Группы хозяйств.	% хоз. отчужд. хлеб.	% отчужд. хлеба к итогу.	% приоб. пром. изд. к итогу.
С посевом до 3 дес.	45	30	31
» посев. в 3—6 дес.	34	39	37
» » » 6—9 »	12	16	10
» » » 9—15 »	7	9 (10?)	16
» » » 15 д. и выше	2	5	6

Сравните с данными этой таблицы (проводимой самим Загорским!) следующее великолепное рассуждение:

«При таких условиях не трудно понять, каково значение, экономическое и социальное, зажиточных хозяйств в советской деревне. Именно эти хозяйства играют важную (не хватило все-таки наглости сказать: главную. *А. З.*) роль и в рыночном обороте хлеба и в приобретении промышленных изделий» (стр. 217).

Вся необоснованность всего этого настолько ясна, что Загорский начинает оперировать, вместо сводных, массовых данных, отрывочками отсюда, отрывочками оттуда, корреспонденцией из одного места, сообщением из другого, односторонними цитатами из описания одной волости, описания нескольких деревень —а затем в этой взбаламученной воде ловить рыбу. Одного фактика достаточно, чтобы раздуть его до степени универсального явления. Одного замечаньица достаточно, чтобы развести целое путанное рассуждение. Не имеем никакой человеческой возможности отмечать все его «фигуры» и «номера». Образцом путаницы может служить хотя бы следующее рассуждение:

«Характерно,—говорит он,—что на Украине арендная плата сохранилась приблизительно в том же размере, что и до революции—третий сноп. Между тем раньше эта плата шла помещику со стороны крестьянских хозяев, теперь она уплачивается зажиточным крестьянином малоимущему.

Очевидно, что в *настоящее время одна группа крестьянства эксплоатирует другую в гораздо большей степени, чем та эксплоатация, которая имела место раньше со стороны помещика*» (курсив наш).

Трудно придумать подобающую квалификацию этому продукту человеческой глупости. Расслоение, коренящееся в эксплоатации зажиточного малоимущим! Бедняк, эксплоатирующий ...кулака! «В гораздо большей степени», чем помещик! «Тре-

тий слой», превращающийся в нечто «гораздо большее» только от того, что он идет не помещику, а «малоимущему»!

Почувствовав неожиданно, что это «ущемление» кулака как будто бы доказывает обратное тому, что хотел доказать он, Загорский противопоставляет «факты» «с другой стороны».

> «С другой стороны,—кончает он,—в настоящее время арендатор, зажиточный крестьянин, находится в более благоприятных условиях, чем раньше. Аренда земли обходится ему дешевле, и поэтому доход от земли выше, и возможности накопления—больше».

Пойми, кто может. «С одной стороны»—«в том же размере», «с другой стороны»—«в гораздо большей степени». А с третьей стороны, даже «дешевле». «С одной стороны»—«эксплоатируется», «с другой стороны»—«возможности накопления—больше». «С одной стороны», хуже, чем под помещиком, «с другой стороны», «в более благоприятных условиях, чем раньше». А все в целом называется «фактической мобилизацией землевладения», т.-е. частной собственностью на землю!

В конце концов в вопросе о верховенствующей роли кулака в деревне он не находит более убедительного довода, чем пресловутые 14% хозяйств, концентрирующие в своих руках 60% хлебных излишков (стр. 212).

И то сказать: если бы в природе существовали более убедительные аргументы, то они, конечно, давно были бы извлечены теми, кто на эти темы рассуждал куда более хитро, чем ученые белогвардейцы...

Вопрос об *аграрном перенаселении* играет значительную роль в схеме Загорского. Загорский помнит отрывки из читанных им когда-то книжек, что накоплению средств производства на одном полюсе должна соответствовать пролетаризация на другом полюсе. Гегемонию кулака он «уже» «доказал». Эту гегемонию он дополняет перенаселением. Но и с этим серьезнейшим вопросом он обращается с невероятным легкомыслием. Прикрашивая средневековые отношения в дореволюционной деревне, прикрыв крепостническую эксплоатацию, он говорит, что революция ничего не сделала в этом вопросе, кроме перемены... юридических титулов.

> «И накануне революции фактически во владении крестьянства находилось до 90% всей пахотной площади в Европейской России. Около одной четвертой части ее крестьянство снимало в аренду. Аграрная большевистская революция изменила по существу лишь юридические земельные отношения» (195—196).

Буржуазный демократ, в борьбе с большевизмом скатывающийся к прикрашиванию средневековья [1]), умалчивает о сотнях миллионов рублей, уплачивавшихся помещику за аренду, умалчивает об избавлении миллионых масс середняцкого крестьянства, которое было задавлено остатками барщины, ухитряется ничего не понять в факте уравнительного передела всех—и помещичьих, и удельных, и монастырских, и крестьянских—надельных земель. Имеет все это хоть какое-либо отношение к вопросу об аграрном перенаселении, господин ученый экономист?

---

[1]) Мы уже молчим о таких перлах, что «в дореволюционной России для избыточного деревенского населения существовал выход (!) в перенаселении» (199).

Мы знаем, что аграрное перенаселение—весьма больной вопрос. Но только ценою апологетики крепостничества можно притти к утверждению, что аграрное перенаселение, которое «существовало и до революции... *не только не ослабело, но усилилось в настоящее время*» (195).

Из трех факторов, вызывавших, по мнению Загорского, аграрное перенаселение до революции (недостаток земли, низкий культурный уровень, чрезвычайно слабое распространение интенсивной системы хозяйства; ученый Загорский, как сказано, не видит такого слона, как помещичье землевладение!)—из всех этих факторов Загорский не может назвать ни одного, который за время большевистской революции не ослабел бы в своем действии, не говоря уже о крепостничестве, начисто смытом с лица нашей страны. О земле мы уже сказали. «Низкий культурный уровень». Уж не думает ли Загорский сказать, что культурный уровень крестьянства в настоящее время «не только» не выше, «но и» ниже, чем при режиме Романовых? Не хочет ли он сказать, что «интенсивная система хозяйства» сейчас «не только» не сильнее, «но», наоборот, слабее распространена в крестьянстве, чем при помещиках? Пусть посмеет: мы приведем ему из его же собственной книжки цифру в 17,6% под промышленно-техническими культурами от общей посевной площади (стр. 8), в то время как максимальное развитие их в дореволюционный 1916 год составляло лишь 10,8%, а в довоенное время, даже в период быстрого развития капитализма под столыпинской рукой, не превышало 7—8%. Имеет ли все это какое-либо отношение к ослаблению перенаселения по сравнению с временами крепостнических отношений?

Загорскому хочется думать, что в этом отношении достигнуты уже пределы. «Интенсификация земледелия,—говорит он,—требует значительных капиталов, отсутствие которых в настоящее время нет надобности доказывать» [1]).

Мы же знаем, что присутствуем только при *начале* того сдвига в способах ведения хозяйства в крестьянстве, который является неоспоримым фактом нашего хозяйственного строительства, не отрицаемым никем из серьезных исследователей вопроса и имеющим важнейшее значение в вопросе о перенаселении.

В развитии кустарной промышленности Загорский также не видит выхода для перенаселения. Оно (развитие кустарн. пром.) «требует целого ряда условий: капиталов, рынка сбыта, роста потребления со стороны населения, которые создаются в советском народном хозяйстве чрезвычайно медленно» (стр. 200). Отметим, что такую оценку кустарной промышленности Загорский дает лишь в связи с вопросом о перенаселении. Там же, где речь пойдет о конкуренции ее с госпромышленностью, найдутся и капиталы и рынки сбыта.

---

[1]) Курьезно утверждение Загорского о с.-х. машиноснабжении. Он пишет: «Мы видели выше (к сведению читателя: мы *ничего* об этом не видели «выше». *А. З.*), как ничтожно снабжение крестьянского хозяйства мертвым инвентарем» (стр. 200). Сообщаем Загорскому, что с.-х. машиноснабжение (внутреннее производство плюс импорт, с поправкой на сокращение территории) стоит уже сейчас на уровне довоенного: 1913 г.—64,75 м. р., плюс 51,1 м. р., 1925—26 г.—72,3 м. р., плюс 34,8 м. р.; 1926—27 г.—92,2 м. р., плюс 24,0 м. р. Цены довоенные.

О кооперации—в связи с аграрным перенаселением—он вообще отзывается с пренебрежением. «Мы видели выше, какую ничтожную роль играет земледельческая кооперация. Как ни форсировать ее развитие в ближайшее время» и т. д. Почему из всей сельскохозяйственной кооперации выхвачена только «земледельческая» (речь идет о колхозах), знает один лишь Загорский и его друзья. Почему горизонты ограничились вдруг «ближайшим временем», известно только ему.

Загорскому нужно усвоить, что 1) проблема перенаселения—вопрос серьезный и подходить к нему нужно по-серьезному, а не как фокусник, а 2) перспективы наших *успехов* (в частности и в области постепенного изжития перенаселения) простираются несколько дальше, чем «ближайшее время». Если Загорскому не видно никаких иных перспектив, кроме обеднения, обнищания, разорения, нищеты и вымирания миллионов деревенской бедноты (ее неизбежная судьба при желанном Загорскому капиталистическом строе), то мы тут уж ему ничем не можем помочь...

Общий вывод, резюмирующий все предшествующие благоглупости и просто глупости о дифференциации, может быть сформулирован его словами: «Рост обеих групп (и деревенского пролетариата и крестьянской буржуазии. *А. З.*) встречает благоприятные условия и в общих экономических условиях современной России и в политике советской власти» (195).

Таков «анализ» Загорского, относящийся к дифференциации деревни. Большую путаницу в элементарных вопросах, большее нагромождение диких противоречий, большую закостенелость мысли, большую вольность в обращении с фактами, чем здесь, трудно, кажется, себе и представить [1].

Но иной ценой, без этих жертв, невозможно добиться нужной Загорским картины советской деревни—вот в чем трагедия!

Дальнейшим развитием идейки о кулацкой гегемонии в деревне служит рисуемая Загорским картина, которую у нас, в СССР, досужие «философы» называют *«кулак регульнул»*. Речь идет о том, что капиталистические элементы деревни командуют собственно не только деревней, но и всей страной, диктуют советской власти линию политики, а если это не удается, срывают все экономические мероприятия государства, заставляя социалистические секторы экономики подчиняться себе, приспособляя последние к своим интересам. После того, что Загорский наговорил о дифференциации, эта философия не представляет как-будто бы для него ничего загадочного. Но он желает проиллюстрировать оное кулацкое регулирование на примерах и приводит в качестве таковых два факта. Как говорится, «те самые, которые». Во-первых, решения XIV партконференции и, во-вторых, просчет 1925—26 г.

---

[1]) Не можем не отметить еще одного перла,—об'яснения измельчания крестьянских хозяйств. Вот оно: «Раздел земли вызвал тягу части городского населения в деревню, увеличение таким образом числа крестьянских хозяйств, которому совершенно не соответствовали ни увеличение земельного фонда ни наличность живого и мертвого инвентаря» (178).

Загорский считает это рассуждение, по всем признакам, за апогей человеческой премудрости, и опасаясь, как бы кто не стал оспаривать у него приоритет на эту глупость, спешит пред'явить на нее патент, сославшись поскорее на свое написанное в 1922 году произведение («L'evolution actuelle du bolschevisme russe». Avec préface de Emile Vandervelde), осененное дланию и благословением известного «знатока» русской революции... Эмиля Вандервельде.

> «Большое экономическое и социальное значение зажиточного хозяина... заставило советскую власть в 1925 г. пойти ему навстречу и об'явить его «старательным хозяином». Вместо ставки на середняка была сделана ставка на зажиточного хозяина» (220).

Такая трактовка решений XIV конференции («уступка кулаку») нам достаточно известна, и вряд ли на ней стоит останавливаться. Когда решения, с особой силой подчеркнувшие значение среднего крестьянства в земледелии, называют заменой «ставки на середняка» «ставкой на зажиточного хозяина», то на простом русском языке это называют «дошел до ручки».

Второй факт (просчеты 1925—26 г.) изображается Загорским в следующем лаконическом стиле:

> «В прошлом году крестьянство (мы теперь знаем, *каков* это «крестьянство». *А. З.*) оказало первое экономическое сопротивление советской политике» (43).

Примем к сведению заявление Загорского, что в прошлом году мы имели *первое* сопротивление «крестьянства» мероприятиям советской власти. И спросим: в чем состояло это якобы «сопротивление»? В том, что не был выполнен план хлебозаготовок в нужное время, в нужных размерах, по приемлемым ценам. Так как Загорскому известно, что 14%-ная верхушка деревни концентрировала в своих руках 60 процентов с лишним товарного хлеба, то, очевидно, невыполнение плана хлебозаготовок об'ясняется на 60% сопротивлением этой верхушки. Так как Загорскому известно далее, что «деревня усиленно дифференцируется», то было бы совершенно понятно, если бы Загорский стал предрекать, что грядущие неудачи хлебозаготовок в 1926—27 г. будут в еще большей мере об'ясняться усилившимся давлением деревенской верхушки.

Но жизнь-то—текущая хлебозаготовительная кампания—преподнесла Загорскому совершенно неприличный по его понятиям и ни с чем не сообразный «подарок»: оказывается, для ученого экономиста не осталось самого об'екта, подлежащего об'яснению—срыва хлебозаготовок. Оказывается, жизнь потекла по путям, Загорскому совершенно неведомым, по законам, ему совершенно непонятным. Торжественно провозглашенный прогноз, заключавшийся в том, что «и на предстоящий год борьба между социалистическими элементами и крестьянской частнохозяйственной стихией складывается снова в пользу последней» (43), оказался смятым жизнью. Этот прогноз в виде редкого исключения был характерен полной согласованностью вывода с принятыми посылками. Крах прогноза означает поэтому крах его логических предпосылок, заключавшихся 1) в теории «усиленной дифференциации» крестьянства, 2) в об'яснении хозяйственных затруднений 1925—26 года кулацким регулированием.

Ошибочность теории, именуемой вкратце «кулак регульнул», уже для 1925—26 года могла бы быть обнаружена простым анализом хлебозаготовительной кампании 1925—26 г. в двух районах с одинаковым, примерно, ходом дифференциации—на Украине и на Северном Кавказе. Известно, что сторонники теории «кулацкого регулирования» в кампании 1925—26 года особенно не любят ссылки на эти районы, ибо она особенно рельефно показывает, как в угоду «высокой» политике извращаются эле-

ментарные факты нашей экономики, выдумываются нелепые схемы, в частности схема, согласно которой современная политика ВКП(б) и советского государства находится в плену у кулацкой идеологии и является орудием кулацких интересов. От того, что эту схему повторяет Загорский, она отнюдь не становится более убедительной. Практический опыт одинаково крушит произвольные теории, независимо от того, кто их проповедует—белогвардейский экономист или доморощенный философ.

Нельзя сказать, чтобы Загорский не чувствовал нелепости своих рассуждений. Проблески сознания ее, несомненно, имеются, и кое-где они показываются в самый патетический момент. Но они тут же снова заволакиваются тем же туманом.

«Требования оформляющейся и консолидирующейся группы единоличных зажиточных, более крепких капиталистических или становящихся капиталистическими хозяйств должны прокладывать себе дорогу, ибо с удовлетворением их интересов с их ростом связано в настоящее время восстановление производительных сил страны. Между всей идеологией, лежащей в основе советской политики, и интересами *этой части крестьянства* существует настолько глубокое противоречие, в то же время от осуществления этих интересов настолько зависит развитие народного хозяйства, что у советской власти нет иного выбора, как *следовать по пути, который ей диктует это созданное и выросшее в процессе большевистской революции крестьянство*» (221—222, курсив наш).

Ничего нельзя возразить против того, что между «интересами этой части крестьянства» и политикой советского государства «существует глубокое противоречие». Совершенно верно. Такова уж природа нашего государства. Но не противоречит ли это тому, что у нас существуют «более благоприятные условия для укрепления более зажиточных групп» (183), что у последних—«возможностей накопления больше» (208)? Как будто бы—да. Но что же тогда означает то, что политику «диктует» «оформляющаяся и консолидирующаяся группа» «более крепких капиталистических или становящихся капиталистическими хозяйств»? Может быть, это нужно понимать так, что условия для капиталистических хозяйств становятся с каждым годом все «более благоприятными»? Но как прикажете тогда понимать то, что советская власть «*не имеет возможности*» «*вызвать накопление в стране т.-е.*(*!!*) именно в частном хозяйстве» (116)? Увы! Ответа на это не дает и сам Загорский.

Далее. Загорский, как сказано, констатирует, что между «интересами этой части крестьянства» и политикой советской власти «существует глубокое противоречие». Совершенно верно. С «*этой*» частью крестьянства дело обстоит именно так.

Но это только полправды. Наличие «глубоких противоречий» между советским государством и «этой частью крестьянства» означает также *тесный союз* между пролетариатом и *остальной*, неэксплоататорской массой крестьянства, составляющей, как известно и Загорскому, подавляющее большинство деревни. Загорский замалчивает факт такого союза. Он замалчивает, что кулацкий фронт направлен *и* против пролетариата *и* против трудящегося большинства деревни. Он замалчивает факт «единого фронта» между пролетариатом города и трудящимися деревни против капиталистических элементов, в частности, против кулака. Но Загорский проговорился. Он смог отыскать «глубокое противоречие» только по отношению к одной части крестьянства (группе «капиталистических или становящихся капиталистическими хозяйств»). Почему же он замалчивает другую сторону этого явления: отсутствие у пролетариата «глубокого противоречия» с интересами трудящегося крестьянства? Потому что он органически не способен усвоить идею о возможности и наличии рабоче-крестьянского блока. И, вынужденный проговариваться в одном месте, он в другом месте будет все же изображать враждебность в отношениях между пролетариатом и крестьянством в целом и единство в интересах крестьянской буржуазии и... трудящихся деревни против интересов советского государства. «Враждебные столкновения» с мероприятиями последнего Загорский будет стараться прослеживать и в политике цен на продукты с.-х. производства и в политике цен на промышленную продукцию и во внешне-торговой политике. Вот, например, об'яснение осенней 1923 года кон'юнктуры.

«Осенью 1923 года впервые обнаружилось, что все государственное регулирование промышленного производства и все плановое хозяйство в области государственной и кооперативной торговли опрокидываются с необычайной легкостью интересами и потребностями не поддающейся регулированию и планированию и заявляющей о своих потребностях и требованиях крестьянской неорганизованной частнохозяйственной стихии» (18).

Загорский намеренно изображает дело так, как будто бы раздвижение ножниц осенью 1923 года было результатом планирования, направленного якобы к этой цели. Но он не может все-таки отрицать того факта, что сжатие ножниц явилось плодом именно целесообразно направленной плановой политики советского государства. Это не мешает ему заявить в другом месте, что «советская власть не заинтересована ни в поднятии покупательной способности крестьянства, ни в расширении емкости рынка, другими словами, ни в значительном понижении промышленных цен, ни в повышении сельскохозяйственных» (42—43).

Последовательность обязывала бы Загорского доказать, что от повышения цен на с.-х. товары и от понижения цен на продукты промышленности, проведенного в 1923—24 году *советской властью*, интересы социалистической промышленности *потерпели ущерб*, *пострадали*. Этого он не может доказать, ибо факты и цифры вопиют! Но это и показывает ту чушь, которая лежит в основе рассуждений о враждебных столкновениях с крестьянством. И эту чушь Загорский видит сам, заявляя, как мы видели выше, что «*первое* экономическое сопротивление» мы имели в 1925—26 году. Ясно, что Загорский не верит всерьез в то, что «осенью 1923 года *впервые* обнаружилось» и т. д.

При анализе осенней *1924* года обстановки Загорский ухитряется забыть о... неурожае! Повышение цен на хлеб, вызванное этим неурожаем, он умудряется об'яснить... давлением крестьянства на советскую власть.

«Крестьянство сламывает,—пишет он,—государственное регулирование хлебного рынка и своей «стихией» добивается еще более резкого... повышения цен» (28).

Далее, для *1925* года:

«Неорганизованная масса 22 миллионов крестьянских хозяйств, частнохозяйственная крестьянская стихия оказалась сильнее советского «планового хозяйства» (40).

Мысль об органической взаимообусловленности интересов социалистического хозяйства с интересами крестьянских хозяйств

Загорскому абсолютно чужда. Обостренная борьба—больше он ничего не видит.

Было бы правильно, если бы говорили, что практика нашего планирования и регулирования, осуществляемая в интересах и пролетариата и крестьянства, страдает большими недочетами. Полезно и от противника выслушать дельную критику. Но у Загорского нет никаких необходимых для этого данных — ни знания дела, ни искренности противника.

Не подлежит сомнению, что в работе по регулированию у нас много недочетов, недостатков—и в хозяйственном опыте (насчитывающем 5—6 лет), и в механике проведения, и в смысле резервов для маневрирования.

Однако, верхом недобросовестности является игнорирование основного результата нашей работы, резюмирующегося в большом (как абсолютном, так и относительном) расширении базы социализма. Этот последний факт сейчас признают и многие из умных наших противников. Но не многие умеют продумывать это признание до конца. А между тем это является скрытым признанием глубокой жизнеспособности и преимущества всего советского метода хозяйствования, который, несмотря на всю свою новизну и небольшой срок своего существования (сравните с этим столетия, в течение которых вырабатывались и совершенствовались методы капиталистического хозяйствования, учета, маневрирования), несмотря на неизбежные вначале и подчас грубые ошибки, все же полностью обеспечивает бурный рост производительных сил и в особенности, и в первую голову, и больше всего в социалистическом секторе. В частности, даже в регулировании рынка сельскохозяйственных продуктов только слепой может отрицать решающую, командующую роль государства, вырисовывающуюся отчетливо сквозь чащу ошибок, промашек, бюрократических извращений живого дела и т. д. и т. д. Дезорганизованные частником участки рынка, конечно, еще остаются и в этой области. Иногда такие участки появляются там, где их не было. Но нельзя же прикрыть неуклонно-поступательного хода регулирующего начала, осуществляемого советским государством в интересах трудящихся и города и деревни. Даже один пример с весенними и осенними ценами на хлеб может навести знающего человека на большие размышления. А подробный и серьезный анализ промышленности и торговли в Советском Союзе—о чем см. дальше—мог бы помочь осознанию самых корней, материальных основ советских методов хозяйствования.

Но говорите с человеком, у которого семь пятниц на неделе!

(*Окончание следует*).

К. Розенталь.

Больные места.

I.

На данной стадии нашего развития проблема цен есть тот фокус, в котором сходятся и от которого зависит успешное разрешение всех важнейших политических и хозяйственных задач социалистического строительства. Именно здесь надо искать источники упрочения и укрепления союза рабочего класса и крестьянства, повышения материального уровня жизни основных классов нашего общества—рабочих и крестьян, успешного проведения индустриализации страны и социалистического строительства, общего оздоровления всей производственной и торговой системы нашего хозяйственного организма.

Однако, именно здесь-то у нас не все обстоит благополучно. Уровень цен на промышленные товары, который мы имеем в результате некоторого, происшедшего в 1925—26 хозяйственном году, повышения себестоимости и совершенно недопустимого отрыва розничных цен от цен отпускных, далеко не удовлетворяет и не способствует успешному разрешению стоящих перед нами задач. При повышении *себестоимости* промышленной продукции на 1,39% (без акциза) *оптовый индекс* промышленных товаров за 1926 календарный год (1 января 1926 г.—1 января 1927 г.) повысился с 1,98 до 2,03 или на 2,5%, а *розничный индекс* с 2,48 до 2,70 или на 8,8%!

Снижение оптового с.-х. индекса за тот же календарный год на 8,8% лишь в незначительной степени преодолело эту повышательную тенденцию со стороны промтоваров, и общий оптовый индекс снизился за год с 1/I—26 по 1/I—27 г. всего лишь на 3,3%. Однако, это движение цен на промтовары вверх с одновременным понижением цен на продукты сельского хозяйства имело своим последствием еще большее раздвижение «ножниц» между с.-х. и промышленными товарами. «Ножницы» за год увеличились по оптовому индексу с 117, до 131,8, а по индексу розничному с 122 до 130,7. Этот рост цен и «ножниц» должен был ударить в первую очередь по крестьянскому хозяйству, ибо сельскохозяйственное производство оказалось экономически менее рентабельным.

Вместе с тем, рост цен на промтовары не мог не отразиться и на понижении реального значения номинальной заработной платы рабочего класса. Движение бюджетного индекса ВЦСПС показывает такое повышение:

	1/XI—25 г.	1/XI—26 г.	8 %
Общий	201,0	221,9	110,4
Промышлен. . . .	232,3	249,8	107,5
С.-хоз.	183,4	206,2	112,4

Существующий уровень цен, при росте «ножниц» между с.-х. и промышленными ценами, с одной стороны, и оптовыми и розничными—с другой, при росте бюджетного набора, является отрицательным показателем в деле укрепления экономического союза города и деревни, в деле повышения материального уровня жизни трудящихся и в первую очередь рабочего класса, в деле, наконец, успешного проведения индустриализации страны. Ибо, как первые, так и вторые «ножницы», сокращая платежеспособный спрос на промтовары со стороны рабочего класса и крестьянства, лишают курс на индустриализацию его естественных и необходимых экономических предпосылок.

Где же надо искать корни и причины этой явно недопустимой обстановки, создавшейся в области цен?

* * *

Остановимся, прежде всего, на условиях нашего промышленного производства и движения себестоимости и отпускных цен на промышленные товары.

Движение индекса отпускных цен на промтовары за последние три года представляется в таком виде (принимая 1913 г.=100) [1]).

		В % к пред. году	В % к 1/X—23 г.
1/X—23 г.	3,03	—	100,0
1/X—24 г.	2,08	68,3	68,3
1/X—25 г.	1,90	91,3	62,7
1/X—26 г.	1,94	102,1	64,0

Таким образом, за три года с 1/X—23 г. по 1/X—26 г. промышленность сумела снизить отпускные цены на промышленные товары на 36%. Нечего и говорить, что этот успех, конечно, очень большой. Однако, картина существенно меняется, если взять движение отпускных цен за 1925—26 хозяйственный год. В этом году происходит *перелом* в движении отпускных цен, и тенденция к их снижению сменяется повышательной тенденцией. Об'яснение этому явлению надо искать в первую очередь в движении себестоимости, показавшей в свою очередь в 1925—26 г. повышение (с акцизом) на 2,77%.

Об'яснение же повышения себестоимости надо искать прежде всего в общих условиях работы промышленности в 1925—26 году. Известные осенние просчеты, заставившие промышленность значительно сократить развертывание производства ряда ее отраслей, отозвались на себестоимости чрезвычайно болезненно. В порах производства остались многочисленные кадры рабочей силы, совершенно излишние в условиях сокращенных производственных планов, и это чрезвычайно отрицательно отразилось на соотношении производительности труда и зарплаты. При повышении производительности труда на 10,1% по сравнению с 1924—25 г. номинальная заработная плата выросла на 25,0%. По важней-

[1]) Индекс ВСНХ по номенклатуре и методу розничн. индексов Кон'юнктурного Института НКФ.

шим отраслям промышленности это соотношение в росте зарплаты и производительности труда оказалось таким (1924—25 г.=100).

	Зарплата	Выработка
Каменноугольн. промышлен.	132,7	114,6
Металлическая »	129,5	115,2
Электрическая »	134,3	109,0
Текстильная »	125,0	111,4
Цементная »	125,3	101,0
Резиновая »	132,6	102,4

Значительный рост по целому ряду отраслей промышленности показало и *сырье*, дав увеличение в отдельных отраслях производства по сравнению с 1924—25 г. до 7% в мартеновском производстве, 22% по резиновой промышленности, 25,6%—по подсолнечному маслу и до 98,4% по пиломатериалам.

Сильно возросла в отдельных отраслях производства стоимость *топлива и энергии*, показывая в отдельных случаях повышение по сравнению с 1924—25 г. до 86% (хромовый опоек).

Возросли, наконец, и весьма значительно, такие элементы себестоимости как жел. дор. тарифы, акциз и т. п.

Понижение стоимости этих элементов в других отраслях производства, понижение стоимости материалов и улучшение материально-технических показателей и почти общее, за самым небольшим исключением, сокращение правленческих и торговых расходов, однако, не смогли преодолеть этой повышательной тенденции, и таким образом 1925—26 г. показал повышение издержек производства и себестоимости.

Мало чем отличаются в отношении движения себестоимости и перспективы на 1926—27 год. Производственно-финансовый план промышленности, составленный на основе калькуляционных данных трестов и синдикатов, предполагает стабильность или, в лучшем случае, снижение себестоимости в пределах до одного процента.

Такое положение и такие перспективы промышленной себестоимости не могут быть признаны хоть сколько-нибудь удовлетворительными. Интересы «смычки» государственной промышленности с крестьянским хозяйством, интересы индустриализации страны и социалистического строительства, требуют со всей решительностью и настойчивостью максимального снижения себестоимости и сжатия с.-х. и промышленных «ножниц». Монополистическое положение нашей промышленности на рынке промтоваров и длительный период товарного голода создали у ряда наших хозяйственников вредную и недопустимую инертность в деле снижения себестоимости, грозящую нашему производственному промышленному организму превратиться в закостенелый, до мозга костей обюрокраченный аппарат, лишенный воли и интереса к борьбе за улучшение, оздоровление и удешевление производственных процессов. Такому положению вещей надо об'явить самую решительную и непримиримую борьбу. Иначе «основная предпосылка строительства социализма»—«монопольное положение рабочего класса в хозяйстве, на рынке и в особенности в области крупной промышленности» грозит опасностью превратиться во вред самому делу социалистического строительства. Этого не понимали, к слову сказать, и наши «сверхиндустриалисты», ре-

комендовавшие использовать монополистическое положение нашей промышленности для «перекачки» «не меньше, чем капиталисты» накоплений крестьянского хозяйства в промышленное русло. Величайшей опасностью было бы для нас, для дела индустриализации страны и строительства социализма почить на «лаврах» наших «успехов» по снижению себестоимости и утверждать существующий ее уровень, как некий «предел», дальше которого итти не нужно и нельзя.

Промышленность еще располагает большими возможностями удешевления себестоимости, и эти возможности должны быть полностью использованы. СНК и СТО, по докладу ВСНХ о плане на 1926—27 год, обязали промышленность добиться снижения себестоимости в текущем году на 5%. При условии, что себестоимость валовой продукции предположена в 7.526 милл. рублей и что четыре месяца 1926—27 хозяйственного года уже прошло, на языке цифр это означает не что иное, как требование добиться снижения себестоимости в круглых цифрах в 500 милл. рублей. Это постановление, несмотря на все величайшие трудности его проведения в жизнь, должно быть все же во что бы то ни стало выполнено, ибо этого категорически требуют интересы как всего народного хозяйства, так и промышленности.

Какими возможностями располагает промышленность для снижения себестоимости? Прежде всего улучшением производственно-технических показателей работы промышленности. Несмотря на значительные успехи в этой области, здесь еще имеется непочатый край работы, хотя бы для достижения довоенного уровня производ.-технич. показателей. *По целому ряду производств производ.-техн. показали — расходы сырья и материалов, расходы топлива и рабочей силы и производительность машин — не достигли довоенных норм.* Приведем кое-какие данные, чтобы не быть в своем утверждении голословными.

Расход сырья и материалов на единицу продукции

(в % к довоенному).

	Дов. время	1925—26 г.	1926—27 г.
Хлоп.-бум. промышл.			
Выход продукции из хлопка	100	98,7	97,3
Химическая:			
Расход повар. соли на пуд солян. кисл.	100	106,0	104,0
» колчедана на пуд серн. кисл.	100	109,5	108,0
Махорочная:			
Расход сырья на 1 ящик	100	108,0	107,0
Сахарная:			
Выход сахара на берковец	100	93,0	94,0
Бумажная:			
Расход сырья на тонну	100	110,0	—

К сожалению, данные для сравнения расхода сырья и материалов на единицу продукции весьма ограничены, иначе, вне всякого сомнения, этот список можно было бы значительно удлинить.

То же относится и к использованию топлива. И здесь имеется ряд отраслей, где довоенные нормы еще ждут своего достижения.

Расход топлива на единицу изделий.

	Дов. данные	1925—26 г.	1926—27 г.
Кам.-уг. пром. (Донбасс):			
Доля собств. потребл.	100	136	126
Металлическая:			
Расход кокса на пуд чугуна	100	103	—
» условн. топлива на пуд болв.	100	127	—
Льняная:			
Расх. куб. с. дров на 1000 пудономер. пряжи	100	156	137

Надо, однако, отметить, что в области использования топлива промышленность имеет и очень большие достижения. Достаточно сказать, что расход нефтепромышленностью нефти на собственные нужды в 1926—27 г. составит лишь немногим больше половины (54,5%) расходов довоенного времени. Тем не менее в области экономного использования топлива хотя бы для достижения довоенных норм, даже учитывая и значительную изношенность паросилового хозяйства, у нас все же кое-какие возможности имеются, и они должны быть использованы.

Необходимо, наконец, добиться и нормального использования производительности машин, чего до сих пор не во всех отраслях промышленности удалось достичь. По хлопчато-бумажной промышленности производительность машин составляла в 1925—26 г. 98,5% от довоенного и полностью довоенных норм не обещает догнать и в 1926—27 году. То же относится и к выработке суровья и к выработке пудономера в льняной промышленности. Таким образом, в обеих отраслях промышленности, по которым мы располагали довоенными данными, довоенная производительность машин еще не достигнута.

Еще хуже обстоит дело с расходом на единицу изделий рабочей силы. Принимая довоенные данные за 100, мы могли бы составить такую табличку:

Расход рабочей силы на единицу изделий.

	Дов. данные	24/25 г.	25/26 г.	26/27 г.
Каменноуг. пром. чел.-мес. на 1000 пуд.	100	142	117	102
Черная металлург. чел.-мес. на 100 дов. руб. пр.	100	153	133	114
Общее машиностр. » » 100 » » »	100	166	145	114
Судостроение » » 100 » » »	100	154	131	120
Болванка, расход раб. силы на тонну	100	246	142	—
Хлоп.-бум. пр., выработка на 1 раб.	100	77,6	84	88
» » рабочих на 100 веретен	100	125	116	110
Камвольная, рабочих на 1000 веретен	100	127	109	103

Таким образом, *дело рационализации и максимального производительно-экономного расходования рабочей силы для ряда важнейших отраслей промышленности еще впереди.* И намеченное по плану промышленности увеличение выработки на одного рабочего на 12,6% должно быть неукоснительно выполнено, тем более, что намеченное повышение зарплаты на 9,9% в основном *уже* достигнуто. Надо привлечь к этому делу профсоюзы, надо создать соответствующее общественное мнение на фабриках и заводах, но выполнить намеченное повышение производительности труда необходимо во что бы то ни стало.

Совершенно неограниченные возможности имеются у нас в деле рационализации и стандартизации производства. При том хаосе, при той некультурности, которая царит в области использования наличного производственного оборудования, самые подчас незначительные изменения в производственном процессе обещают десятки и сотни миллионов рублей экономии. На обувной фабрике «Парижская Коммуна» в связи с значительным ростом стоимости сырья и основных материалов и необходимостью удержать себестоимость на прежнем уровне, была проделана такая работа: все машины были *перегруппированы на фабрике по ходу производственого процесса*, который частью удалось механизировать, тогда как прежде вся работа производилась вручную. В заготовочном отделении рабочие были *разбиты на бригады по видам обуви, что сократило длительность производственного процесса вдвое*: с 4 до 2 дней. Работа в этом отделении разбита на отдельные стадии, введен конвейер, машинная загибка задников и носков вместо ручной, что позволило *почти вдвое сократить расход рабочей силы.*

В закройном отделении впервые введена машинная кройка подблочников на специально установленных штампах, благодаря чему количество рабочей силы, необходимой для выполнения этих работ *уменьшилось в два раза.*

Проведена также механизация производства в сандальном отделении, в котором установлена полученная из-за границы быстроходная доппель-машина для строчки подошвы. Введена машинная накладка подошвы и машинная выработка сандальных задников.

В результате этой работы *производственный цикл сократился по всей фабрике с 21 до 10 дней. Производительность труда повысилась приблизительно, на 15 проц.*; *при почти стабильном числе рабочих выпуск фабрики увеличился с 122 до 135,5 тыс. пар, в переводе на один вид обуви.*

Таких и подобных этому примеров, можно было бы привести значительное количество. Например, на заводах ГЭТ в результате рационализации производства и систематического снижения накладных расходов удалось добиться снижения цен на 16-свечевые экономические лампочки с 1 р. 15 к. (авг. 1923 г.) до 52 к. (окт. 1926 г.); на лампы полуваттные с 5 руб. до 1 руб. и т. д.

Однако, до сих пор вопрос рационализации производства, как следует быть, не поставлен, хотя именно сюда должно быть привлечено максимальное внимание со стороны рабочих и технического персонала предприятий. В борьбе за снижение себестоимости рационализация производства должна быть поставлена во главу угла, ибо здесь находится основная и важнейшая предпосылка удешевления себестоимости и сокращения издержек производства.

Надо, однако, помнить, что рационализация производства имеет и свою оборотную сторону—относительное сокращение рабочей силы. Эту сторону дела мы должны иметь в виду, но *не для того*, чтобы выступить *против* рационализации, а для того, чтобы программа развертывания всей промышленности составлялась таким образом, чтобы общее количество рабочих, занятых в производстве, абсолютно возрастало.

Большие перспективы в деле снижения себестоимости имеют работы по стандартизации и специализации производства. К сожалению, и здесь мы не можем похвастаться большими успехами. С первого утвержденного стандарта—24/I—1924 г., т.-е. за три года, общее количество стандартов, утвержденных комитетом по стандартизации при СТО, возросло весьма незначительно. Нечего, конечно, и говорить, это уже превратилось в избитую истину, какую роль играет стандартизация производства в деле снижения себестоимости изделий. До сих пор в этой области у нас делалось позорно мало, хотя именно в наших условиях, в условиях единого промышленного хозяйствования, проведение работы по стандартизации производства несравненно проще и легче, чем в условиях частнокапиталистического хозяйства.

Мы указали только на важнейшие условия, и возможности, которыми промышленность располагает, но которые она в совершенно *незначительной* мере использовала для снижения себестоимости. Все это имеет непосредственное отношение к *ускорению оборачиваемости капитала в производстве.* Самые незначительные достижения в этой области должны иметь значительное влияние в себестоимости изделий. Ускорение оборачиваемости капитала только в одной хлопчато-бумажной промышленности по плану на 1925/26 г. должно было дать экономии 30,8 милл. рублей. Это плановое задание х.-б. пр-сть выполнила лишь в пределах 0,6 м. руб. С одной стороны, здесь, конечно, не могло не сказаться повышение стоимости сырья и материалов, но с другой стороны, в этом невыполнении было повинно и само производство. Запасы полуфабрикатов, производственных материалов и т. п. хлоп.-бум. промышленность имела свыше всяких установленных норм, что не могло не отразиться на замедлении оборачиваемости капитала. Так, например, запасы красителей по отдельным предприятиям имелись на 9—10 месяцев. То же самое имеется, конечно, и в др. отраслях. Например, в Туле один завод имеет запас инструментов на несколько лет вперед!

Мы не говорим о таком вопросе, как *понижение брака*, отрицательно влияющего на себестоимость. А вместе с тем здесь далеко не все обстоит благополучно. Например, в спичечной промышленности брак с 2,1 к. на ящик увеличился до 7,7 к. в III кварт. 1925/26 и по сметным предположениям на 1926/27 г. предполагает быть снижен до 5 к., превышая т. о. нормальный процент брака на 238%. Впрочем, в этой области происходят и более серьезные вещи. Высокосернистый состав чугуна, доставленного Югосталью Ижорскому заводу (0,15% серы при браковочной норме в 0,06%), привел в производстве мягких труб к 100% брака! Конечно, это случай один из совершенно исключительных в нашем производстве и, так сказать, анекдотического порядка, но сокращение процента брака, как фактора, отрицательно влияющего на себестоимость, должно стать в один ряд с другими факторами в борьбе за снижение себестоимости.

Решительная борьба за снижение себестоимости не должна обходить и такого ее участка, как *сокрытие прибылей.* Всеми и всяческими ухищрениями пользуются отдельные хозяйствующие организации для того только, чтобы не отдать своих прибылей «на сторону». Чудовищно вырастают в балансах «безнадежные долги», хотя долги эти сплошь да рядом отнюдь не так безна-

дежны, как это кажется составителям балансовых отчетов. Так, напр., трест *«Ульянсукно»* умудрился при общем счете прибылей и убытков в 5.184 тыс., показать 884 тыс. безнадежных и сомнительных долгов, т.-е. почти одну пятую часть (17,2%) общего счета! Государственный трест, сбывающий свою продукцию почти исключительно государственным же органам!

Но хозяйствующие государственные органы услужливо зачисляют друг друга в «безнадежных» и «сомнительных» должников и... оставляют прибыль у себя. К слову сказать, без этих «сомнительных» и «безнадежных» 884 тыс. баланс *«Ульянсукна»* показывал бы не убыток в 767 тыс., а прибыль в сотню с лишним тысяч рублей.

Совершенно недопустимо, когда в своем стремлении «не выпусть» из «своих рук» денег и скрыть прибыль, хозяйствующие органы производят, нарушая всякие планы, капитальное, а подчас и новое строительство под видом «текущего ремонта». Нельзя, в самом деле, «текущим ремонтом» строить мостовые, нарушая всякие планы, производя, подчас с самыми благими намерениями сделать хорошее дело, лишние в данное время работы, не снижая себестоимости изделий своего производства, располагая к тому всеми возможностями.

Наконец, *жесткое* и, это главное, *действительное* проведение режима экономии и дальнейшее *сокращение накладных производственных и трестовских* расходов, некоторое *сокращение отдельных начислений на зарплату, строгая плановая производственная* работа и работа по капитальному и новому строительству, *повышение квалификации рабочего и технического персонала,*—вот те дополнительные условия, которые должны будут оказать свое влияние на сокращение себестоимости.

Директива об обязательном снижении себестоимости по всей промышленности для 1926/27 г. минимум в 5% промышленностью *может быть* выполнена и должна быть выполнена. Источниками снижения себестоимости промышленность *располагает*, и эти источники должны быть *полностью* использованы. Неблагоприятным об'ективным, независящим от промышленности, факторам должны быть противопоставлены соединенные усилия хозяйственных организаций, технического персонала промышленности и всего рабочего класса. И на этой основе при максимальном внимании к рационализации и стандартизации производства, усилении производительности труда, достижении благоприятнейших производственно-технических показателей промышленности, и ускорении оборачиваемости капиталов, снижении производственных и правленческих накладных расходов, повышении квалификации рабочего и технического персонала, при реальном проведении режима экономии, жесткой плановой дисциплины, беспощадной борьбы с расхлябанностью, бесплановостью и бесхозяйственностью, при улучшении промышленного хозяйства и его организации на всех ступенях производственного процесса—директива о снижении себестоимости безусловно может быть выполнена. Она *должна* быть выполнена, ибо этого требуют интересы и самой промышленности и всего народного хозяйства, интересы союза рабочего класса и крестьянства, интересы индустриализации страны и социалистического строительства.

II.

Однако, проблема цен во всем ее об'еме далеко не ограничивается издержками и себестоимостью производства. В конечном счете потребителя—и рабочего и крестьянина—интересует не только и даже не столько себестоимость промтоваров, сколько его стоимость в конечном звене товаропроводящего аппарата—в ближайшем кооперативе, госрознице, ларьке частного торговца. И как раз здесь, в товаропроводящей системе у нас обстоит дело из рук вон плохо. К уже и без того повышенной себестоимости промтоваров товаропроводящий аппарат делает такие чудовищные, ни с чем несообразные накидки, что доходя до заключительного торгового звена, товар делается мало или совсем недоступным потребителю. И если промышленность, несмотря на еще большие возможности, которыми она располагает в деле снижения себестоимости, все же сумела в этой области добиться значительных успехов, эти успехи были сведены на-нет дорогостоящим торговым аппаратом. Достаточно посмотреть на движение оптово-розничных индексов, чтобы убедиться в этом.

В то время, как за три с небольшим года с 1/X—23 г. по 1/XII—26 г. оптовый индекс промтоваров снизился с 3,03 до 1,949 или на 35,7%, розничный индекс (кон'юнктурного института) снизился с 2,73 до 2,68 или на 1,9%. И за год, с декабря 1925 г. по декабрь 1926 г., при повышении оптового индекса на 2,6% (с 1,90 до 1,949), розничный индекс повысился на 6,7% (с 2,51 до 2,68). Особенно характерно движение оптово-розничных цен на промтовары с периода денежной реформы. За этот период при *понижении оптовых цен* на 18% *розничные цены выросли* на 5%. Речь идет, правда, о ценах частного розничника, но кому же неизвестно теперь неблагополучие в этом деле и у кооперации?

Таким образом, значительнейшие успехи в промышленности в снижении себестоимости до потребителя оказались недоведенными и были с'едены почти целиком товаропроводящим аппаратом [1]).

Ошибочно, между прочим, было бы думать, что такое настойчивое и упорное расхождение оптово-розничных ножниц касается только промышленных товаров и поэтому может быть об'яснено товарным голодом,—оно характерно и для продуктов сельского хозяйства.

[1]) Мы не можем отказать в удовольствии познакомить читателя с теми видами политического бесстыдства и экономического невежества, которые демонстрируются некоторыми авторами на страницах наших журналов. В № 25 «Вестника Промышленности, Торговли и Транспорта» помещена статья тов. Черноморддика—«Расхождение оптовых и розничных цен, его размеры и причины». Приведя данные о росте уровня розничных цен над оптовыми (со 149 на 1/X—24 г. до 169 на 1/IV—26 г. по одним данным и с 135,3 на 1/VII—25 г. до 152,2 на 1/VI—26 г. по другим), почтенный автор глубокомысленно присовокупляет: «ни о каком непрерывном (!) росте (!) расхождения розничных и оптовых цен между собой... говорить нет (!) оснований».

И заключает свою статью следующим утверждением: «Неверно, что рынок пожирал все то, что промышленность жертвовала (!), снижая свои отпускные цены»!

Ну, как после этого не вспомнить слова Саади Ширазского, что «для невежды нет ничего лучше молчания, но если бы он знал, что для него лучше всего, не был бы он невеждой».

При резком снижении заготовительных цен на продукты сельского хозяйства, розничный индекс Кон'юнктурного Института показывает неуклонное повышение.

Средне-взвешенные заготовительные цены „Хлебопродукта"

(в коп. за центнер по СССР).

	Рожь.		Пшеница.		Овес.		Ячмень.	
1/VII—25 г. . . .	675	100	786	100	721	100	442	100
1/VII—26 » . .	249	63,5	629	80,0	482	66,7	288	65,2
1/XII—26 » . .	428	63,4	597	76,8	351	48,7	372	84,1

Таким образом, заготовительные цены на 1/XII—26 г. по сравнению с ценами на 1/VII—25 г. понижаются по ржи на 36,6%, по пшенице на 23,2%, овсу—51,3% и ячменю—15,9%. В то же время розничный сельскохозяйственный индекс показывает такую динамику:

1/VI—25 г. . . .	2,17	100
1/VI—26 » . . .	2,18	100,5
11/II—27 » . . .	2,25	103,7

Особенно характерно нарастание «ножниц» между *заготовительными и биржевыми* (оптовыми) ценами на рожь.

Движение цен на рожь

(коп. за пуд).

	1/X—24 г.	1/X—25 г.	1/X—26 г.
Заготовительные цены	60	77	77
Биржевые опт.	84	112	105
Биржев. в % к заготов.	140%	145,4	147,8

Из года в год неуклонно и безостановочно растет раствор «ножниц» между заготовительными ценами и ценами оптовыми на продукты сельского хозяйства. Нечего и говорить, что эти ножницы, как и «ножницы» между оптовыми и розничными ценами на продукты промышленности играют существеннейшую роль и в себестоимости промтоваров. Необходимость сохранения *реальной* зарплаты в условиях снижающихся отпускных цен и роста розничных играет самую отрицательную роль в себестоимости промтоваров, заставляя повышать номинальную зарплату и тем увеличивать долю зарплаты на единицу изделий. То же самое относится и к сырью и к целому ряду вспомогательных материалов. *Рост розничных цен—существеннейший и влиятельнейший фактор в повышении себестоимости промтоваров. И успешное разрешение проблемы себестоимости находится в несомненной связи с успешностью разрешения проблемы снижения розничных цен.*

Разрешение проблемы цен, как это диктуется самыми насущными интересами всего народного хозяйства и социалистического строительства в первую очередь требует разрешения проблемы розничных цен. Совершенно нетерпимым является то положение, когда все успехи производителей по снижению себестоимости и отпускных цен, как бездонной бочкой поглощаются нашим торговым аппаратом. Торговый аппарат обходится нам преступно

дорого, и мы *должны* добиться его удешевления, установления нормальных торговых расходов и накидок. Насколько возросла стоимость торговых расходов по сравнению с довоенными нормами, можно видеть из следующей таблички:

Распределение национального дохода [1])

(В милл. червон. рублей, 1913 г. исчислен, конечно, по довоенным ценам).

	1913 г.[2]) %	1923—24	%	1924—25	%	1925—26	%	1926—27	%
I. Сельское хозяйство . . .	58,1	3.324	29,2	4.658	28,9	5.741	26,9	6.197	25,7
II. Промышлен. . (с акцизом) .	23,4	5.090	44,7	7.751	48,2	10.789	50,6	12.439	51,7
III. Реализация в том числе:									
Ж.-д. транспорт .	9,6	435	4,0	594	3,7	939	4,0	1.047	4,4
Торговля	8,9	2.525	22,1	3.092	19,2	3.849	18,5	4.389	18,2
Итого. .	100	11.374	100	16.095	100	21.318	100	24.072	100

Учитывая даже всю условность этих цифровых выкладок, нельзя все же не признать чудовищно высокую стоимость нашего торгового аппарата, обходящегося нам *более чем в два раза дороже довоенного времени и с'едающего почти одну пятую стоимости всего национального дохода!* Дороговизна торгового аппарата—прямой результат бесхозяйственности. И со всей прямотой надо сказать, что если из этого своего состояния командная высота нашей товаропроводящей системы—кооперация—не выйдет, то, в условиях все более оздоровляющихся отношений рыночного спроса и предложения, кооперация не достигнет гибкости и дешевизны аппарата, проявляемой хотя бы частником.

Частник вздувает цены, когда это позволяют условия, он использует всякую представляющуюся ему возможность для увеличения своих прибылей, но он умеет приспособляться и к изменившимся, ухудшившимся, условиям реализации. Наш же торговый аппарат неповоротлив, инертен и неизменно оказывается неспособным уловить наличную рыночную ситуацию. Он хочет убить сразу двух зайцев и «заработать» и дать потребителю дешевле товар, упорно не понимая или не желая понять, что «оправдание» его существования, его *непосредственная и основная, все остальное себе подчиняющая задача—свести к минимуму расходы по доставке товара от производителя к потребителю,* а никак не головокружительные прибыльные балансы.

Чем же об'ясняются эти ни с чем не сообразные, безобразные розничные цены? Прежде всего здесь надо отметить наличие совершенно *излишних торговых звеньев, через которые проходит товар, прежде чем поступает к потребителю, и недопустимо высокие накидки каждого звена к себестоимости.* Как *идеал,* к которому *надо стремиться,* «Контрольные цифры системы потребительской кооперации на 1926—27 год» выдвигают *три* звена

---

[1]) Без доходов от строительного дела.
[2]) Данные Прокоповича.

нормального прохождения товара. Но если подсчитать, во сколько обходилось в 1925—26 году прохождение товара хотя бы только через три звена (идеал!), то получается головокружительная цифра. По пути от Центросоюза к городскому и рабочему потреб. об-ву, товар обрастает такими накидками к себестоимости: 7,61% —Центросоюз, 8,7% губ. и райсоюз и 16,9% гор. и раб. об-ва или всего—36,7% торговой накидки к себестоимости, принимая во внимание, что накидки каждого из последующих звеньев производятся к действительной для него себестоимости товара, а не к себестоимости товара для первого торгового звена. И это при нормальной довоенной норме торговых накидок 20—21%! Наши накидки превосходят довоенные нормы на 83%! Если же, наконец, принять во внимание, что столь «идеальная» трехзвенная система соблюдалась далеко и далеко не всегда, то не приходится удивляться тому, что, как мы выше указывали, доля торговли в нац. доходе возросла с 8,9% в 1913 г. до 18,2% или почти на 105%! Да и чего ждать, когда процент накидок (по контрольн. цифрам кооперации) в 7,08% к *оптовому* обороту при 2,12% расходов к обороту, как это практикуется центральными кооперативными организациями, стоит на грани прямого ростовщичества!

Для иллюстрации творящихся безобразий в области торговых накидок позволим себе привести такого рода факты. *Соль*, себестоимость которой для кооперации, вместе с фрахтом и другими расходами, составляет 70—80 к. за пуд., продается сельской кооперацией в деревне «Ак-Мечеть» в Крыму (в Крыму, где эта соль добывается в миллионах пудов!) по 1 р. 90 к. *Калоши*, отпускная цена которых 3 р. 35 к., в кооперативной рознице на местах продаются по 4 р. 60 к.—4 р. 80 к., а Узбектор умудрился продавать калоши по 7 р. 50 к. за пару! *Кожевенные товары*, предельно допустимая розничная цена которых (лучшая тяжелая подошва) не должна превышать 2 р. 90 к.—3 р. за кгр., продаются в ряде местностей кооперацией по 4 р. 87 к. и 4 р. 90к. за кгр. *Оконное стекло*, обходящееся кооперации в 47—54 к. за лист, в продаже в отдельных случаях доходит до 1 р. 20 к.—1 р. 30 к. за лист. Такие примеры можно было бы, конечно, увеличить до бесконечности. Но вывод из этого может быть сделан только один—подобная вакханалия, подобное *свинское* отношение к своим прямым обязанностям и к потребителям не может быть дольше терпимо. *И нельзя останавливаться ни перед какими мерами* для того, чтобы заставить торговый аппарат и в первую очередь кооперацию отказаться от практикуемых ею ростовщических, грабительских накидок.

Помимо величайшей бесхозяйственности, чудовищно-высокий процент накидок находит свое об'яснение в явной некультурности нашего торгового аппарата, стремящегося во что бы то ни стало «блеснуть» «хорошим» балансом. А «хороший» баланс, по мнению некоторых, к сожалению, далеко не «цивилизованных» кооператоров, такой, где имеется солидная прибыль. В печати уже сообщались итоги обследований рабочей кооперации в Ив.-Вознесенске и Днепропетровске, где прибыли доходили до 82—84 и выше процентов к собственному капиталу. Однако, все это только «цветочки», и ряд кооперативных организаций побил эти «детские» рекорды кооперативного головотяпства.

В № 26 «Торг.-Пр. Газеты» сообщаются такие данные о размерах прибыли по отдельным кооперативным организациям.

Наименование организации	Балансы на 1926 г.	Собс. средства (без тек. дох.) (в тысячах рублей)	Текущ. накопл. с начала 1925—26 г. (в тысячах рублей)	Валов. доход с нач. 1925-26 г. (в тысячах рублей)	Товарооборот за год (приблизительный) (в тысячах рублей)	Накопление за 1925—26 г. по отношению к собст. средст. (в %%)	Процент наложения (накидок) на себестоимость
УССР.							
Д. Райсоюз . .	1/VIII	415	461	894	8.000	111	11
ТПО Е... ж. д.	1/IX	512	411	1.050	6.050	80	17
Н.-М. ЦРК . .	1/VIII	189	204	557	5.000	108	11
З. ЦРК	1/VIII	224	378	1.068	5.000	170	21
З. Райсоюз . .	1/VIII	222	385	812	8.000	173	27
К. ЦРК . . .	1/VIII	36	157	556	3.500	436	16
В. К. Окрсоюз	1/X	104	103	306	3.835	100	8
С. ЦРК . . .	1/X	677	578	—	14.806	87	14,2
Я. ЦРК . . .	1/X	900	1.013	—	27.707	112	13,9
Е. ЦРК . . .	1/X	125	49	—	4.525	38	12,7

Кстати, мы не можем здесь не выразить своего искреннего возмущения по поводу замены полного названия кооперативов их инициалами из желания, как это об'ясняет автор, соблюсти «коммерческую тайну»! И мы коренным образом расходимся с мнением редакции, что это есть проявление «излишней (!) деликатности» (!)! Мы бы в данном случае квалифицировали это несколько иначе! Рабочий класс в целом и его партия и государство ведут ожесточенную борьбу за снижение розничных цен, борьбу с высокими прибылями кооперации, выдвигают проблему розничных цен, как одну из основных *политических* проблем дня, а «излишне деликатный» *И. Бык* одной рукой разоблачает,—и этим делает полезное хорошее и нужное дело,—а другой рукой—сохранением «коммерческой тайны»—это бесстыдство прикрывает. Такому проявлению «деликатности» также должна быть об'явлена самая жестокая война.

Но это, между прочим.

А 436% торговой прибыли!

Воистину, современные Шейлоки, уж не довольствуются «какими-то» фунтом мяса!

Какими словами можно заклеймить это наглое бесстыдство кооперативных спекулянтов, наживающих свои прибыли за счет ухудшения материального положения рабочего класса? И сколько прямых *преступников* против рабочего класса, *вредителей* кооперативного дела еще сидит в недрах кооперативных организаций?

Но, могут сказать, «в семье не без урода». Это, конечно, так. Но если в целом наша потребительская кооперация и отстает от этих «рекордных» достижений отдельных ее звеньев, то все же прибыли ее несоразмерно велики. Тов. Вал. Ржевский на основе данных «Статистического Бюллетеня Центросоюза» от

25/XI—26 года и «Контрольн. цифр потреб. кооп. на 1926—27 г.» приводит такую табличку фактических накидок, расходов и прибылей по отдельным звеньям кооперативной системы[1]):

Наименование	Валовой оборот за 3 квартала 1925—26 года	Оплата торговых услуг потребительской кооперации за 3 квартала 1925—26 г.					
		Накидки		Расходы		Прибыль	
	Тыс. руб.	Тыс. руб.	%% к об.	Тыс. руб.	%% к об.	Тыс. руб.	%% к об.
Центросоюз	270.592	14.505	5,36	5.728	2,12	8.777	3,24
Церабсекция	113.393	1.751	1,46	238	0,21	1.413	1,25
Транспсекция	63.094	1.279	2,03	334	0,53	945	1,50
Обл., краев., и респ. союзы	458.896	22.257	4,85	11.916	2,6	10.341	2,25
Губ. и райсоюзы	958.693	99.652	10,39	67.180	7,0	32.472	3,39
Итого оптов. организ.	1.864.668	139.334	7,47	85.386	4,58	53.948	2,89
Гор. и рабкооперативы	1.483.938	224.541	15,13	178.100	12,0	46.441	3,13
Сельские о-ва	1.228.732	180.973	14,51	122.873	10,0	58.100	4,51
Транспортные о-ва	226.170	30.894	13,65	23.080	10,2	7.814	3,45
Итого розница	2.938.740	436.408	14,84	324.053	11,0	112.355	3,84
Всего	4.803.408	575.742	12,01	409.436	8,54	166.303	3,47
К чистому обороту			19,6		13,9		5,70

Действительно, «цифры крайне показательны»!

При чистом обороте в 2.938.740 тыс. руб. накидки потребительской кооперации обходятся народному хозяйству в 575,7 млн. руб. (за 3 квартала 1925—26 г.). При этом огромную сумму в 166,3 млн. руб. кооперация получила в виде прибыли. Эта прибыль составляет на чистый оборот ни много, ни мало, как 5,7 проц.

При накидке в 14.505 тыс. р. Центросоюз тратил на расходы 5.728 тыс. руб. (или 2,12 проц. к обороту), а 8.777 тыс. р. шло на прибыль, что дает на оборот (оптовый!) 3,24 процента. Областные, краевые и республиканские союзы из 22.257 тыс. р. наложения на товар покрывали расходы в 11.916 тыс. руб. (2,6 проц.), а 10.341 тыс. рублей (2,25 проц.) оставляли, как прибыль.

При обороте в 1.864,7 млн. руб. все эти оптовые звенья потребительской кооперации (вместе с Центросоюзом) нажили за 3 квартала 1925 — 26 г. — 53.948 тыс. рублей или 2,89% на оборот.

Если же учесть, что прибыль в 166,3 милл. рублей потребительская кооперация получила только за 9 мес., то, очевидно, годовая прибыль составит никак не меньше 210—220 млн. рублей, что, к слову сказать, *почти вдвое превышает цифру прибыли, указанную т. Любимовым на Московской губпартконференции.*

Но эти и без того «крайне показательные» цифры прибыли потребительской кооперации, приобретают особенный смысл, если

[1]) «Торг.-Пром. Газета». № 30.

их сопоставить с размерами собственных капиталов кооперации.

Наименование	Соб. капиталы		Прибыль		
	Всего тыс. руб.	В обороте тыс. руб.	Тыс. руб.	% к собств. капитал.	% к собств. обор. кап.
Оптовые организации	141.086	63.566	53.948	38,9	86,6
Город. и раб. о-ва	66.507	21.153	46.441	69,9	219,9
Сельские о-ва	79.341	31.631	58.400	73,3	183,5
Транспортные	17.426	6.665	7.814	44,9	117,3
Итого розница	163.274	59.449	112.355	69,0	189,4
Всего	304.360	123.015	166.303	54,7	135,1
11 рабкоопов на 1/X 1926 г. по опублик. балансам	3.514,4	—	4.256,6	121,2	—
3 сельпо по балансам	30,4	—	62,9	206,1	—

54,7% прибыли к собственным капиталам и 135,1% к собственным оборотным средствам—это такие проценты, которые не могут быть больше терпимы! Надо же понимать, что в погоне за «барышами» торговый аппарат совершает явное преступление!

Впрочем и эти показательные прибыли на деле, несомненно, преуменьшены. Производственные организации скрывали прибыли под рубрикой «текущего ремонта», «сомнительных» и «безнадежных» должников, но и кооперация, как говорится, «не лыком шита». Например, Сокольническое районное рабочее потреб. об-во при 717 тыс. прибыли показывает 225 тыс.—сомнительных доходов. Всем известный в Москве кооператив «Потребпечатник» умудрился при прибыли в 140 тыс., 106 тыс. списать на сомнительных должников, а Челябинское район. транспортное потреб. об-во списало по этой же расходной статье 42,9 тыс., имея 7,3 тыс. прибыли.

Можно ли при всем этом всерьез ставить вопрос, что-де наш торговый аппарат и в особенности кооперация достигли в своих торговых накидках такого минимума, дальше которого и идти некуда? Это было бы поистине смехотворно. Наш торговый аппарат может и должен быть удешевлен. Мы должны заставить наш торговый аппарат сжать оптово-розничные ножницы до довоенных пределов, мы должны заставить его снизить расходы по продвижению товаров к потребителю и в особенности к крестьянину. Мы должны это сделать, ибо нельзя забывать слова Ленина, что приближается то время, когда крестьянин пред'явил нам свои векселя, и мы, получивши от него кредит, должны все же поторапливаться.

До сих пор наш торговый аппарат и кооперация значились в счете прибылей и убытков крестьянина, как «сомнительные» должники. Но кооперация должна знать, что дальнейшая просрочка выданных нам крестьянством векселей, грозит переходом в число «безнадежных» должников. А в политике это имеет довольно определенный смысл.

«Отсрочку и кредит от народа мы получили, благодаря нашей правильной политике,—говорил Ленин на XI с'езде,—и это, если выразиться по-нэповски—векселя, но сроки на этих векселях не написаны. Когда они будут пред'явлены ко взысканию, этого

справкой с текстом векселя не узнаешь. Вот в чем опасность, вот особенность, которая отличает эти политические векселя от обыкновенных, торговых векселей. На это нам надо обратить все внимание, не успокаиваться на том, что везде ответственные и и лучшие коммунисты в государственных трестах и смешанных обществах, толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать и хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы» [1]).

* * *

Недопустимо существующее положение с себестоимостью промтоваров, но прямо совершенно *нетерпимо* существующее положение в области розничных цен. Бить нужно и здесь и там. Надо добиваться максимального возможного, однако, *не нарушающего темпа развертывания промышленности, снижения отпускных цен*, но в еще *большей мере* надо требовать и добиваться снижения цен розничных.

Интересы сохранения и укрепления союза рабочего класса и крестьянства, интересы повышения материального уровня жизни рабочего класса, интересы индустриализации страны и социалистического строительства настойчиво *требуют* разрешения проблемы цен, и она *должна* быть разрешена.

---

[1]) Ленин, Т. XVIII. Ч. 2, стр. 29.

В. Фейгин.

Ускорение оборота, как источник средств для индустриализации.

Насколько важна проблема ускорения капиталоборота, можно видеть из того, что ускорение его на 1926/27 год в промышленности хотя бы на 3% влило бы в живой оборот промышленных средств *свыше 100 млн. рублей*. Об истекших же годах можно судить по данным ЦУГПрома, которые говорят о том, что ускорение оборота в нескольких отраслях промышленности в 1924/25 г., по сравнению с 1923/24 г., влило в живой оборот промышленных средств около *330 млн. рублей*; другими словами, если бы быстрота капиталооборота этих отраслей промышленности оставалась в 1924/25 г. прежней, то потребовалось бы для ведения тех же операций дополнительных 330 млн. рублей, которые нужно было бы подчеркнуть из государственных средств.

Но вместе с тем, если бы быстрота оборота достигла норм. установленных ЦУГПромом, то, помимо высвобожденных 330 млн. руб., было бы влито в живой оборот, *сверх того*, 225 млн. рублей. а всего, следовательно, *555 млн. рублей*, которые могли быть почерпнуты исключительно из внутренних ресурсов промышленности.

По одной *хлопчато-бумажной* промышленности, если бы быстрота капиталооборота в ней достигла нормы ЦУГПрома, потребовалось бы в 1924/25 г. на 106,5 млн. рублей меньше, чем требовалось в действительности. По отношению к наличным оборотным средствам хлопчато-бумажной промышленности эта сумма (106,5 млн. рублей) составляла около *25%*!

По *шерстяной* промышленности, если бы скорость оборота достигла нормы, установленной ЦУГПромом, то экономия в средствах выразилась бы в 25 млн. рублей, что составляло тоже четверть функционировавших оборотных средств шерстяной промышленности.

По *шелковой* промышленности доведение скорости оборота до нормы ЦУГПрома влило бы в живой оборот до 50% имевшихся оборотных средств этой отрасли промышленности.

По данным т. Цельникера (одного из составителей промфинплана) ускорение капиталооборота по 10 *синдикатам* [1]) влило бы в 1924/25 г. в живой оборот 96 млн. рублей.

Анализируя быстроту капиталооборота в *потребкооперации* в IV квартале, по сравнению с I кварт. 1924/25 г., и констатировав замедление капиталооборота в IV квартале, тов. Цельникер произвел вполне правильные и обоснованные подсчеты,

---

[1]) ВТС, Металлосиндикат, Уралмет, Сельмаш, Солесиндикат, Махорочный, Расмаслосиндикат, Жирсиндикат, Продасиликат и В. К. С.

которые свидетельствуют о том, что, если бы быстрота оборота в IV квартале осталась такой же, как в I, то потребкооперации потребовалось бы меньше средств на 58 млн. рублей.

Эти цифры с достаточной яркостью говорят о важности проблемы ускорения капиталооборота.

Второй вопрос большой важности—это реализация неликвидных ценностей. Реальная стоимость учтенной части неликвидных ценностей составляла к марту 1926 г. свыше 80 млн. рублей. Но в смысле реализации этих фондов, что мы увидим из дальнейшего, сделано очень мало, в силу тормозящего влияния, которое оказывает на производственно-торговую деятельность излишняя централизация в управлении промышленностью.

Относительная медленность капиталооборота об'ясняется, помимо всего прочего, неблагоприятным составом оборотного капитала, что, в свою очередь, об'ясняется скоплением в наших трестах и заводах, входящих в их сеть, излишних запасов.

При анализе составных частей оборотных средств промышленности первое, что обращает на себя внимание, это ненормально высокий удельный вес товаро-материальных ценностей, по сравнению с остальными более подвижными частями оборотного капитала (денежными средствами, дебиторами и т. д.).

И второе то, что в общем составе оборотного капитала и менее подвижной его части (товаро-материальных ценностей) большой удельный вес принадлежит *излишним запасам* сырья, топлива, строительных материалов, разного рода вспомогательных и пр.

Важная причина этого—излишняя централизация в управлении промышленностью. Заводы лишены возможности самостоятельно производить, даже частично, закупки материалов, а последние, в силу разнообразия своего ассортимента, не могут быть своевременно и аккуратно, в течении небольших промежутков времени доставляться заводам трестами.

Первая причина, стало быть, та, что тресты, в силу *огромного количества заявок* на материалы *различных наименований* со стороны фабрик и заводов, не могут эти материалы доставлять *на короткие* промежутки времени, так как это привело бы тресты к *огромной* нагрузке и к невозможности справиться с нею. В силу этого, они вынуждены, удовлетворяя требования заводов, снабжать их материалами не на короткие, а на длительные промежутки времени.

Вторая причина та, что, имея огромное количество заявок на различного рода материалы [1]), тресты не справляются со своей работой, не могут в точности удовлетворять требования на все сорта просимых материалов и очень часто посылают излишки

---

[1]) По Югостали заявки на материалы со стороны заводов к сентябрю 1925/26 г. достигли огромных размеров. Материалы эти имели до 16.000 наименований. Вполне понятно, что, несмотря на большой аппарат, Югосталь не могла правильно, аккуратно и на короткие промежутки времени снабжать заводы потребными им материалами. Отсюда—переснабжение одними материалами и недоснабжение другими. А как результат такого снабжения, получилось сосредоточение излишних запасов, с одной стороны, и перебои в производстве из-за недостатка других материалов, с другой стороны. Залежи по некоторым видам вспомогательных и технических материалов достигли годичной потребности производства.

По текстильной промышленности—заказы фабрики им. Халтурина на детали машин состояли из 239 названий; Ивтекстиля—из 88 названий и т. д.

материалов одного сорта, недопосылая требуемых материалов других сортов. Отсюда—сосредоточение чрезмерных запасов материалов одних сортов и недостаток в других сортах, а это последнее приводит к перебоям в производстве и огромным убыткам.

Третья причина та, что фабрики и заводы, получая несвоевременно, а очень часто и совсем не получая требуемых материалов, вынуждены обеспечивать свое производство излишними запасами для предотвращения перебоев в нем.

Четвертая причина заключается в том, что огромное количество инстанций, сквозь которые приходится проходить заказам (до 13 по текстильному машиностроению), заставляет фабрики и заводы обеспечивать себя запасами, так как заказ при этих условиях выполняется в течение длительного промежутка времени.

Пятая причина заключается в волоките при реализации готовых продуктов.

Данные ревизионных комиссий говорят о том, что по ряду трестов скопление запасов сырья и вспомогательных материалов достигает чрезвычайно внушительных размеров. Скопление это об'ясняется в основном указанными нами причинами.

Так, по *Югостали* к сентябрю 1925—26 года имелись запасы кокса, приближающиеся к 2-месячной потребности треста, и руды, превышающие в среднем двухмесячную потребность треста. Нормальные же запасы в наших условиях должны составляться на 1 месяц. По *Южрудтресту* запасы равнялись по некоторым материалам трехгодичной потребности треста, а по целому ряду материалов они превышали нормальную трехмесячную потребность, что по 6 рудоуправлениям составляло 1 миллион рублей. В *Ленинградском Машиностроительном тресте* запасы некоторых вспомогательных материалов составлены на $1\frac{1}{2}$ года. Запасы инструментов равны двухгодичной потребности треста, что отнимает от живого оборота треста сумму в 700 тыс. рублей. К тому же значительная часть хранящихся инструментов уже устарела. Запасы железа равны четырехмесячной потребности в железе в то время, как интересы производства и рыночные условия не требуют создавания запасов более, чем на 2 месяца.

По *Кожсиндикату* увязанные в сырьевых заготовках средства значительно превысили нормальные потребности и составляли часто двух-трехмесячную стоимость всего заготовляемого сырья в то время, как вполне достаточно авансы для заготовки кожсырья выдавать с расчетом заготовок на $1\frac{1}{2}$ месяца.

Запасы разного рода материалов по ГЭТ'у превышали в истекшем 1925—26 г. (к апрелю) восьмимесячную потребность треста, а по мнению ревизионной комиссии, запасы их, если исходить из потребности производства и рыночных возможностей, должны составляться не более, чем на 3—4 месяца.

По 1-му и 2-му *Льноправлению* излишних материалов имелось в истекшем году меньше в ценностном отношении, чем в других трестах, но и в них запасы некоторых частей машин достигли 10-летней потребности производства.

По *Орехово-Зуевскому тресту* фабрики обеспечивались материалами иногда до 2-х лет: сортовым железом от 12-ти до 50-ти мес.; химическими материалами—от 10-ти до 21-го мес. и т. д.

Оборачиваемость капитала снизилась вследствие этого с 1,69 до 1,61 раза.

Если мы переведем излишки запасных материалов на язык цен, пользуясь данными ревизионных комиссий, то мы получим следующую картину [1]).

Тресты	Оборотный капитал	Излишние запасы к середине и к концу 1925/26 г.	% к оборотному капиталу
Южно-Рудный трест	8.000.000	1.000.000	12,5
Южно-Машиностроит. трест	39.538.000	8.000.000	20
Ив.-Вознесенский трест [2])	83.120.000	13.000.000	15,64
Серпуховской трест	17.117.000	1.670.000	10,5
Ярославский трест	9.600.000	1.064.000	9,5
Орехово-Зуевский трест	30.295.000	6.000.000	20
Кр.-Пресненский и Егор.-Раменский тресты	44.138.000	3.000.000	6,8
Всего	231.808.000	33.734.000	14,55

Мы видим из этой таблицы, что только по 8 трестам излишек запасных материалов составлял к середине и к концу 1925—26 г. около 34 милл. рублей. В сумме оборотных средств эти излишние запасы, что видно из таблицы, занимали крупное место, доходя до 20% всех оборотных средств (по Орех.-Зуевскому тресту) и не опускаясь ниже 6% (по Красно-Пресненскому).

Другими словами, в массе оборотных средств излишние запасы, занимая крупное место, отвлекают тем самым часть средств от живого оборота, превращают часть оборотного капитала в неподвижный капитал.

Из-за недостатка сведений мы не имеем возможности произвести подобного же исчисления по другим трестам и поэтому вынуждены ограничиться приведением лишь абсолютных данных стоимости излишних запасов без сравнения их (излишних запасов) с суммой оборотных средств.

Из этой таблицы мы видим, что только по 11-ти трестам и 1 синдикату излишние запасы сырья, вспомогательных и

[1]) Эти данные ревизионных комиссий относятся к 1925/26 г. В большинстве своем были опубликованы в «Торгово-Промышленной Газете», «Известиях ЦИК», «Правде» и др. По некоторым трестам приведены данные правлений трестов, отдельных руководителей их и их ревизионных комиссий. Помещаем лишь те материалы, которые, будучи опубликованными, оспариванию не подвергались. Критерием нормальности запасов для ревизионных комиссий служил учет: 1) рыночных условий; 2) длительности производственных процессов; 3) специфических местных условий.

[2]) Данные о величине оборотного капитала всех текстильных трестов взяты из бюллетеня («Известия текстильн. промышленности») № 20 за 1926 г. Но следует иметь в виду, что такова была величина оборотных средств в 1924/25 операц. году, а в 1925/26 г. она несколько повысилась, поэтому процентное соотношение между излишними запасами и оборотными средствами в действительности ниже.

строительных материалов (сюда входит также некоторая доля неликвидных фондов, полуфабрикатов и отчасти готовых продуктов), составляли 64 милл. рублей, отвлекая таким образом

Наименование трестов	Излишние запасы к середине и к концу 1925/26 г.
Ленинградский машиностроит. трест	4.300.000 р.
Гомза	14.000.000 »
Сахаротрест	20.000.000 »
Резинотрест	8 000.000 »
Сев. химический трест	2.300.000 »
Москвоуголь	690.400 »
Алтай полиметалл	500.000 »
Цупвоз	300.000 »
Автотрест	300 000 »
Алданзолото	600.000 »
Госпромцветмет	8.206.300 »
Кожсиндикат	5 000.000 »
Итого	64.196.700 р.

эту сумму от живого оборота. В соединении со стоимостью излишних запасов 8 рассмотренных уже нами трестов, вся стоимость излишних запасов по 17-ти трестам из 62-х составляла 97.930.700 р.

Из этого видно, насколько важна и актуальна проблема *устранения тех причин*, которые приводят оборотные капиталы к подобному ненормальному состоянию.

Если мы теперь обратимся к рассмотрению вопроса о строении оборотного капитала всей промышленности СССР (по данным промфинплана), в частности, о доле менее подвижных частей оборотного капитала, и сравним его со строением в дореволюционное время, то картина крайней неподвижности нашего оборотного капитала обнаружится еще рельефнее.

Доля материальных ценностей в общей сумме оборотных средств в %% [1]).

Отрасли промышленности	1911—12 г.	1925—26 г.
Металлическая	39,9	57,4
Электротехнич.	29,1	65,4
Текстильная	44,6	48,2
Горная	42,5	63,0
Топливная	23,1	33,0
Химическая	44,6	56,2
Лесная	49,2	61,7
Пищевая	43,6	64,4
Кожевенная	59,2	58,6
Бумажная	43,0	53,2
Силикатная	35 5	43,4
Полиграфическая	46,5	42,0
Швейная	—	62,0
Строительная	—	16,8

[1]) Данные довоенные по книге П. Оля—«Статистика акц. обществ». Цитирую по статье Баруна в № 4 «Социалист. хоз.». Увеличение доли материальных ценностей является результатом не только абсолютного роста этой части оборотного капитала, но и уменьшения прочих его частей.

Из этой таблицы мы видим, что только в трех отраслях промышленности: полиграфической, силикатной и кожевенной, имеется сравнительное соответствие с довоенным в смысле соотношения товаро-материальной части оборотного капитала со всем оборотным капиталом в целом.

Во всех остальных отраслях промышленности это соотношение крайне неблагоприятно по сравнению с довоенным. В особенности оно неблагополучно в электротехнической промышленности, металлической, горной, химической, лесной, пищевой и бумажной. В них товаро-материальные части превышают в составе оборотного капитала довоенный уровень от 10 до 20%. В электротехнической промышленности эта часть оборотного капитала превышает довоенный уровень более, чем вдвое; в горной—почти в два раза; пищевой—в 2½ раза; металлической—1½ раза и т. д.

Нужно к этому прибавить, что довоенный состав оборотного капитала значительно отличался от состава оборотного капитала промышленности передовых капиталистических стран. В этих последних удельный вес товаро-материальной части был значительно ниже, чем в России, а подвижных частей—денежных средств и дебиторов—значительно выше. Отставая в этом отношении даже от дореволюционного периода, оборотный капитал промышленности СССР еще в более значительной мере отстает, в смысле внутреннего соотношения своих частей, от оборотного капитала передовых стран [1]).

Вследствие этого и создается такое положение, когда скорость оборачиваемости оборотных средств крупной государственной промышленности отстает от скорости оборачиваемости средств мелкой, технически отсталой и разобщенной ненационализированной промышленности. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Скорость оборачиваемости оборотных средств в 1924—25 г.

Название отраслей промышленности	Коэффициент оборачиваемости	
	Обобществленная	Необобществленная
Силикатная	2,03	2,36
Топливная	1,51	1,85
Горная	1,49	1,96
Металлическая	1,37	1,83
Деревообрабатыв.	1,34	0,95
Химическая	1,41	1,95
Текстильная	1,82	3,24
Одежда и туалет	2,42	3,27
По всем	1,40	3,27

Мы видим, что по всем отраслям промышленности, за исключением деревообрабатывающей, скорость оборачиваемости средств в государственном секторе промышленности отстает от скорости

[1]) В этом отношении интересно сопоставление балансов германской электрической кампании (A. E. G.) и нашего Госэлектротреста: в то время, как при наличии капитала в 180 млн. руб. германская фирма имеет запасов на 8—10 млн. руб., ГЭТ при наличии капитала в 183 млн. руб. имеет запасов на 45 млн. руб.

оборота в необобществленном секторе. По металлической промышленности это явление об'ясняется также и качественным отличием государственного сектора этой отрасли промышленности от необобществленного. В первом случае производятся средства производства, а, следовательно, оборот должен быть медленнее, чем во втором случае, когда производство ограничивается выработкой лишь мелких изделий.

Длительность прохождения товаров через множество инстанций от фабрики к потребителю не может также не вызвать замедления товарооборота. Но этот же факт не может не вызвать замедления кредитооборота, ибо чем дольше длится процедура заказа и прохождения товаров, чем медленнее совершается реализация их, тем на большие сроки (в рамках краткосрочности) вынуждены оптовые покупатели требовать как чистого, так и товарного кредита.

Мы приведем пример, характеризующий порядок прохождения товаров от фабрики до ВТС, при чем добавляем, что такое положение было исправлено к концу 1925—26 года, благодаря чему для живого оборота было высвобождено 26—27 млн. рублей. Реализация готовых изделий происходила ВТС до последнего времени следующим образом: ВТС отбирал у фабрик карты на ассортименты товаров, возвращал их на фабрики и по ним отгружался товар. Но для того, чтобы отобрать нужные карты ВТС приходилось распределять их по отделениям, на что уходило в среднем 3—4 дня. На пересылку карт от фабрики до синдиката уходило также 2 дня. Дальше, карты передавались кооперации, которая на отборку их выговаривала себе по генеральному договору 7 дней. Затем, после этой процедуры, карты возвращались на фабрику, что отнимало тоже 2 дня, потом один день уходил на рассортировку по ним товаров (все это в условиях товарного голода). Если в число дней, уходящих на эту процедуру, не включать время, отводимое по генеральным договорам кооперации, то среднее количество дней, уходящих на эту процедуру, равно 10.

Время это тратилось совершенно непроизводительно, а в переводе на деньги это означает по одному хлопчато-бумажному товару при 80 милл. рублей выработки в месяц—иммобилизацию 26—27 милл. рублей.

Повидимому, не лучше обстоит дело и в других синдикатах и трестах.

В последнее время в ВТС произведена следующая реформа: фабрикам дается заранее точное расписание, в какое отделение тот или иной вид товаров должен направляться, и, благодаря этому, товары сразу же из фабрики, без прохождения «процедуры с картами», отправляются в синдикат.

Помимо этого мероприятия, проведено и другое. Упаковка товаров теперь производится непосредственно синдикатом. Товары отправляются на склады синдиката в незапакованном виде, и, благодаря этому, в периоде оборота высвобождается еще 5—6 дней, что по хлопчато-бумажной промышленности означает высвобождение около 15 милл. рублей, а при распределении на всю текстильную промышленность в целом—до 30 милл. рублей.

Таким образом, по одному только текстильному синдикату проведение ряда мероприятий, уменьшающих длительность про-

цедуры прохождения готовых изделий от фабрики до синдиката (до синдиката только, а не до потребителя), влило в живой оборот 57 милл. рублей [1].

Если изучить этот вопрос по ряду синдикатов, если подсчитать, сколько времени непроизводительно тратится на прохождение готового товара от фабрики через ряд инстанций к потребителю, если перевести на деньги эту непроизводительную затрату времени, в течение которого готовые товары, уклоняясь от живого оборота, представляют собой неподвижный, мертвый капитал,—то получится, несомненно, огромная сумма, исчисляемая десятками, а, может быть, и сотнями миллионов рублей. Об этом свидетельствует тот факт, что только по одному текстильному синдикату такое «залеживание» отнимало от живого оборота 57 миллион. рублей.

Это «залеживание» тормозит не только товарооборот, но и кредитооборот. Иначе и не может быть. Снижение покупателям сроков кредитования не может происходить успешно при условии медленного продвижения товаров от фабрик к покупателям и непосредственным потребителям.

Данные, относящиеся к 1924—25 г., по 10-ти синдикатам, говорят о том, что, несмотря на медленность оборота товаро-материальных ценностей, быстрота кредитооборота отставала от товарооборота, что значительно затрудняло торговые операции и создавало напряженное финансовое положение.

Отставание скорости кредитооборота от товарооборота рисуется следующими цифрами.

Коэффициенты ускорения товаро- и кредитооборота за 1924/25 г. по сравнению с 1923/24 годом [2]).

Наименование синдикатов	Коэффиц. ускорения оборота товаро-материальных ценностей	Коэффициент ускорения кредитообор.
ВТС	1,33	0,83
Металлосиндикат	0,98	0,83
Уралмет	1,53	0,91
Сельмаш	1,48	1,28
Солесиндикат . .	0,79	0,73
Махорочный . . .	2,0	1,30
Расмасло	8,33	1,10
Жирсиндикат . .	1,04	0,58
Продасиликат . .	1,17	0,76
ВКС.	1,49	0,94 [3])
Итого . . .	1,29	0,88

Как мы видим, по всем 10 синдикатам одна и та же картина. Ускорение кредитооборота отстает от ускорения товарооборота, и основной причиной этого является современная организация управления промышленностью, ведущая к сосредоточению всех операций по снабжению и сбыту в руках трестов и синдикатов, что создает вынужденно-медленный темп прохождения товаров по товаропроводящей сети и вызывает тем самым необходимость заключения кредитных сделок на более длительные сроки, чем это диктуется рыночной кон'юнктурой.

[1]) «Торгово-Промышленная Газета», № 217 за 1926 год.
[2]) «Социалистическое Хозяйство» № 4 за 1926 г. (ст. Цельникера).
[3]) По другим сведениям коэффициент ускорения кредитооборота по ВКС равен не 0,94, а 0,04, т.-е. на 0,9 меньше.

Характерны здесь два факта. Во-первых, то, что скорость кредитооборота отстает от скорости товарооборота, и, во-вторых, то, что в 1924/25 г., по сравнению с 1923/24 г. средние сроки кредитов здесь значительно возросли. Так, в 1923/24 г. они составляли в среднем 76 дней, а в 1924—25 г.—86 дней. Если бы нормы 1923—24 года были сохранены (а этого нельзя было сделать из-за увеличения звеньев товаропроводящей и снабжающей сети), то потребность в оборотных средствах для этих 10 синдикатов уменьшались бы на 34 миллиона рублей. Если бы было достигнуто соответствие в ускорении кредитооборота, по сравнению с товарооборотом, то живой оборот этих 10 синдикатов пополнился бы 96 милл. рублей [1]).

С другой стороны, организационная неувязка приводит к такому положению, которое до последнего времени имело место в ВТС. Оно сводится к следующему. Порядок расчета ВТС с трестами производили, с одной стороны, торговые управления ВТС (хлопчато-бумажное, льнопеньковое и шерстяное), а с другой стороны—заготовительные отделы (хлопковый, шерстяной, техническая контора и химический). «Каждая из этих единиц, о чем сообщалось своевременно в нашей печати, учиняла расходы и расчеты совершенно самостоятельно. В один и тот же день и по одному и тому же тресту, на основе соответствующих договоров, друг от друга совершенно изолированных, синдикат *уплачивал* наличными и выдавал векселя *по торговому управлению и получал* от того же треста наличные и векселя по *снабженческим* операциям».

Таким образом, не было взаимного погашения векселей в рамках одного синдиката по двум управлениям, а синдикат, с одной стороны, выдавал наличные и векселя тресту, а с другой стороны—получал наличные и векселя от того же треста. Отсюда следующие излишние расходы:

1) излишняя вексельная эмиссия;
2) связанные с ней расходы по вексельному сбору;
3) уклонение от живого оборота денег, движущихся по двум направлениям в рамках одного и того же синдиката, одних и тех же трестов.

Само собой разумеется, что при такой постановке дела и штаты этих организаций должны быть чрезмерно вздуты.

Этот момент (оседание денежных средств и уклонение их от живого оборота) привело к тому, что в 1925—26 году у синдиката накоплялось до 60 милл. рублей векселей трестов, а у тех же трестов—100 милл. рублей векселей синдиката. Вместо взаимного погашения их и высвобождения денежных средств получилось праздное лежание их и использование на деле не для действительного оборота, а для фиктивного.

Все это приводит к положению, при котором благоприятные возможности рыночной кон'юнктуры не используются, и кризис

[1]) Данные Цельникера. «Торгово-Промышленная Газета» № 97 и «Социалистическое Хозяйство» № 4 за 1926 год.

оборотного капитала не преодолевается, несмотря на возможность преодоления его.

Теперь несколько слов посвятим вопросу о реализации неликвидных фондов.

Неликвидных фондов по балансовой оценке к марту 1926 г. было реально на 80 милл. рублей.

Существует мнение, что основной причиной слабой реализации неликвидных фондов является неблагоприятность рыночной кон'юнктуры. Благоприятных и неблагоприятных сторон рыночной кон'юнктуры игнорировать, конечно, нельзя, но основная причина слабости реализации неликвидных фондов, о чем свидетельствуют данные ревизионных комиссий, кроется в другом. Сущность вопроса заключается в том, что заводы и фабрики, в которых скопляются неликвидные фонды, не имеют права их реализовать. Это право принадлежит лишь трестам. И вторая причина заключается в том, что создавшаяся система учета неликвидных фондов такова, что требуется огромное количество времени, средств и людей со специальными знаниями для того, чтобы требования, пред'являемые к учету, были удовлетворены. В результате ценности, исчисляемые в размере 80 милл. рублей, лежат без движения, не принося пользы производству. Медленность реализации неликвидных фондов характеризуется следующими цифрами, относящимися к 1925—26 году и отчасти к 1924—25 году.

Госпромцветмет за 12 месяцев реализовал на 79 тысяч руб. неликвидных ценностей, осталось же нереализованными на 564 тыс. руб. В *Гомзе* не реализовано еще на 10 милл. рублей. В *Сахаротресте* из общей суммы 5.569 тыс. руб. неликвидных фондов реализовано всего лишь на 468 тыс. руб. В *Московском хлопчато-бумажном тресте* не реализовано 50% неликвидных фондов. В *Центробумтресте* из неликвидных фондов реализовано всего лишь 16%. В МСНХ из 3.550 тыс. рублей неликвидных фондов—осталось нереализованными на 2.600 тыс. рублей. *Автотрест* реализовал всего лишь 5% неликвидных фондов; осталось нереализованными на 1.832.000 руб. *Камвольный трест* не реализовал 80% неликвидных фондов, *1-е Льноправление* из неликвидных фондов, стоимость которых составляет 932.000 руб., реализовало только на 106.000 рублей. *Центроспирт* из фонда в 988.000 рублей не реализовал ничего. В *Москвоугле* осталось нереализованных неликвидных фондов на 2.124.000 рублей. В ЮМТ'е сумма их, по ориентировочным данным, достигает 11 милл. рублей; в *Югостали*, по неофициальным данным, 17 млн. руб. В *Ленмаштресте* из 11 милл. рублей неликвидных фондов реализовано на 1.973 тыс. рублей. В *Донугле* осталось нереализованных неликвидных фондов на 4.200 тыс. рублей. В *Грознефти* не реализовано на 4.700 тыс. руб. В *Азнефти*—на 25 милл. р. [1]).

---

[1]) «Торгово-Промышленная Газета» за 1926 г. № 66.

Сводка в передовой статье, подытоживающая все те данные (по балансовой оценке), которые помещались в газете за 1-е полугодие 1925/26 опер. года. Всего по 1-е января 1926 г. реализовано было 20%, осталось нереализованными 80%. Отмечается тот интересный факт, что в небольших трестах реализация неликвидных фондов происходит успешнее, чем в больших. Об'ясняется это тем, что крупные тресты, при условии, когда реализацию они должны производить сами, но не заводы, не имеют возможности успешно выполнить всю эту огромную работу, и в этом отношении перевес на стороне мелких трестов.

В некоторых трестах эти фонды достигают 10% уставного капитала.

Лишь предоставление заводам прав самостоятельной реализации неликвидных фондов и простейший учет их приведет к тому, что в основной и оборотный капитал промышленности вольются новые десятки миллионов рублей, почерпнутые из внутренних ресурсов промышленности.

Выводы из краткого анализа условий темпа оборота, кроющихся *не* в особенностях производственного процесса, таковы.

Технический уровень нашей промышленности характеризуется чрезвычайной разнообразностью оборудования. Имеются тысячи различных типов машин, в каждой из которых огромное количество разнообразных, отличающихся друг от друга деталей машин. При тех условиях, когда фабрики и заводы не имеют прав сами производить закупки даже мелких деталей машин и инструментов, они вынуждены давать тысячи заказов на материалы разных наименований (16.000 по Югостали, более 200 по текстильной промышленности и т. д.), благодаря чему тресты и синдикаты, независимо от воли людей, работающих в них, не в состоянии полностью справляться с возлагаемой на них работой.

Отсюда получается переснабжение по одним видам материалов и недоснабжение по другим видам [1]). Отсюда—излишние запасы и, отчасти, неликвидные фонды, с одной стороны, и перебои в производстве—с другой стороны. Из-за отсутствия или несвоевременного получения какой-нибудь детали машины получаются простои в производстве. Из-за винтика—остановка машины; из-за копеечного дела—миллионные убытки.

А все это вместе замедляет быстроту капиталооборота.

Разнотипность машин требует и разнотипного сырья. Опять получается множество заказов от фабрик трестам и синдикатам, опять это множество заказов, продвигаясь по десяткам инстанций, отнимает время у десятков и сотен тысяч людей (на содержание которых расходуются к тому же миллионы рублей), и в результате—неизбежное оседание средств в запасах и перебои в производстве, приводящие, все вместе, к замедленному товаро- и кредитообороту.

Вот, почему необходимо предоставить заводам и фабрикам права самостоятельности в снабжении необходимыми производственными материалами, оставив за трестами и синдикатами право снабжения лишь по линии основных и типовых материалов.

При этих условиях улучшится состав оборотного капитала в сторону меньшего оседания в нем малоподвижных ценностей, в сторону большей гибкости его, а это приведет к ускорению его оборачиваемости.

При этих условиях быстрым темпом пойдет реализация неликвидных фондов.

При этих условиях облегчится борьба с перебоями в производстве.

---

[1]) Следует иметь в виду, что сосредоточение излишних материальных запасов в промышленности вовсе не обозначает удовлетворенность ее в материалах всех видов. Имея излишние запасы по одним видам материалов, промышленность испытывает вместе с тем сплошь да рядом острую нужду по другим видам материалов.

А с другой стороны, очень значительно упростится работа, выполняемая трестами и синдикатами; некоторые товароснабжающие и товаропроводящие органы и звенья станут излишними, а все это даст возможность увеличения гибкости товаропроводящей сети за счет сокращения части ее звеньев и функций остающихся органов, и это, в свою очередь, в значительной мере разрешит проблему сокращения штатов.

Мы приобретем, таким образом, возможность получения *добавочных ресурсов для индустриализации* из трех источников: из ускорения кредито-и товарооборота, что может влить в живой оборот промышленности, если даже ускорение произойдет на 5—6%, около 200 миллионов рублей; из упрощения товаропроводящей сети, сокращение которой хотя бы на одну двадцатую часть вольет в средства промышленности 150 милл. рублей; из уменьшения количества простоев на фабриках и заводах, что также приведет к увеличению промышленных средств.

Мы говорим о мерах, которые могут быть проведены без особых материальных затрат. Ускорение оборота от *сокращения периода производства* в результате рационализации производства, капитального строительства, переоборудования—могло бы послужить темой особого разговора.

М. Рютин.

Низовая работа и задачи партийного руководства.

I.

Каждый отдельный этап борьбы пролетариата имеет свои отдельные специфические черты как в содержании, так и методах партийного руководства. Так, например, в период гражданской войны узловым пунктом в содержании партийного руководства была мобилизация масс для победоносного отпора вооруженной контрреволюции, основной задачей было уничтожение сил врага, их разгром вооруженной рукой рабочего класса, где бы они ни находились. Методы руководства характеризовались тем, что свернута была не только внутрипартийная демократия, но и вся советская пролетарская демократия, будучи подчиненной необходимости скорее и успешно завершить гражданскую войну, должна была терпеть весьма значительные ограничения.

Теперь вся совокупность условий мирного социалистического строительства, наоборот, диктует необходимость развертывания и внутрипартийной демократии и всех основных форм пролетарской демократии вообще. Без этого было бы невозможно успешное политическое воспитание масс, руководство ими; без этого было бы почти невозможно и наше хозяйственное социалистическое строительство в той новой его фазе, в которую мы вступили и которая с особым напором толкает нас к вовлечению новых сотен тысяч и миллионов рабочих и крестьян в работу по перестройке страны на социалистических началах.

Сама основная линия в отношении ленинской большевистской выдержанности партийного руководства должна сейчас проводиться еще более четко и последовательно, ибо каждая ошибка может угрожать огромными отрицательными последствиями в отношении и организации нашего хозяйства, и политического состояния страны. Теперь за политикой партии более активно следят миллионы рабочих, миллионы крестьян, всякая ошибка сейчас же подвергается соответствующей оценке. В такой форме такого положения мы не имели и не могли иметь раньше. Активность рабочего класса и крестьянства, активность враждебных нам социальных прослоек поднялась, поэтому одинаковая политическая ошибка теперь в ряде случаев может давать больший политический минус, чем она дала бы раньше.

Говоря о правильности и выдержанности большевистского руководства, мы имеем в виду не только руководство высших партийных органов, но и низовых партийных организаций. *Не только от губернского комитета партии, но и от любой ячейки сейчас требуется больше, чем два—три года назад.* Если пару лет назад то или иное нарушение коллективного договора проходило зачастую незамеченным, то сейчас оно, наоборот, всегда

вызывает острую реакцию в массах. Работа расценочно-конфликтных комиссий, тарифно-нормировочных бюро, где в свое время действовали по большей части на глазок, сейчас требует особой тщательности, особого внимания в подборе работников, особой проверки со стороны ячеек. Можно было бы указать не мало случаев, когда на предприятиях возникали заминки только благодаря слабой работе расценочно-конфликтных комиссий или в силу ошибок тарифно-нормировочных бюро.

Ячейки и фабрично-заводские комитеты не могут забывать, что формальное, бездушное, бюрократическое отношение к делу у нас имеется не только в аппаратах высших советских органов, но порой и внизу, даже в ячейке, даже в фабрично-заводском комитете. Многие фабрично-заводские комитеты и сейчас еще склонны работать по шаблону, а между тем успешная массовая работа невозможна и немыслима без надлежащей постановки работы фабрично-заводского комитета или месткома. *Именно фабзавместкомы являются той элементарной массовой школой коммунизма, которая выковывает в своих недрах миллионный актив, которая связана, повседневно воздействует на линию поведения сознания девяти миллионов членов профсоюзов.*

Между тем из самого последнего времени, из практики работы фабзавместкомов крупных промышленных центров можно было бы привести факты, когда директором завода пачками по 150 человек рабочим об'являются выговоры в приказе, с вывешиванием приказа, выговоры, часть которых является совершенно неосновательной, и фабрично-заводский комитет с такими методами борьбы за организацию производства и устранение недостатков не только не борется, но, наоборот, заявляет, что «у нас давно так заведено».

Всякая низовая партийная организация должна помнить сейчас свою основную политическую линию — *быть лидером масс, их авангардом*. Каждый коммунист должен неизменно чувствовать себя частицей этого авангарда и соответствующим образом выполнять свою роль. Партийные ячейки обычно терпят (такие факты, понятно, бывают в общем редко) банкротство в руководстве массами только тогда, когда они или свергывают, прячут свое партийное знамя, свое партийное лицо, оказываются в хвосте масс, когда некоторые коммунисты засовывают свой коммунизм глубоко в свой боковой карман, или когда ячейка отрывается от рабочих масс, замыкается от них, начинает работать на холостом ходу, когда члены партии к беспартийным массам проявляют высокомерие, комчванство, своеобразный рабочий аристократизм. Избежать эти уклоны—это и значит—найти правильную организационную линию во взаимоотношениях низовых партийных организаций с массами.

Элементы хвостизма в рабочем классе всегда были, есть и будут еще долгое время. И низовые партийные организации, как и вся партия в целом, должны уметь сочетать в себе несгибаемую способность преодолевать все эти элементы хвостизма, настроения отсталости, цеховщины, и в то же время способность быть органически связанными даже с самыми отсталыми рабочими массами и уходить в рабочий класс всеми своими корнями. На данной стадии развития рабочего класса и нашего социалистического строительства эти требования становятся особенно актуальными.

II.

Основным содержанием руководства рабочими и крестьянскими массами являются теперь наши очередные задачи социалистического строительства: индустриализация страны, режим экономии, снижение цен, кооперирование масс города и деревни, их политическое воспитание в духе ленинизма, в особенности работа в этом направлении с новыми кадрами рабочих, подбор работников и проверка выполнения данных директив.

Лозунг индустриализации страны и осуществления режима экономии проник в самые глубокие толщи рабочих масс. Эти лозунги массы знают, но они еще не всегда ими правильно понимаются. Наша задача—добиться наиболее ясного и правильного их усвоения, иначе само вовлечение масс в дело индустриализации страны и проведения режима экономии будет натыкаться на серьезные препятствия.

Чем больше будут вовлекаться массы в проведение лозунгов индустриализации и режима экономии, тем меньше будет самих извращений. Чем больше мы будем устранять безобразия в нашем хозяйствовании и бороться со всякими излишествами, тем меньше будет почвы для настроений, находящих свое выражение в том, что режим экономии проводится за счет рабочих.

Рядового рабочего возмущает порой до глубины души самое ничтожное злоупотребление или упущение, оно скрывает от него, затемняет даже самые достижения. На одном из собраний беспартийного рабочего актива Москвы один из рабочих говорил: «Я боком, со стороны, слыхал, что у нас подача материалов упрощена, с'экономили на топливе, соединили складское имущество, и это дает экономии до 10 тысяч в год, а вот все рабочие говорят о завхозе, переезжавшем на дачу на казенной лошади, о том, как администратору таскают на квартиру дрова рабочие, о том, как сократили уборщицу. *Сто рублей неэкономии больше видать, чем 10 тысяч экономии. Надо, чтобы хозяйственник нам рассказывал, как он экономит».*

В отношении проведения режима экономии мы некоторых результатов бесспорно добились, сдвиг налицо; уже создалось некоторое пролетарское общественное мнение, которое начинает давить и воздействовать на линию поведения хозорганов и хозяйственников. Наша задача—ни в какой мере не ослаблять здесь нажима и напора и одновременно взяться с неменьшей энергией за снижение цен и борьбу с бюрократизмом. Эти мероприятия потребуют еще большего вовлечения масс в их проведение.

Лишь в той мере, в какой нам удастся действительно вовлечь массы в борьбу за снижение цен, в борьбу с бюрократизмом, лишь в этой мере и сами задачи будут решены. Больше всего следует опасаться пустых разговоров, это дезорганизует, разочаровывает массы, это вносит в их ряды разброд. Для того, *чтоб массы действительно могли быть привлечены к практической работе по борьбе за снижение цен, по борьбе с бюрократизмом, надо обратить особое внимание на отыскание тех точек приложения сил, на нащупывание тех организационных рычагов, за которые надо массам ухватиться, на которые нужно нажать для того, чтоб дело двинулось вперед.*

Лавочные комиссии кооперативов, бывшие до настоящего времени сомнительной ценности придатком кооперации, должны дей-

ствительно стать выбранными пайщиками органами, следящими за работой кооперативного предприятия, в особенности в области снижения расходов, качества товаров и обслуживания потребителя. Они должны следить за недопущением самовольного повышения цен сверх прейс-куранта, заслушивать доклады зав. магазином о расходах по данному магазину, намечая для дальнейшей работы конкретные предложения, по крупным магазинам через орготделы кооперативов созывать совещания потребителей данных предприятий для обсуждения вопросов об их работе, качестве товаров, снижении цен и т. д.

Торговые секции собраний уполномоченных кооперативов, идя по пути всемерного втягивания в работу широких слоев потребителей, основное внимание должны обратить также на практические вопросы, как-то: пути прохождения товаров, условия закупки товаров, постановка техники отпуска товаров потребителю и т. д. Соответствующим образом должны развернуть свою работу и контрольно-ревизионные секции собраний уполномоченных.

Что касается предприятий и советских учреждений, там работы еще больше, ибо до настоящего времени на предприятиях дело ограничивалось в 90 случаях из 100 заслушиванием в год раз или два докладов на общем собрании рабочих правления кооператива и принятием резолюции. *Работа на предприятиях и в учреждениях по борьбе за снижение цен, по организации потребителя вокруг всего кооперативного строительства и госторговли должна по настоящему только еще начаться.* Между тем здесь один из основных рычагов борьбы за снижение цен. *В борьбе за снижение цен мы каждое предприятие должны сделать опорным пунктом, форпостом, откуда должны обстреливаться все недостатки, злоупотребления, бюрократические проволочные заграждения, стоящие на пути снижения цен.* К каждому организационному рычагу, к каждому звену, дающему возможность тянуть за собой всю цепь снижения цен, нам надо привлечь десятки, сотни тысяч потребителей рабочих, крестьян, служащих, чтобы в разрешении этого узлового вопроса экономики и политики сегодняшнего дня мы могли добиться реальных положительных результатов.

К массам же партия обращается и в деле борьбы с бюрократизмом: эта борьба еще более сложна, ибо бюрократизм зачастую бывает неуловим. Он прячется за циркуляр, постановление, даже закон. *Бюрократизм коренится и в системе управления, в определенной организации аппарата управления и в людях. Можно быть бюрократом, не имея в руках никакого аппарата управления*: без всякого аппарата управления можно обладать способностью бездушного формального отношения к делу и людям. Это те конкретные носители бюрократического зла, с которыми необходима настойчивая и постоянная борьба.

И, наоборот, можно быть не бюрократом и в то же время, попавши в бюрократический аппарат, сделаться жертвой этого аппарата, попасть под его воздействие, под влияние своеобразных «законов» бюрократического аппарата. В данном случае для устранения бюрократизма необходимо упрощение и приближение к массам самой системы управления.

И то, и другое проявление бюрократизма как в людях, так и в системе управления требуют для его преодоления коллективной энергии миллионов. Миллионы глаз надо привлечь к тому,

чтоб они вскрывали конкретных носителей бюрократического зла, выводили их, что называется, «за ушко да на солнышко». Коллективный опыт миллионов трудящихся надо привлечь к тому, чтобы система управления в наибольшей степени была приспособлена и к потребностям масс, и к очередным задачам нашего социалистического строительства. Притом, *если в верхних звеньях аппарата ударить необходимо, главным образом, в направлении упрощения системы аппарата, то в нижних звеньях особое внимание нужно уделить борьбе с самими носителями бюрократического духа*, ибо, сталкиваясь непосредственно с массами, не умея подойти к массам, не понимая их и не желая понять, они здесь приносят наибольший политический вред.

Для иллюстрации политических последствий формально-бюрократического отношения к делу в низовых звеньях аппарата материал в изобилии нам дается и аппаратами советской власти и кооперацией, а нередко профсоюзами и даже партийными организациями. Вот, например, тов. Е. М. пишет, что рабочим фабрики «5-й Октябрь» не раз'ясняется, почему членские взносы нужно платить своевременно, нет даже широкого оповещения об уплате взносов, а фабком пачками исключает из союза неплательщиков. Тов. В. из Владимира пишет, что фабком фабрики им. Карла Маркса в результате его плохого отношения к делегатским собраниям, добился того, что делегаты перестали ходить на собрания и фабком должен был обращаться к рабочим с указанием о том, что делегаты не ходят на собрания, сваливая, таким образом, вину с больной головы на здоровую. На 1-й макаронной фабрике в Одессе потребовалось трижды созывать общее собрание для перевыборов фабкома и все же выборы происходили при одной трети, а профсоюзные организации, кроме констатирования неактивности рабочей массы на фабрике, ничего не делают (см. «Правда», № 20, 1927 г.).

Такое формальное отношение к профсоюзной работе, в особенности в условиях возросшей активности пролетариата, является нечем иным, как водой на мельницу наших политических врагов. Нам нельзя забывать ни на одну минуту, что на данной стадии нашего социалистического строительства и роста рабочего класса все виды массовой работы, в том числе и профсоюзной, должны быть всемерно улучшены, расширены и углублены. Мы имеем безостановочный рост рабочего класса. Новые кадры рабочих в большом количестве рекрутируются и из деревни, и из мелкой буржуазии в городе. Сейчас не редкость встретить на фабрике молодых рабочих со средним образованием. Есть и такие, что специально идут «зарабатывать» себе рабочий стаж. Эти кадры несут на фабрику настроение цеховщины, деревенской отсталости, мелкобуржуазного индивидуализма, настроения недовольства всякой дисциплиной. Их еще нужно поднять до понимания подлинных интересов рабочего класса. Когда, например, в отдельных местах профсоюзы приступили к вовлечению сезонных рабочих в производственные комиссии и совещания, то от отдельных рабочих можно было слышать такие ответы: «мы приехали не для работы в производственных комиссиях, а для того, чтобы побольше заработать».

Не случайно, что именно эти категории рабочих дают нам относительно наибольшее количество конфликтов—в этом находит свое выражение их политическая отсталость. *Одной из основ-*

ных задач нашего руководства является переделка, перевоспитание этих кадров рабочих, втягивание их в практическую работу, их политическое и производственное просвещение.

Этим слоям рабочих и всему рабочему классу нашей страны мы еще глубже, еще сильнее должны внедрять в сознание ту мысль, что главная наша сила, противопоставляемая нами врагам, заключается в нашей организованности, сплоченности и ясном большевистском, ленинском понимании наших задач. *Организованность, как неоднократно подчеркивал Ленин, удесятеряет силы.* Материальному могуществу капиталистического мира мы противопоставляем несокрушимое единство пролетарских сил.

Само собой разумеется, что работа по политическому и производственному воспитанию рабочих масс будет давать наибольшие положительные результаты только тогда, когда массы будут в курсе политики партии и советской власти. Вопросы своевременной информации рабочих масс о внутренней и международной обстановке, в связи с ростом активности пролетариата, приобретают теперь серьезнейшее значение. Характерно, что в этом году на предприятиях, на ряду со всякого рода кружками и школами полиграмоты, чрезвычайно быстро выросли и окрепли кружки текущей политики, при чем посещаемость кружков текущей политики во многих случаях наиболее высокая. Рабочий больше, чем когда-либо раньше, хочет быть в курсе внутренних и международных событий. Он хочет знать, как развертывается дальше наша промышленность, как идет заготовка хлопка, хлеба, как обстоит дело с нашей внешней торговлей, каковы политические настроения в деревне, как ведет борьбу на отдельных своих этапах западно-европейский пролетариат, каковы перспективы китайской революции и т. д.

Рабочие массы не удовлетворяются теперь политической трескотней, но короткое серьезное освещение вопросов текущей политики с фактами и цифрами в руках, вызывает весьма большой интерес. Еще раз необходимо подчеркнуть, что массы интересует своевременная информация. *Это требует, чтоб своевременно осуществлялась информация и внутри самих партийных организаций, в особенности, партийного актива.* Иначе, многие члены партии не могут выполнить своей руководящей роли, и ознакомление масс с политической злобою дня зачастую осуществляется путем политической сплетни и всякого рода слухов, *являющихся политическим орудием в руках наших врагов и в некотором роде заменяющих им печать.*

Еще более важнейшим моментом в содержании руководства массами следует считать правильный подбор работников и проверку выполнения партийных директив. Тов. Сталин это на XV Московской Губпартконференции со всей ясностью подчеркнул. Он сказал, что у нас «с виду как будто бы признают указания высших органов партии и советской власти, а на деле кладут их под сукно и продолжают проводить совершенно другую политику.

Разве это не факт, что иногда некоторые руководители некоторых аппаратов—хозяйственных, кооперативных и иных—кладут правильные указания партии под сукно и продолжают шествовать по старой проторенной дорожке? Если, например, центральные органы партии и советской власти решают, что очередной задачей нашей политики является снижение розничных цен, а целый ряд кооперативных и вообще торговых работников проходит мимо этого решения, предпочитая обходить его, то как это назвать? Что это, как не подрыв той правильной политики, от добросовестного проведения которой зависит судьба смычки, судьба союза рабочих и крестьян, судьба советской власти? Ленин имел в виду такие именно случаи, когда он говорил: линия у нас правильная, но машина движется как будто бы не туда, куда ей следует двигаться. А чем об'яснить этот разлад между линией и машиной? Да тем, что состав этой машины, состав этого аппарата не всегда доброкачественен. Вот почему правильный подбор работников и проверка исполнения являются теперь одной из очередных задач партии и советской власти. Вот почему партия должна зорко следить за тем, чтобы основные работники нашей строительной работы подбирались под углом зрения добросовестного проведения в жизнь политики партии и советской власти».

Задача тщательного подбора работников распространяется и на партийных работников. Сложность стоящих перед нами задач, рост активности рабочего класса, повышение политической зрелости, широких партийных кадров требуют от партийного руководителя, даже если это касается секретаря ячейки, более широкого политического кругозора, большего политического чутья и уменья связать отдельные отрасли работы, дать общую для всех их политическую перспективу. Отсюда наша задача выковывать кадры новых партийных руководителей, которые были бы в достаточной мере вооружены теоретическим оружием ленинизма и обогащены опытом социалистического строительства.

III.

Уметь найти основные задачи на каждой данной стадии социалистического строительства и борьбы пролетариата—это еще, однако, для нашей партии не все. Этого недостаточно. На ряду с содержанием работы нужно применить правильные методы и формы взаимоотношений с массами.

Сама сплоченность партии в огромной степени определяется характером связей и взаимоотношений, которые существуют у партии с массами. Ленин в своей «Детской болезни левизны» писал: «Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? Чем она проверяется? Чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его уменьем связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской, трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье»,

В настоящее время наша партия в своем числе перевалила уже за миллион. Мы ставим перед собой цель—вовлечения в социалистическое строительство все новых и новых пластов пролетариата и трудящихся деревни. А это невозможно без глубочайших связей партии с беспартийными массами. Партия, больше чем когда-либо, должна чутко улавливать настроение масс, их запросы, оставаясь в то же время сама собой—партией Ленина, авангардом, указывающим массам их путь борьбы и ближайшие задачи.

Эта линия порой и в настоящее время не только отдельными товарищами, но и некоторыми ячейками не понимается. Лозунг—«не командуй» «будь вместе с массами» иногда опошляется и превращается в самую безобразную карикатуру партийной линии. Тов. Ярославский на V Пленуме ЦКК в своем докладе сообщал, что некоторые деревенские коммунисты даже свои религиозные убеждения пытаются оправдать необходимостью быть вместе с массами. Так, один деревенский коммунист Сибири говорил: «От религиозных убеждений отказаться не могу, я иду за массой и соблюдаю обряды, дома я молюсь богу». Или вот т. Б. Ш. пишет, напр., следующее: «Случаев нарушения внутрипартийной демократии в организации нет. Правда, у крайне незначительной части работников существует еще некоторое непонимание, как практически это надо осуществить, особенно это выявляется в вопросах о подборе состава руководящих парторганов (райкомы, ячейки). Встречаются, примерно, такие рассуждения: «Как же сумеет собрание подобрать подходящий состав, если не наметить заранее список кандидатур. «Практика же работы доказала, что партийная масса выросла и понимает без всяких «списков», кого надо выбирать в руководящие партийные органы».

Если в последнем рассуждении мы видим принижение внутрипартийной демократии до «демократии сельского схода», что является отказом от организованного руководства партийными массами, то в первом примере мы имеем превращение положения «быть вместе с массами» в капитуляцию и преклонение перед самой отчаянной темнотой и культурной отсталостью.

Укрепление связей партии с массами *таким* способом нам не нужно. Такие связи ведут партию и рабочий класс не вперед, к цели, а назад. На новом этапе организаторской хозяйственной работы ВКП(б) мы больше, чем когда-либо, обязаны уметь миллионами нитей связаться, «слиться» с массами. Нам надлежит обратить внимание на то, чтобы связи носили не формальный характер, а были, как выразился тов. Бухарин на XV губпартконференции, *интимными, доподлинно товарищескими*. Но это не должно смазывать и принижать партийного руководства. Связи должны носить такой характер, чтоб каждый коммунист, в особенности, коммунист-рабочий на производстве в результате своей работы в массах выковывал в течение 2—3 лет еще трех-четырех коммунистов из беспартийных рабочих.

Каждый коммунист на фабрике для беспартийных рабочих должен быть некоторым притягательным центром. В этом сущность наших связей с массами, здесь лежит коренное условие правильных взаимоотношений с ними. На деле этого мы зачастую не имели и не имеем. В совещаниях, проводившихся рядом партийных организаций с беспартийным рабочим активом, беспартийные активисты отмечали, что *в личном общении, на работе, у станка, в столовой, как правило, беспартийный мало получает раз'яснений от коммуниста.* Некоторые беспартийные отмечали, что есть коммунисты, скрывающие свою партийность, когда они попадают в группу беспартийных и подвергаются напору их критики. «Ломаного гроша за такого коммуниста не дам», так определяли свое отношение некоторые беспартийные к таким членам партии за укрывательство своего партийного лица.

Ясно, что необходимость дальнейшего укрепления связей с массами требуют и соответствующего подхода к ним. Массы выросли. Теперь даже самый отсталый рабочий чувствует, что он является членом господствующего класса. Мало того, он знает, что к нему относятся, именно, как к члену господствующего класса. У рабочего выросло сознание своего собственного достоинства. Это сознание поднялось также у крестьянских масс. Происходящие в настоящее время перевыборы советов показывают, что взаимоотношения рабочего класса с крестьянством и партии с крестьянством улучшились. Доверие крестьян к партии возросло. А каковы причины? В ряду всех остальных, безусловно, не последнее место занимают изменения самих методов нашей работы в деревне. Лозунг «не командуй» стал проводиться в жизнь, коммунисты в деревне стали, в основном, относиться к крестьянину, как равный к равному, и в итоге мы имеем больше доверия к партии, устранение ряда таких ненормальностей во взаимоотношениях, которые имели место раньше только вследствие неправильных методов работы.

Массы изменились и выросли. Вся обстановка теперь другая. «Теперь уже нельзя руководить по старому, путем одних лишь распоряжений и указаний. Прошли времена для такого руководства. Теперь простое формальное руководство может внести лишь раздражение. А почему? Потому, что выросла активность рабочего класса, выросли запросы рабочего класса, выросла чуткость рабочих к недостаткам нашей работы, и рабочие стали более требовательными. Хорошо ли это? Конечно, хорошо. Мы этого всегда добивались. Но из этого следует, что руководство рабочим классом становится более сложным, а само руководство должно принять более гибкий характер. Раньше, бывало, на ногу наступишь—и ничего. А теперь это не пройдет, товарищи. Теперь требуется максимальная внимательность даже к самым незначительным мелочам, ибо быт рабочих складывается именно из этих мелочей» (Сталин). Именно поэтому тов. Сталин призывает партийные организации проявлять в отношении к массам, «чуткость, чуткость и еще раз чуткость».

В зависимости от более чуткого подхода к массам, упрочения, расширения связей с ними находится и дальнейший рост самой партии. За последний год, в связи с внутрипартийным положением, мы имели некоторое замыкание парторганизаций, что отразилось на притоке в ряды партии новых членов. Теперь эти слабые стороны без задержки и возможно полнее надо устранить.

Упрочение связей с массами, проявление максимальной чуткости будет способствовать этому здоровому росту наших партийных рядов. *Сила связей ВКП(б) с массами—это сила самой ВКП, сила нашего социалистического строительства.*

И. Д. Левин.

Английское рабочее движение и Китай.

Вожди английского рабочего движения, предательски сорвавши всеобщую забастовку в 1926 году, саботируют и предают теперь китайскую революцию, всячески поддерживая политику Болдуинского правительства в Китае. В этом нет ничего удивительного. Эти вожди все время проповедуют социальный мир и классовое сотрудничество, т.-е. примирение с буржуазной эксплоатацией. Было бы против всякой логики после этого восставать против империалистической, грабительской политики этой же буржуазии в других странах. Внешняя политика—та же внутренняя политика, только в другом разрезе. Кто сказал «а», должен сказать и «б». Кто поддерживал Болдуина и шахтовладельцев против углекопов, не может не поддерживать Болдуина против китайского революционного движения. Нельзя же в самом деле ожидать от таких вождей, чтобы они относились к «желтому кули» лучше, чем к британскому рабочему.

Китай на с'езде рабочей партии в Маргейте.

В середине октября 1926 г. на своем последнем с'езде в Маргейте рабочая партия занималась вопросами об империализме и о Китае. В порядке дня стояла резолюция, предлагавшая приветствовать «цветных братьев, борющихся за свое освобождение», и «солидаризоваться с ними в их борьбе против империализма, поддерживая их требование права самоопределения вплоть до отделения от империи». Партия, занимающая «ответственную» роль «оппозиции его величества» и ожидающая, по наступлении известных конституционных сроков и условий, всемилостивейшего королевского приглашения вновь составить правительство, была шокирована и возмущена этой, на их взгляд неприличной, выходкой. Клайнс предложил отвергнуть резолюцию, как «глупую и сумасбродную декларацию», и при этом развивал модную в рабочей партии теорию *мягкого империализма*. Можно, заявил он, поддерживать британскую империю, не употребляя методов насилия и эксплоатации. Резолюция была провалена огромнейшим большинством.

С Китаем дело обстояло сложнее. С'езд собрался в момент, когда у рабочих масс еще было свежо впечатление от страшной бойни, устроенной англичанами в Вансяне, когда по несчастному беззащитному городу было дано несколько залпов из канонерки «*Кокчейфер*» и свыше 3.000 ни в чем неповинных мирных жителей было убито. Весь инцидент, как известно, произошел от того, что генерал Ян-Сен, сторонник У-Пей-Фу, захватил два английских парохода. Англичане, после неудачной стычки с силами Ян-Сена на реке Янцзы, дали несколько залпов по мирному

городу за здорово живешь, чтобы проучить азиатов и внушить им чувства почтения и страха перед «владычицей морей». Страшная волна возмущения неслыханным варварством англичан прокатилась по всему Китаю. В Англии же консервативная печать отпраздновала этот акт, как победу. «Таймс» озаглавил известия о Вансянской бойне—«*Доблестный Морской Бой*». При этих условиях вожди партии, называющей себя рабочей, не могли *открыто* стать на сторону Болдуина. Слишком груб и циничен был бронированный кулак, обрушившийся на Китай и слишком свежа была пролитая кровь. Заправилам рабочей партии пришлось поэтому не мало потрудиться над составлением резолюции о положении в Китае. Нечего и говорить, что резолюция не призывала рабочих ни к свержению британского империализма, ни даже к борьбе с ним. Вожди рабочей партии против всякой борьбы вообще и признают только избирательную урну. Вот текст резолюции:

«С'езд сожалеет и протестует против бомбардировки Вансяна британскими морскими силами, в результате чего было убито около 2 или 3 тысяч частных китайских граждан».

«*С'езд считает такие инциденты, которые так вредят британской репутации на Дальнем Востоке* (как они заботятся о «британской» репутации. *И. Л.*), *неизбежными, пока наше правительство не признает откровенно, что дни империалистического вмешательства в китайские дела и презрительного отношения к самим китайцам, прошли.* (Невозмутимые философы, составлявшие резолюцию, констатируют неизбежность Вансянских инцидентов и очевидно фаталистически принимают ее. Во всяком случае резолюция не содержит никакого призыва сделать невозможным повторение Вансянских событий. *И. Л.*). *С'езд считает, что жизнь и имущество британских граждан в Китае не только не обеспечиваются, но подвергаются опасности, вызывающими военно-морскими демонстрациями*» (какая трогательная заботливость об империалистических хищниках, грабящих Китай. Резолюция косвенно осуждает «вызывающие военно-морские демонстрации» потому, что они подвергают опасности драгоценную жизнь английских акул в Китае. Резолюция однако, не возражает против присутствия английских морских сил в Китае вообще. *И. Л.*).

«С'езд приветствует национальные и демократические тенденции среди китайского народа. (Резолюция блудливо говорит о национальных и демократических тенденциях, а не о революционном движении Китая и революционном китайском правительстве. Пока Болдуин не признал кантонского правительства, лакеи буржуазии внутри рабочей партии, остерегаются произнести даже слово кантонское правительство. *И. Л.*). С'езд убедительно предлагает британскому правительству соблюдать строгий нейтралитет по отношению к соперничающим силам в китайской гражданской войне и воздержаться от всяких действий, которые могли бы показаться какой-либо из тяжущихся сторон нарушением нейтралитета; препятствовать ввозу в Китай оружия и военного снаряжения британскими подданными; воспользоваться всякой представляющейся возможностью, чтобы вступить в дипломатические сношения с *любым* правительством, которое пользуется властью в Китае (другими словами, резолюция предлагает вести переговоры и с Чжан-Цзо-Лином и с

кантонским правительством, т.-е. вести двойную игру. *И. Л.*), и как можно скорее начать переговоры с целью пересмотра британских договоров с Китаем, включая отмену экстерриториальных привилегий (эта часть резолюции кажется на первый взгляд крайне левой, но это иллюзия. Дело в том, что и Чемберлен, и Майлс Лэмпсон и др. представители английского правительства говорят буквально то же самое. Они только отказываются вывести свои военно-морские силы из Китая. Резолюция, таким образом, не идет дальше Чемберлена. *И. Л.*). Далее с'езд призывает правительство раз'яснить другим заинтересованным народам свою политику» (курсив везде мой. *И. Л.*).

Получился иезуитский дипломатический документ. И богу свечка, и черту кочерга. Маленькая свечка в виде сухо-формального протеста в первых 2—3 строчках резолюции и большая кочерга—вся остальная часть резолюции.

«Новый курс» английской политики.

С занятием Ханькоу и среднего течения Янцзы кантонскими войсками в начале сентября прошлого года китайское революционное правительство становится крупной силой. Все попытки Англии создать единый фронт держав для интервенции в Китае терпят поражение. Они разбиваются о непримиримые противоречия в лагере империалистических держав. В середине октября английское правительство устами Майлса Лэмпсона, назначенного послом в Китай, возвещает «новый курс» английской политики в Китае. На обеде, устроенном 14 октября, китайской ассоциацией (английское общество), Лэмпсон расшаркался перед «китайским народом» и торжественно заявил, что он уполномочен высказать во всеуслышание, что английское правительство испытывает чувства симпатии к китайскому народу, переживающему тяжелое время и что оно доказало свои симпатии на деле, соблюдая строгий нейтралитет и не вмешиваясь во внутренние распри в Китае. Вскоре после этого Лэмпсон уезжает в Китай. Английским газетным псам—«Дейли Мэйл», «Морнинг Пост» и др.—дается знак умерить свой лай на революционный Китай. Одновременно с лицемерными разговорами «о новом курсе», английское правительство продолжает стягивать все новые и новые военно-морские силы в китайские воды, а 26 ноября английские власти в Тяньцзине арестовывают на территории своей концессии 14 гоминдановцев и выдают их сатрапам Чжан-Цзо-Лина. 3 декабря в Шанхай прибывает Лэмпсон и начинает игру на два фронта. Он заигрывает с Кантоном и Чжан-Цзо-Линым, не покидая в то же время попыток создания единого фронта держав. «Новый курс» отличается от старого лишь тем, что на свой бронированный кулак английская буржуазия теперь натягивает бархатную перчатку.

Вождь рабочей партии Макдональд спешит дать «новому курсу» свое благословение. 7 декабря 1926 г. он дает интервью корреспонденту «Дейли Геральд». По своему обыкновению он облекает свои блудливые «мысли» в напыщенную, туманную форму. «Наступило время,—говорит он,—когда мы должны признать новорожденный Китай. Мы, конечно, не можем признать правительство, которое пользуется властью, благодаря случайной военной победе. Но кантонское правительство... достигло положения, когда мы можем его признать для целей ведения переговоров». Макдональд здесь петушком поспешает за Чемберленом. На с'езде в Маргейте Макдональд, несомненно, приложивший свою руку к приведенной выше резолюции, говорил лишь о национальных и демократических тенденциях китайского народа. Но после того, как Майлс Лэмпсон вступил в переговоры с Евгением Ченом, Макдональд находит возможным признать кантонское правительство. Но он чрезвычайно осторожен. Он боится забежать вперед. Он готов признать кантонское правительство, но не полностью (боже упаси, разве может бывший и возможно будущий премьер его величества признать в полной мере кантонское правительство, раз Болдуин, глава законного правительства, этого еще не сделал?),—а исключительно «в целях ведения переговоров». «Мы, конечно, должны,—продолжает он,—защищать жизнь наших граждан, но мы должны эту защиту представить в таком виде, который сделал бы ясным, что мы не преследуем агрессивной политики; а пока приготовления делаются для защиты, мы должны столь же активно вести переговоры о договоре насчет пошлин и других спорных вопросов в связи с договорами». Здесь Макдональд рекомендует Чемберлену под шум трескучей словесной канонады («активно вести переговоры») активно готовиться к «защите»!

Английский меморандум от 16 декабря 1926 г.

16 декабря 1926 г. Лэмпсон представил представителям держав в Пекине знаменитый меморандум, который был опубликован в английской прессе 28 декабря и наделал огромнейший шум. Меморандум представляет солидный документ, около 4.000 слов. В нем Англия излагает, как она в своей политике руководствовалась «великими принципами» «сохранения целости и независимости Китая», установленными Вашингтонской конференцией, как она воздерживалась от всякого вмешательства во внутренние распри, раздирающие Китай (здесь, по английской поговорке, необходимость выдается за добродетель: Англия страшно хотела вмешаться, но руки оказались коротки, не удалось наладить единый фронт хищников), как на ряду с политическим разложением Китая и превращением центральной Пекинской власти в тень, народилось могущественное национальное движение, к которому «необходимо отнестись с пониманием и с симпатией, иначе это не будет соответствовать действительным намерениям держав в Китае». И т. д., как полагается в дипломатическом документе, который пишется по рецепту: «язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли». Собака меморандума была зарыта в его 7-м и 13-м параграфе. В них Англия сообщает, что она неохотно примкнула к протесту держав против дополнительных пошлин, которые кантонское правительство явочным порядком ввело у себя с 10 октября 1926 г. на иностранные товары [1]). Англия считает, что она допустила ошибку, что не отстаивала на конференции своей точки зрения. Однако, она

[1]) Как известно, этот протест был сделан 5/II—26 г. через генерального консула Португалии, как «старшины консульского корпуса в Кантоне», по указанию «старшины дипломатического корпуса в Пекине, представляющего заинтересованные державы». Кантонское правительство не приняло протеста, а вернуло его обратно 8 ноября, заявив, что оно не знает никаких «старшин дипломатического корпуса держав».

считает, что еще не поздно ошибку эту исправить, и убедительно рекомендует державам дать совместно согласие на немедленное взимание китайскими властями «во всем Китае дополнительных пошлин», о которых шла речь на Вашингтонской конференции, и что этим путем «будет создана база для урегулирования положения в Кантоне». Англия далее предлагала бросить установившийся обычай пред'являть Китаю протест по всякому поводу, что привело к тому, что Китай перестал серьезно относиться к самим протестам, а сосредоточить свое внимание на нарушениях законных и жизненных интересов иностранцев и в таковых случаях протесты подкреплять «*совместными действиями держав в Китае*».

Благая весть о меморандуме, знаменующем собою начало новой эры в английской политике в Китае, была разнесена во все концы света агентством Рейтера, но не встретила нигде за пределами Англии соответствующего отклика. Исключение составил Вандервельде, министр бельгийского короля и вождь II Интернационала. У него от восторга «в зобу дыханье сперло». «Принципы,—заявил он,—которые меморандум выдвигает, политика, которую он предлагает, мероприятия, рекомендуемые им к немедленному принятию, изобличают такую широту взглядов, такой дух примирения и желание пойти навстречу национальным стремлениям китайского народа, что нельзя найти достаточных слов для восхищения и одобрения» и т. д.

Однако, неблагодарные азиаты никак не могли понять и оценить благородные чувства Великобритании. «Пиплс Трибюн», орган Гоминдана в Пекине, в связи с меморандумом, писал:

«Мы категорически заявляем от имени национального движения, что сделанные предложения хотя их и называют самыми либеральными, которые когда-либо были сделаны, совершенно не приемлемы. Если это самое лучшее, что Англия может предложить, то нам совершенно понятно, почему английское министерство иностранных дел считает необходимым гнать все морские силы, которые ему пока не нужны в других зонах своей империалистической эксплоатации, к нам в Китай, т.-е. тот пункт, который она решила любой ценой удержать и расширить» (цитирую по «Манчестер Гардиан» 24/XII 1926. *И. Л.*).

Поистине, китайцы не понимают... своего собственного блага!

Макдональд в «Сошалист Ревью».

В январской книжке органа независимой рабочей партии «Сошалист Ревью» появилась статья Макдональда, предопределившая линию рабочей партии в китайском вопросе [1]).

«Старые условия Китая,—писал в этой статье Макдональд,—возложили на нас известные обязательства, и эти обязательства должны остаться в силе, пока мы путем переговоров сами не освободим себя от них». У Макдональда старое влеченье—род недуга,—говорить «мы» и за буржуазию, и за рабочих. Расшифровывая процитированную фразу, получаем следующую замечательную «мысль» Макдональда. Старый феодальный Китай возложил на английскую буржуазию (Макдональд говорит «на нас») известные обязательства. Каковы эти обязательства, вытекающие из неравных договоров, мы великолепно знаем. Это—грабить Китай. Макдональд скромно употребил слово «обязательство» вместо слова «право». И вот это-то «обязательство» для Макдональда священно, и он заявляет, что от него не откажется, пока английская буржуазия (по Макдональду «мы») сама не соблаговолит освободить себя от него путем переговоров. Но как отстоять эти «обязательства» перед напором китайской революции? Макдональд как бы в ответ на такой вопрос развивает свой план действий. «Мы должны,—пишет он,—эвакуировать наших граждан и наши военно-морские силы из всех отдаленных районов и баз в Китае, чтобы довести до минимума возможность столкновения и чтобы кантонскому правительству стало ясно, что военно-морские силы, остающиеся в китайских водах, оставлены исключительно для защиты жизни британских граждан и будут немедленно убраны, как только опасность (какая опасность? революции? *И. Л.*) будет устранена. Мы должны заботиться не только о том, чтобы наша политика (читай—политика правительства. *И. Л.*) была умеренной, но должны произвести давление (induce) на кантонское правительство, чтобы оно было умеренно по отношению к нам». Вот программа Макдональда: убрать разбросанные по внутренним водам Китая военно-морские силы, сосредоточив свой кулак на морском побережье; производить давление на кантонское правительство, чтобы оно согласилось на какой-нибудь компромисс.

В этой же статье Макдональд предостерегает от «коммунистических интриг», т.-е. от агитации, поднятой коммунистической партией и движением меньшинства. «Наше движение должно быть чрезвычайно осторожно и не дать себя увлечь на путь действий и манифестаций, подсказываемых коммунистическими интриганами в нашей стране. Это не только не приведет к миру, но усилит и ободрит те элементы в кантонском правительстве и в Китае вообще, которые прилагают все усилия, чтобы сделать конфликт неизбежным». Следуя примеру Болдуинского правительства, Макдональд ориентируется на правое крыло Гоминдана и обвиняет левый, революционный Гоминдан в стремлении сделать конфликт неизбежным. Лакей буржуазии хочет свалить вину за возможный конфликт с больной головы английского империализма, не желающего уходить из Китая, на здоровую—революционного Китая. Директивы, которые Макдональд преподает («быть чрезвычайно осторожным», «не дать себя увлечь на путь действий и манифестаций»), должны свести рабочее движение к роли молчаливого соучастника империалистической политики Болдуинского правительства.

Манифест рабочей партии от 4 января 1927 г.

Меморандум английского правительства был той зацепкой, которая нужна была Макдональду, чтобы сделать намеченную им линию официальной линией рабочей партии.

4 января с. г. рабочая партия за подписями председателя Ф. О. Робертса, секретаря Гендерсона и казначея Макдональда опубликовывает манифест по китайскому вопросу, озаглавленный «Положение в Китае». Манифест носит на себе явную печать творчества Макдональда. В первой части делается попытка внушить, путем сопоставления разных дат, что действительный виновник чемберленовского «нового курса» в Китае—Макдональд.

[1]) Эта статья помечена 17 дек. 1926 г.

Лавры Чемберлена, очевидно, не дают Макдональду спать. Макдональд, повидимому, считает это комплиментом себе. Манифест ссылается на резолюцию с'езда в Маргейте, затем на интервью Макдональда от 7 декабря, когда наш государственный муж изрек ту глубокую мысль, что «кантонское правительство достигло точки, когда его можно признать в целях ведения переговоров». Вскоре после этого, повествует манифест, «Майлс Лэмпсон начал переговоры с кантонским правительством, а британский уполномоченный в Пекине передал представителям договорных держав меморандум, в котором излагается новая политика, которую Великобритания рекомендует вести в Китае». Как же после этого сомневаться, что именно Макдональд первый сказал «э!» в вопросе о «новом курсе»? Далее манифест дает длинную цитату из восторженного отзыва Вандервельде о меморандуме. Выдав устами Вандервельде похвальный лист Чемберлену, манифест продолжает: «...мы таким образом достигли момента, когда британское правительство уже больше не реагирует на общее положение в Китае политикой дипломатического бездействия, дополненной морскими демонстрациями в целях устрашения, но пытается, выражаясь словами нашей Маргейтской резолюции, придумать и проводить политику, которая устранит существующие недоброжелательные отношения и обеспечит дружелюбие». Словом, Чемберлен проводит резолюцию с'езда рабочей партии в Маргейте. Чем чорт не шутит, не собирается ли мистер Чемберлен записаться в члены рабочей партии?

Напрасно мы стали бы искать в этом документе *рабочей* партии какого-нибудь классового анализа событий в Китае или какого-нибудь намека на интересы английского рабочего класса и его обязанности по отношению к китайскому рабочему классу и угнетенному китайскому народу. Зато манифест очень много говорит о защите английских граждан в Китае, т.-е. кучки паразитов, в'евшихся в тело китайского народа. Рекомендуя английскому правительству строгий нейтралитет, манифест предлагает активную блокаду: «правительство должно пытаться в сотрудничестве с другими заинтересованными странами (единый фронт держав. *И. Л.*) достигнуть абсолютного и проведенного на деле в жизнь запрещения ввоза в Китай оружия и материалов, употребляемых постоянно для военных целей».

Кончает манифест удивительным обращением к членам партии.—«Если членам партии кажется, что новая политика правительства не соответствует этим принципам» (подразумеваются принципы «нового курса». «Если членам партии кажется»—бесподобно. Жрецы рабочей партии притворяются, что слова и дела Чемберлена—одно и то же. *И. Л.*), и если члены рабочей партии «думают, что было бы желательно организовать демонстрации, чтобы декларировать и подчеркивать линию партии, то исполком партии ожидает, что местные органы рабочей партии возьмут на себя инициативу устройства этих демонстраций, принимая за них полную ответственность, и не передадут своих полномочий независимым организациям, организованным за пределами партии и без совместного с ней обсуждения». Этим обращением заправилы рабочей партии думали убить комитеты «Руки прочь от Китая», организованные под влиянием компартии и движения меньшинства, и к которым примыкали отделы рабочей партии, профсоюзы и профсоветы.

Оценка меморандума от 16 декабря 1926 г. революционным Китаем.

Пока Макдональд верной рукой поворачивал корабль рабочей партии в фарватер дипломатии Болдуинского правительства, события в Китае развертывались с головокружительной быстротой. Революционный Китай превосходно понял смысл и значение английского меморандума. 1 января Евгений Чен, министр иностранных дел революционного правительства Китая, отправил Келлогу по телеграфу ноту об английском меморандуме, в которой он говорил:

«Мое правительство узнало, что Соединенные Штаты намереваются дать свое согласие на предложение Англии о немедленном введении так называемых дополнительных пошлин и передаче таковых местным властям в портах, где они взимаются. Несмотря на тщательно обработанные фразы британской декларации, действительный смысл предложения состоит в том, что две трети новых доходов пойдут к нашим политическим врагам, которые, таким образом, по пополнении ими своего (*военного*) фонда, смогут продолжать гражданскую войну, обескровливающую наш народ и задерживающую освобождение Китая от настоящего режима международного контроля, известного под именем иностранного империализма.

В частности, британское предложение означает не только то, что маршал Чжан-Цзо-Лин будет получать новые и значительные доходы, но что каждый порт, по которому существует договор, станет новым об'ектом военного грабежа и новым стимулом к увековечению феодализма и гражданской войны в Китае. Шанхай же, переход которого под контроль национального правительства без большой борьбы ожидался со дня на день, должен теперь стать театром кровавой борьбы, которая, быть может, причинит непоправимый ущерб внешней торговле. И все это потому, что миллионы, которые здесь можно собрать—40% всех дополнительных пошлин—являются для Сун-Чуан-Фана и Чан-Цзун-Чана тем же, чем живое мясо для хищных зверей. Взгляды и чувства, выраженные в британской декларации, не производят на националистов никакого впечатления потому, что они служат ширмой для политики, которая об'ективно является угрозой и опасностью для быстрого успеха дела китайского национализма. Но те, кто поддерживают это дело, достаточно сильны, чтобы справиться с этой опасностью».

«Благородные» и «миролюбивые» намерения меморандума стали ясны абсолютно всем, когда в их подкрепление стали прибывать все в большем и большем количестве военно-морские боевые единицы с аэропланами, танками, удушливыми газами и проч., и проч. Ненависть к Англии все более и более сгущалась и принимала грандиознейшие размеры. В Ханькоу между 3 и 5 января разыгрываются события, которые закончились занятием китайскими революционными властями британской концессии. Английский флаг, эмблема империалистического гнета, был сорван, а на его место водружен революционный флаг Гоминдана. Дальнейшие успехи революционной армии в шанхайском направлении взбудоражили английских империалистов. Шанхай—важнейшая база английского империализма в Китае. По вычислениям «Таймс'а», английский капитал, вложенный в шанхайский

сеттльмент (земельная собственность, дома, склады, заводы и пр.), превышает 63 милл. ф. ст. Но самое главное—это контроль над шанхайской таможней, которая дает около 40% дохода с пошлин во всем Китае. Повторение в Шанхае событий Ханькоу означало бы конец владычеству Англии в Китае. Вот почему перед лицом этой опасности английская буржуазия, отбросив всякие фиговые листочки, лихорадочно мобилизует армию и морские силы для военной экспедиции в Шанхай.

Макдональд поддерживает шанхайскую экспедицию.

В воздухе запахло угрозой войны. Агитация, поднятая компартией и движением меньшинства, разрастается, пользуясь громадным успехом в рабочих массах. Момент чрезвычайно напряженный. Массы явно идут влево и заражают даже некоторых вождей. Это доказывается тем фактом, что беспринципный «левый» Джордж Хикс, председатель Генерального совета, являющийся председателем английского рабочего совета Китайской Свободы, выступает с резкими речами против политики Болдуинского правительства. Макдональд прилагает все усилия к тому, чтобы остановить наметившееся в рядах вождей шатание и старается об'единить всю верхушку как политического, так и профсоюзного движения вокруг своей политики поддержки Чемберлена. В «Форварде», шотландском органе независимой рабочей партии, от 15/I—27 г. он помещает статью, в которой ставит все точки над «и». По своей откровенной наглости она превосходит все, что до сих пор вышло из-под пера этого прислужника буржуазии. Он, не стесняясь, высказывает свое презрение и свою ненависть к массам, особенно революционным— по его номенклатуре «толпа», «чернь».

«Не надо,—пишет он,—обманывать себя ни в мыслях, ни на словах насчет опасности, которую представляет собою толпа. Возбужденная толпа в Великобритании или в Китае—неуклюжая, безответственная вещь... Временами возбужденная настойчивость полицейского или истерический крик вождя может разбить всякие сдерживающие барьеры, и тогда начинается дикий поток». Эти мысли навеяны на Макдональда событиями в Ханькоу, когда революционные массы отвоевали английскую концессию для Китая.

«Ничто не могло бы послужить оправданием для наших властей,—продолжает он,—если бы они просто удалились с концессий, которые предшествующие китайские правительства позволили нам контролировать и на которых наши люди устроились (английские хищники в Китае—«наши люди» для Макдональда. *И. Л.*), будучи уверены, что договоры (это о неравных грабительских договорах идет речь. *И. Л.*) гарантируют им безопасность». Несчастные «устроившиеся» «наши люди»! Как же о них не позаботиться? Макдональд о них очень заботится. «Мы должны иметь договор, а *пока насчет этого ведутся переговоры, должны быть предприняты обычные меры предосторожности*» (курсив мой. *И. Л.*). Дав таким образом свое благословение на посылку карательной экспедиции, то бишь (экспедиции) для защиты женщин и детей, Макдональд невинно вопрошает: «Следует ли все же сохранить старые договоры?» Макдональд еще

твердо этого вопроса не решил и отвечает: «Я думаю—нет». Макдональд «думает»! «Я полагаю,—продолжает он,—что прошлое должно быть ликвидировано, ибо прошлое есть прошлое... Но если эта ликвидация будет сделана бунтующей (бунтующей! *И. Л.*) толпой, то в этом не будет ничего доброго ни для нас, ни для Китая. Если же это произойдет (т.-е. если революционные массы будут отбирать концессии по примеру Ханькоу. *И. Л.*), то конфликт так же неизбежен, как завтрашний восход солнца, и в этом не будет нашей вины...» Порекомендовав Болдуину принять «меры предосторожности», которые не могут не привести к конфликтам, Макдональд философски констатирует фаталистическую неизбежность самого конфликта и умывает руки—от возможных неприятных последствий, даже оправдывает их прямо («в этом не будет нашей вины»). Вину за эти последствия он сваливает на кантонское правительство... Он продолжает: «Кантонское правительство ответственно за толпу, которая сгрудилась у барьеров британской концессии в Ханькоу, и если бы в результате произошло кровопролитие, то вина легла бы на власть, которая не смогла контролировать эту толпу». В заключение Макдональд говорит: «Я должен высказать свое мнение, что в настоящий момент решение вопроса меньше в наших руках, чем в руках кантонского правительства». Мы уже знаем, что надклассовый сверхчеловек Макдональд говорит «мы» за всех; то за буржуазию, то за правительство, то за рабочую партию. В данном случае он, повидимому, солидаризируется с Болдуином, ибо продолжает: «Позволят ли нам ликвидироваться в мире или же нас, и только нас одних, намереваются вытолкнуть пинком сапога?».

Синтез Скарборо и Ливерпуля.

В 1925 г. профессиональное движение и рабочая партия представляли собою два полюса английского рабочего движения. В то время, как профсоюзное движение стояло на левом фланге, рабочая партия, являющаяся политической надстройкой того же профсоюзного движения, стояла на правом фланге. Это с особой яркостью проявилось на с'ездах в Скарборо (тред-юнионистский конгресс) и в Ливерпуле (рабочая партия), следовавших один за другим. На конгрессе в Скарборо была принята резолюция по вопросу об империализме, в которой за всеми народами британской империи признавалось право на самоопределение вплоть до отделения. По Китаю была принята резолюция, поручающая Генсовету вступить в сношения с организованными рабочими в Китае с целью «прекращения разбойных преступлений, совершаемых против наших китайских товарищей-рабочих». Далее резолюция протестовала «самым категорическим образом против использования военных сил в качестве штрейкбрехеров в интересах кучки бессовестных капиталистов и империалистов, эксплоатирующих жизнь мужчин, женщин и малолетних детей в Китае», и требовала немедленного увода военных сил из Китая. В Скарборо был левый дух, в то время как в Ливерпуле восторжествовала правая реакция (резолюция об исключении коммунистов и т. д.). Левый уклон, сказавшийся на с'езде в Скарборо, явился результатом разочарования широких рабочих масс опы-

том рабочего правительства Макдональда в 1924 г., обманувшего надежды рабочих. Центр тяжести рабочего движения передвинулся к профсоюзам. Дружное выступление профсоюзов в защиту углекопов в 1925 г., завершившееся «Красной Пятницей», дало еще больший перевес профсоюзному движению над рабочей партией. Неопытному человеку могло показаться, что среди лидеров тред-юнионистского движения победила левизна и что вожди идут в такт с левеющими массами. Но это было бы эллюзией. Кто внимательно следил за Скарборо, мог заметить, что «левые» вожди в сущности лишь платили дань левеющим рабочим массам и лишь левой фразой. Они не жалели левых слов по адресу буржуазии и голосовали за левые резолюции, покуда эти резолюции витали в облаках абстракции и не требовали от них конкретно практических левых дел. Но там, где пахло делом, их левизна испарялась, и они вели правую линию. В кардинальном вопросе о централизации профессионального движения (расширение прав Генсовета и превращение его в боевой генеральный штаб), в вопросе о подготовке к неминуемой схватке с шахтовладельцами они отделались ничего не говорящими резолюциями, а при выборах в Генеральный совет провели туда Томаса, что означало открытое сведение на-нет тех левых резолюций, которые были приняты. «Дейли Телеграф» и некоторые другие буржуазные газеты отметили тогда с удовлетворением эти явления и взяли более спокойный тон.

После легкой победы, одержанной организованным рабочим движением над Болдуином во время «Красной Пятницы» так называемые «левые» расхрабрились. Мы знаем теперь, что отступление Болдуина было ловким военным маневром, предпринятым в целях подготовки наступления в 1926 г. и обеспечения его успеха. «Левым» же казалось, что они открыли секрет побеждать врага, не вступая в бой: достаточно только пригрозить всеобщей забастовкой—и Болдуин сдастся. Вожди профсоюзов не предпринимают никаких мер, чтобы подготовиться к предстоящим боям. Принимая болдуинскую хитрость в 1925 г. за слабость, вожди профдвижения в 1926 г. вздумали взять Болдуина блэфом. Они пригрозили ему всеобщей забастовкой, не будучи совершенно подготовленными к ней и не имея ни малейшего намерения провести ее в жизнь. Когда же оказалось, что хорошо подготовленный Болдуин только этого и ждал, наши вожди, промучившись 9 дней, наконец, не выдержали, сорвали забастовку в момент, когда она далеко не достигла еще своего апогея, и предали Болдуину английских рабочих. Фронт окончательно выравнялся. Левые пустозвоны, фразеры, искавшие дешевой славы и популярности, переметнулись в лагерь заведомых предателей.

Твердому Макдональду с его выдержанной правой линией ничего не стоило прибрать этот беспринципный сброд к рукам. Джордж Хикс 3 февраля с. г. заявляет о своем выходе из Британского Рабочего Совета Китайской Свободы, где он занимал пост председателя.

Макдональд добивается того, чтобы все рабочее движение как политическое, так и профсоюзное говорило одним языком и чтобы этот язык был его, макдональдовским языком.

Резолюция Национального Об'единенного Рабочего Совета и ответ Чена.

26-го января состоялось заседание Национального Об'единенного Рабочего Совета [1]), на котором было решено отправить депутацию к Чемберлену в составе Хикса, Ситрина, Крэмпа и Лэнсбэрн. Как официально было сообщено, целью депутации было «изложить Чемберлену взгляды рабочего движения и получить от него сведения по некоторым вопросам». Макдональд представил депутацию Чемберлену. Что именно говорила депутация Чемберлену и что последний говорил ей, покрыто мраком неизвестности. Рабочая печать хранит по этому поводу глубокое молчание. Прессе было сообщено лишь, что по возвращении от Чемберлена депутация сделала доклад Совету, который решил сообщить Евгению Чену по телеграфу текст следующей резолюции:

«Рабочее движение сожалеет о вызывающей военной демонстрации, направленной против кантонского правительства. (Резолюция «сожалеет», только сожалеет о военной демонстрации против Китая. Орган рабочей партии «Дейли Геральд» снабдил эту резолюцию обманным заголовком—«Сильный протест против военной демонстрации» *И. Л.*), так как такая демонстрация может только возбудить дух паники и агрессивности в обоих лагерях и сделать неизбежным те самые несчастья, которые якобы имелось в виду предотвратить. Эта демонстрация может еще помешать политике переговоров и дружеского соглашения на основе искреннего признания за китайским народом права на национальное самоуправление, которую наше министерство иностранных дел, казалось, проводит. Эта демонстрация приводит к замене такой политики угрозой и вызовом. Рабочее движение требует поэтому терпеливого и честного продолжения мирных переговоров с Китаем, свободных от угроз вооруженной силы (последняя фраза—кость левым. *И. Л.*) с тем, чтобы впоследствии (не сейчас, а когда-нибудь впоследствии. *И. Л.*) были отменены те договоры, на сохранение которых в настоящее время нет никакого права, и чтобы дружественные соглашения были устроены в целях немедленного устранения условий, находящихся в прямой или косвенной зависимости от существования этих договоров. (Авторы резолюции скрывают свою блудливую мысль—затягивание очистки Китая от империалистов нескончаемой канителью переговоров за завесой тяжелых, туманных и крючковатых слов. *И. Л.*). Английское рабочее движение выражает далее китайским рабочим свое искренее сочувствие и солидарность в их попытках улучшить свое экономическое положение и надеется, что твердой, но мирной политикой переговоров им удастся вывести свою страну из затруднений и опасностей, дать ей возможность занять свое место среди самоуправляющихся народов мира и свободно заключать договоры на благо всего народа и в соответствии с его достоинством».

В препроводилке к этому документу Совет говорит: «Мы уверены, что вы сделаете все возможное, чтобы достигнуть со-

[1]) Национальный Об'единенный Раб. Сов. является органом, который выносит решения, касающиеся всего рабочего движения в целом. В Совет входят представители от Генсовета, рабочей партии и исполкома парламентской фракции раб. партии, от каждого поровну, так что рабочей партии обеспечено большинство в Совете.

глашения и предотвратить инциденты, которые могли бы служить предлогом для употребления военной силы».

Чтобы оценить всю мерзость и подлость этого документа, следует иметь в виду обстановку, которая сложилась в момент, когда он составлялся. На Англию хлынул зловонный поток шовинистической газетной лжи и травли, направленной против Китая и «Москвы». В портах при посадке экспедиционных войск происходили сцены, напоминавшие времена империалистической войны. Буржуазия взывала к «защите английских женщин и детей», которым якобы угрожает опасность со стороны китайцев. В воздухе запахло войной. Рабочие волновались. В «Дейли Геральд» посыпались резолюции протеста рабочих союзов и организаций против отправки войск и угрозы войны. В этот момент главари рабочего движения, не обронив ни одного слова протеста против дикой травли Китая и против отправки войск в Шанхай, составляют, после тайного предварительного обмена мнениями с Чемберленом, документ, смысл которого—произвести давление на контонское правительство всем весом и авторитетом аглийского рабочего движения (в своей препроводилке авторы подчеркивают, что резолюция говорит от имени всего рабочего движения как политического, так и профсоюзного) и заставить его итти на гнилой компромисс с Чемберленом.

Если Об'единенный Совет тонко дипломатничает, то Томас не церемонится. В своей речи в Ньютон-Абботе (30/I—27 г.) он цинично заявляет, что он «не разделяет тревоги», которую многие испытывают по поводу больших отправок войск и вооружения. Он не знает, нужно ли посылать войска или нет,—«такие дела должно решить существующее правительство» (Томас считает, что рабочим в такие дела совать своего носа нечего. Как у Теннисона в песне: «Не их дело рассуждать, их дело драться да умирать»). Он «без колебаний» заявляет, что «раз нужно отправить войска, то он в тысячу раз предпочитает, чтобы была послана большая армия, а не горсточка солдат»...

Впрочем не менее откровенен и сам Макдональд. В своей речи в провинции 31/I—27 г. он уверял своих слушателей, что «оппозиция (т.-е. раб. партия) окажет Чемберлену всяческую поддержку». «Дайте все ваше доверие,—продолжал он,—лицам, которых страна послала в Китай. Сэр Майлс Лэмпсон превосходен, мистер Лэмпсон превосходен»...

На свое вмешательство на стороне Чемберлена Об'единенный Совет получил 1-го февраля достойный ответ от Евгения Чена:

«Если массовая концентрация вооруженных сил в шанхайском направлении,—пишет Евгений Чен,—является выражением той психологии «правящих кругов», которая вскормлена трупами убитых людей, то приходится опасаться, что расстройство английской торговли и промышленности может продолжаться до тех пор, пока английским рабочим не будет поручена задача остановить упадок английской торговой деятельности на Дальнем Востоке, заменив государственное руководство консерваторов, построенное на империализме, войне и византийском великолепии, новым государственным руководством, построенным на мире и продуктивной работе».

Устами Евгения Чена революционный Китай напомнил зарвавшимся вождям английского рабочего движения об их элементарнейших обязанностях не только по отношению к китайским рабочим и крестьянам, но и по отношению к английскому пролетариату, интересы которого они якобы представляют.

Бунт против Макдональда и дебаты по китайскому вопросу в парламенте.

Того же числа, 1-го февраля, Евгений Чен оборвал переговоры, которые он вел с английским консулом О'Малли об урегулировании юридического положения английской концессии в Ханькоу. В своей ноте английскому правительству он об'яснил, что отказывается подписать соглашение в военной обстановке, созданной отправкой английской экспедиционной армии в Китай. Этот отказ еще больше накаляет атмосферу в Англии. Буржуазная пресса поднимает бешеный крик и вой. Агитация компартии и движения меньшинства получает огромный размах. По всей стране идут митинги протеста, устраиваемые комитетами «Руки прочь от Китая», компартией, независимой рабочей партией, рабочей партией и профсоветами. Массы требуют увода всех военно-морских сил из Китая. Своими резолюциями и протестами массы срывают всю тонкую игру Макдональда. Под давлением масс начинаются колебания среди вождей. Против Макдональда поднимается бунт в самой рабочей партии. Не помогает пущенная Макдональдом легенда, будто бы в кабинете существует разногласие между Чемберленом, с одной стороны, и Черчиллем и Биркенхэдом, с другой, и что необходимо поддерживать Чемберлена, являющегося ангелом мира, против его воинственно настроенных коллег. По китайскому вопросу происходят бурные заседания парламентской фракции. Обсуждается поправка к тронной речи, которую рабочая партия должна внести на предстоящем открытии парламента. Против Макдональда образуется сильная оппозиция. Но эта оппозиция большей частью оппортунистическая. Ее состав чрезвычайно разношерстный. С одной стороны, к ней примыкает шотландская группа во главе в Уитли, считающаяся крайне левой. Это, однако. по существу нетвердые люди с большим темпераментом и с большой мелкобуржуазной кашей в голове, не умеющие сводить концов с концами ни в каком вопросе, сегодня шокируют парламентских джентльменов своими выпадами против короля или наследного принца (предлагая отказать ему в кредитах на заморские путешествия и рекомендуя взамен изучение трущоб Англии, так как это, мол, больше пригодится при исполнении им своих обязанностей управления страной!), а завтра готовы голосовать вместе с консерваторами за протекционистские пошлины на колониальные товары с предоставлением колониям и доминионам льготного тарифа (Imperial preference). Затем идет беспринципный сброд, дрожащий над своими насиженными парламентскими местами и чутко прислушивающийся к голосу масс. Наконец, к оппозиции принадлежат даже либералы, перешедшие к рабочей партии. Макдональд оказывается правее этих либералов.

Уитли выступил открыто против Макдональда и его политики в «Форварде» от 12 и 19 февраля. На заседании парламентской фракции рабочей партии победила оппозиция, но большинством всего в два голоса. Оппозиция сделала, однако,

большие уступки Макдональду, чтобы обеспечить единодушное выступление партии в парламенте. Но как ни как—Макдональд был побит. Внесение поправки к тронной речи было поручено либералу Тревелиану, перешедшему в независимую рабочую партию, и 10 февраля она была внесена в парламент. Вот ее текст:

«Мы сожалеем о затягивании правительством вопроса о положении в Китае и сожалеем об отправке военных сил на Дальний Восток, так как это не только увеличивает опасность, которой британские подданные подвергаются в разных частях Китая, но также ставит препятствия на пути достижения справедливого и постоянного дружеского соглашения с китайским народом на основе искреннего признания его национальной независимости. Палата общин соответственно с этим требует, чтобы военным силам, находящимся в пути и направляющимся в Китай, было немедленно дано другое направление и чтобы они были отозваны».

Уитли в своей статье в «Форварде» от 19-го февраля отметил, что поправка не шла дальше требования отозвания или перемены направления военно-морских сил, находящихся в пути и направляющихся в Шанхай, умалчивая о военных силах, которые уже находятся в Китае, и не говоря ни слова о том, какова же собственная политика рабочей партии в вопросе о независимости Китая. Это умолчание и было уступкой Макдональду, но в своей речи при внесении поправки Тревелиан высказался от имени рабочей партии за полную независимость Китая. Это заявление было встречено аплодисментами на задних скамьях рабочей партии, но не на передней скамье, где сидят вожди рабочей партии. Это и было отмечено Чемберленом, указавшим, что Тревелиан может говорить за тех, которые сидят позади его, но не за тех, которые сидят рядом с ним, т.-е. за вождей, и что между ним, Чемберленом, и Макдональдом в вопросе о Китае расхождение небольшое. Насколько линия оппозиции путанна, можно видеть из того, что Тревелиан между прочим рекомендовал правительству обратиться к Лиге Наций за разрешением всего вопроса. Он между прочим повторил пущенную Макдональдом легенду об отрицательном отношении Чемберлена к отправке войск в Китай. Чемберлен в своем ответе разрушил эту легенду, став решительно на защиту предпринятых правительством военных мер. Чтобы сгладить впечатление от выступления Тревелиана, Макдональд взял слово и произнес одну из своих обычных речей, полную недоговоренностей, туманных фраз, темных выражений, смысл которых, однако, явно сводился к поддержке Чемберлена. Он между прочим, защищаясь от упрека, брошенного ему консерваторами, что он вел переговоры с Ченом в ущерб Англии, раскрыл истинную подоплеку телеграммы, посланной Об'единенным Советом Чену. «Разные элементы,—говорил он,—и у нас, и за границей сносились с кантонским правительством, выступая от имени английских рабочих... Было ясно, что эти сообщения влияют на положение в Кантоне и на переговоры, которые велись... Они (члены Совета) дали поэтому ясно понять Чену, что если он хочет пойти навстречу взглядам рабочей партии, то он должен вести свои переговоры с законными представителями английского правительства и довести их до успешного конца». Томас, выступивший в парламенте, еще яснее раскрыл «дипломатию» Об'единенного Совета. «...Рабочая партия послала сообщение в Китай, которым она сказала, что ее единственное желание, это настоять, чтобы Китай подписал соглашение (to urge China to sign the agreement). Поэтому Болдуин не может ни в чем упрекнуть рабочую партию за ее выступление в трудном китайском вопросе»...

Сам Макдональд и большинство его последователей, подчиняясь дисциплине, голосовали за поправку рабочей партии. Однако, 5 членов рабочей парии, во главе с д-ром Гейден-Гестом, воздержались. Сам Гейден-Гест во время дебатов произнес речь, которая часто прерывалась аплодисментами на правительственных скамьях. Он говорил, что не может поддержать поправку своей партии, ибо «требовать от правительства отозвания войск, посланных на основании указаний правительственных советников—это такая ответственность, какую никакая оппозиция не должна брать на себя». Тем более, что «сам Макдональд дал этим советникам — Лэмпсону и О'Малли — самую лестную аттестацию и говорил, что лучших советников правительству не надо». Далее он выболтал секрет заседаний Об'единенного Совета. Требование отозвания войск было *категорически исключено* из программы, формулированной об'единенным заседанием представителей тред-юнионов, исполкома рабочей партии и исполкома парламентской фракции рабочей партии. Это требование было также категорически исключено в речах Томаса и вождя оппозиции Макдональда. Различие между обеими сторонами в парламенте (т.-е. между рабочей партией и консерваторами. *И. Л.*) чрезвычайно маленькое; если же мы перед внешним миром создадим впечатление, что у нас серьезные разногласия, то это будет самая роковая катастрофа».

Поражение Макдональда на заседании парламентской фракции рабочей партии чрезвычайно знаменательно. Также знаменательна статья Макдональда в «Форварде» от 2 февраля 1927 г., в которой он впервые произнес слово раскол. «В настоящее время,—пишет он,—в мире действуют элементы, вылезшие из глубин ада. Они ненавидят рабочую партию, внутри партии они изменяют ей. Поскольку у нас есть хоть какое-либо представление о том, что такое социализм, у нас с ними нет ничего общего. Потакать им в чем-нибудь, значит погубить себя. Заигрывать с ними, значит продлить их шансы строить каверзы. Мы должны собрать свои собственные силы под нашими собственными знаменами. Я предпочту, чтобы наша партия раскололась надвое и вычистила ненавистный дух, который может только привести нас к краху и вызвать к нам презрение, чем заключить мир с негодяями». Туману, по макдональдовскому обычаю, здесь напущено много. Неизвестно, кого конкретно имеет здесь Макдональд в виду, что это за элементы, вылезшие из глубин ада. Но атака, несомненно, идет здесь против коммунистов, движения меньшинства и левого крыла. Макдональд, обычно такой учтивый и корректный по отношению к консерваторам и либералам, впадает в бешенство, когда речь заходит о коммунистах и движении меньшинства.

Компартия, движение меньшинства и независимая рабочая партия.

Еще в конце ноября прошлого года, когда впервые стала вырисовываться опасность интервенции со стороны английского империализма в Китае, английская компартия мобилизует обще-

ственное мнение рабочих масс в пользу энергичной поддержки китайской революции. Она обращается к профсоветам с призывом создать комитеты «Руки прочь от Китая». Первым на призыв компартии откликнулся лондонский профсовет. Он созвал 7 декабря собрание представителей профсоюзов, на котором был основан Английский Рабочий Совет Китайской Свободы. В этот совет вошли Хикс, Лэнсбери, Свейлс, Тиллет и др., слывущие за левых. В середине декабря компартия обращается с манифестом ко всем рабочим, в котором указывает на опасность положения, которая так же велика, как в 1920 году, когда Англия готовилась об'явить войну Советской России. Рабочие призываются создавать комитеты «Руки прочь от Китая» в каждом городе, чтобы развернуть агитацию за отозвание военно-морских сил из Китая и добиться полного удовлетворения этого требования. Под этим манифестом, на ряду с представителями компартии и движения меньшинства, подписались видные члены рабочей партии, профсоюзов и независимой рабочей партии, как, например, Мекстон, представитель Н. Р. П., Кук, секретарь федерации горняков, и т. д.

В январе события в Китае развертываются с головокружительной быстротой, а Макдональд, как мы видели, со своим обычным вилянием и криводушничаньем, поддерживает политику Чемберлена. Компартия и движение меньшинства начинают энергичнейшую разоблачительную кампанию двуличной игры Макдональда и его сподвижников. Каждый номер «Воркерс Уикли», еженедельного органа, компартии—это сплошной огонь, направленный против образовавшегося блока Чемберлен—Макдональд.

21 января компартия публикует манифест к английским рабочим, в котором говорит: «Британское правительство решило вести войну с Китаем. За дымовой завесой разговоров о мире, в китайских водах сосредоточиваются военные суда... Английские рабочие не должны допустить этого нового преступления! Английские рабочие не должны посылать своих детей и братьев убивать своих китайских товарищей рабочих в интересах купцов и финансистов лондонского Сити! Английские рабочие не должны помогать британскому империализму раздавить китайскую революцию!.. Компартия призывает рабочих отвергнуть саботаж, который их официальные вожди проводят по отношению к кампании «Руки прочь от Китая» и, заклеймить открытую поддержку, которую они оказывают империалистическому правительству Болдуина». Манифест кончает призывом «во что бы то ни стало заставить правительство прекратить войну с Китаем».

Одновременно с разоблачением Макдональда, компартия разоблачает и половинчатых, шатающихся «левых» из нез. раб. партии в роде Фенера-Броквея и Лэнсбери, которые, как маятник, качаются взад и вперед между Макдональдом и коммунистами, и в конце концов творят дело Макдональдов. Еще в декабре прошлого года эти «левые» джентльмены отказались подписать вместе с коммунистами манифест, призывавший рабочих создавать комитеты «Руки прочь от Китая», и о котором мы писали выше. Они, однако, вошли в Английский Рабочий Комитет Китайской Свободы... и там саботировали всякую работу, которая могла бы действительно помешать правительству вести войну с Китаем. Они проводят резолюции, «приветствующие» декларацию рабочей партии и заявления Макдональда в «Дейли Геральд». Джорж

Хикс, занимавший в Совете пост председателя, как мы видели выше, под давлением Макдональда впоследствии вышел совсем из этой организации.

Компартия в своем манифесте, опубликованном 4 февраля в «Воркерс Лайф», когда Чен прервал свои переговоры с английским представителем, проводит параллель между меморандумом Чемберлена и отчетом Самуэля во время прошлогодней борьбы в угольной промышленности. Меморандум, как и отчет, имел своей целью внести раскол в ряды рабочего движения. Макдональд был тогда за отчет Самуэля против углекопов, а теперь он за меморандум Чемберлена против китайских рабочих и крестьян. Положение напоминает 1914 год. Как тогда, так и теперь английский империализм употребляет пацифистские фразы, чтобы скрыть свои империалистические цели. Манифест призывает к массовому действию в целях прекращения войны и расторжения союза рабочих вождей с Болдуином.

Рабочая партия, как мы видели, дала директивы своим отделам держаться в стороне от всяких посторонних организаций и выступать по китайскому вопросу, если вообще они это признают нужным, исключительно под своим собственным флагом. Это чрезвычайно затруднило работу компартии и движения меньшинства. Тем не менее агитация и пропаганда компартии и движения меньшинства делает огромные успехи и к 10-му февраля в Лондоне и в разных городах провинции, под их влиянием организуются 34 комитета «Руки прочь от Китая», а в исполкомы профсоюзов сыплются резолюции местных секций с требованием образования комитетов «Руки прочь от Китая». В Лондоне 12 февраля состоялась конференция, созванная лондонским профсоветом, на которой присутствовало 587 делегатов от 216 отделов, 56 профсоюзов, от 29 об'единенных отделов профсоветов и рабочей партии, от 16 отделов рабочей партии, от 27 женских кооперативных организаций и от 50 отделов 11 социалистических обществ, а также от компартии.

Принятая конференцией резолюция, между прочим, требует, чтобы «организованное рабочее движение (рабочая партия и конгресс тред-юнионов) довели свои взгляды на вопрос о борьбе китайских рабочих до сведения английских рабочих, носящих военный мундир, чтобы дать последним возможность понять, что они используются не для защиты свободы, а как орудие капиталистического правительства для подавления китайских рабочих и крестьян».

В середине января, когда началась мобилизация войск, компартия дала директивы своим членам, работающим на фабриках и на транспорте сделать все в своих силах, чтобы помешать отправке войск и амуниции в Китай. Кроме того, компартия печатает прокламации и распространяет их среди солдат и моряков, отправляемых в Китай.

Компартия делает все возможное, чтоб толкать нез. раб. партию на путь борьбы с империалистической политикой Болдуина, для чего предлагает заключить единый фронт. Однако, НРП гордо отклоняет протянутую руку компартии. Тем не менее, под влиянием беспощадной критики и разоблачений компартии, эта половинчатая, неустойчивая партия, руководимая сентиментальными мелкобуржуазными вождями, выпуждена итти все левее и левее. В этом отношении интересно сопоставить статью

теоретика НРП, Брейлсфорда, в «Нью Лидере», еженедельном органе НРП, от 31/XII—26 г. и его же статью от 21/I—27 г. В первой он пишет весьма сочувственно по поводу меморандума Чемберлена, который его, очевидно, очаровал: «Перемена так велика, что нельзя узнать в этом замечательном меморандуме, таком дальновидном и полном терпимости, руки тупоумного и оголтелого правительства Болдуина». Во второй статье он уже пишет: «Мы дрожим всякий раз, когда Болдуин говорит о мире. Он проповедывал промышленный мир, а потом вел против углекопов самую долгую ожесточенную войну во всей нашей общественной истории. Он послал мирное рождественское послание Китаю и мы ждем с тревогой последствий». В декабре Брейлсфорд забыл про художества Болдуина, а 21 января вспомнил о них благодаря критике компартии. Теперь, когда компартия и движение меньшинства своей агитацией в широких массах вышибли почву из-под ног вождей, предающих китайскую революцию, НРП стала очень радикальной. Она требует отозвания войск из Китая и «в случае, если политическое действие не даст желанного результата», она готова даже бросить лозунг «прямого действия».

Своей неутомимой и энергичной агитацией среди широких рабочих масс английской компартии и движению меньшинства удалось разрушить хитросплетения вождей-предателей и расстроить их планы пригвоздить английское рабочее движение к империалистической колеснице правительства.

События прошлого года—борьба углекопов и предательство Генсовета—дали огромный толчок росту английской компартии и движения меньшинства. События нынешнего года—отправка военно-морских сил в Китай английским правительством и предательство вождей английского рабочего движения китайской революции—дают второй могучий толчок их дальнейшему росту.

И. Хромский.

Хозяйственное и политическое положение Чехо-Словакии.

Чехо-Словакия, принадлежащая к так называемым государствам—преемникам рухнувшей во время мировой войны австро-венгерской монархии, насчитывала по переписи 1920 г. $13^1/_2$ млн. жителей (ныне наверное $14^1/_2$ млн.), из которых большинство занято в промышленности и торговле. По статистическим данным от 1921 г., на 5.384.115 лиц, занятых в сельском и лесном хозяйстве, приходилось 6.052.509 человек, занятых в промышленности и торговле; 10,46% всего населения составляли наемные рабочие и домашняя прислуга. В Чехо-Словакии преобладает, таким образом, промышленность и торговля. В областях, входящих теперь в чехо-словацкую республику, сосредоточено $^3/_4$ всей промышленности бывшей австро-венгерской империи, насчитывавшей почти 52 млн. жителей.

По сведениям из того же источника, национальный состав населения Чехо-Словакии был в 1921 г. таков: 6.345.939 чехов, 1.711.023 словака, 3.126.568 немцев, 745.431 мадьяр, 461.489 украинцев, 180.855 евреев и 78.853 поляка.

Согласно последним официальным данным, территория Чехо-Словакии обнимает площадь в 140.352 кв. км.—21% площади бывшей австро-венгерской монархии.

Хозяйственное положение.

Хозяйство Чехо-Словакии характеризуется с первых дней основания республики хроническим кризисом, который является последствием чрезмерной индустриализации (Чехо-Словакия, как уже сказано, унаследовала от бывшей австро-венгерской монархии $^3/_4$ ее промышленности, но только $^1/_4$ населения) и который обостряется взаимной изолированностью государств, возникших на территории бывшей габсбургской империи, таможенными границами между ними, развитием собственной промышленности в каждом из них, дефляционной политикой и, наконец, концентрацией и рационализацией производства в крупных империалистических государствах.

В основе хозяйственного кризиса Чехо-Словакии лежит кризис сбыта, отчасти находящийся в связи с общим экономическим кризисом Европы.

а) Кризис сбыта. Кризис сбыта движется в Чехо-Словакии не по прямой линии, а прерывается время от времени короткими под'емами. Так, непродолжительное улучшение кон'юнктуры имело место в 1924 г., когда оккупация Рура временно вывела из строя германского конкурента, и в 1925 г.—в результате падения конкурентоспособности Германии, Англии и дру-

гих промышленных государств. В истекшем году улучшилось положение в угольной промышленности вследствие поставок штрейкбрехерского угля в Англию.

Но все это, разумеется, нисколько не меняет общего характера чехо-словацкого хозяйственного кризиса, который как раз за последние месяцы очень сильно обострился. Об этом красноречиво свидетельствуют цифры торгового баланса.

	Ввоз.	Вывоз.
	(в млн. крон).	
Внешняя торговля в 1926 г.	15.263	17.858
» » » 1925 »	17.618	18.821

Эти цифры показывают, что в 1926 г. *импорт понизился* против 1925 г.—в значительной мере вследствие сокращения ввоза сырья—с 17.618 млн. до 15.263 млн. крон, т.-е. на 2.355 млн. Эта убыль скажется в еще более сильной степени в области экспорта, потому что в ближайшие месяцы приостановка работ на многих текстильных фабриках приведет к сокращению соответствующих отраслей вывоза.

Экспорт понизился в 1926 г. против предшествующего года с 18.821 млн. крон до 17.858 млн., т.-е. на 963 млн. (почти на миллиард).

За первые девять месяцев 1926 г. торговый баланс *понизился*, по сравнению с тем же периодом в 1925 г., на 308 млн. крон. Улучшение баланса произошло в течение трех последних месяцев 1926 г. Об'ясняется оно, с одной стороны, сильным сокращением спроса на сырье (текстильное) в связи с закрытием многих фабрик, а с другой—увеличившимся за последние три месяца истекшего года вывозом штрейкбрехерского угля в Англию. Вывоз угля в октябре истекшего года, напр., составлял 834.000 тонн, а в октябре 1925 г.—376.000 тонн.

Если отвлечься от этого временного под'ема кон'юнктуры в угольной промышленности, то в общем следует сказать, что в 1926 г. торговый баланс чрезвычайно ухудшился сравнительно с предшествующим годом. Тогда как в 1925 г. за первые десять месяцев только в июне баланс оказался пассивным на сравнительно небольшую сумму в 20 млн. крон, в 1926 г. два месяца дали пассивный баланс—март на 20 млн., а июнь уже на 160 млн. крон. «Прагер-Тагблатт», орган тяжелой промышленности, изображал ситуацию в следующем виде:

«Цифры нашего вывоза—этот барометр нашей хозяйственной кон'юнктуры—падают. Первое полугодие показывает убыль в 1 миллиард. И таково положение в важнейших отраслях нашей промышленности. Мы теряем позиции в важнейших для нас областях сбыта. Складывающаяся кон'юнктура выясняется все больше. Несколько месяцев тому назад имелись лишь там и здесь очаги частичных и незначительных по своему об'ему нарушений нормального хода хозяйства. А теперь депрессия становится, повидимому, повсеместной. Против дальнейшего распространения кризиса необходимо бороться всеми средствами».

По поводу временного под'ема угольной кон'юнктуры «Прагер Тагблатт» пишет (от 7 декабря 1926 г.):

«С возобновлением работ в Англии период оживленной кон'юнктуры, разумеется, оканчивается для района (имеется в виду большой Остравско-Карвинский угольный район). Оттуда сообщают, правда, что район обеспечен сделками до конца января. Но от этих сделок едва ли будет большая радость, ибо при происходящем сейчас колоссальном падении цен на второсортный уголь в странах, прилегающих к Немецкому морю, покупатели должны были бы потерять на каждом вагоне по крайней мере 1.000 крон и поэтому они приложат все усилия, чтобы расторгнуть сделки. И действительно, в Гамбурге стоят уже сотни вагонов чехо-словацкого угля, которые не выгружаются под разными предлогами. Удастся ли сохранить экспортные сделки до конца января, при таких условиях более, чем сомнительно. Вообще же можно сказать, что своей высшей точки угольная кон'юнктура достигла в первой половине ноября, и об'ясняется это не столько штрейкбрехерским экспортом, который в январе пошел уже на убыль, сколько тем, что отечественные потребители спешили запастись углем в виду назревающего конфликта из-за заработной платы. Наша потребляющая промышленность вовсе не была так занята в начале ноября, чтобы быть в состоянии поглотить такие количества угля, на какие она претендовала. Поэтому запасы угля на наших складах должны были увеличиться, и это увеличение сильно ускорит окончательный срыв кон'юнктуры, который наступит, вероятно, сейчас же после рождественских праздников».

Тяжелее всего кризис дает себя чувствовать в текстильной промышленности (за первое полугодие 1926 г. ее продукция понизилась на 398 млн. крон, при использовании производительной способности лишь на 50%) и в стекольной промышленности (за тот же период продукция понизилась на 24 млн. крон). Но и остальные важные отрасли не избежали кризиса. Так, производство чугуна сократилось на 15%, металлообрабатывающая промышленность сократила продукцию на 8%, производительная способность кожевенной промышленности упала больше чем вдвое. В сахарной промышленности, работающей на 70% на экспорт, падение цен на мировом рынке тоже привело к кризису, который предприниматели стараются преодолеть путем об'единения в картели и снижения заработной платы.

Кризис охватил почти все отрасли промышленности, так что можно говорить об общем промышленном кризисе, в котором находит свое выражение основное хозяйственное затруднение Чехо-Словакии—хронический кризис сбыта. А этот последний является, в свою очередь, последствием чрезмерной индустриализации и лишь временно маскируется хозяйственными и экономическими затруднениями конкурентов Чехо-Словакии на мировом рынке.

б) Экспорт. Экспорт Чехо-Словакии неизменно понижается на западных и дунайских рынках и повышается очень слабо на рынках восточных и заокеанских областей. Убыль экспорта составляет 9%. Самым опасным конкурентом Чехо-Словакии является Германия. На западном рынке Чехо-Словакия потеряла 31%, тогда как Германия выиграла там 24%; в Англии, куда Чехо-Словакия вывозит главным образом сахар, она потеряла 28%, германский же экспорт в Англию повысился на 38% и т. д. Наоборот, экспорт в Россию увеличился в первом полугодии 1926 г. на 59 млн. крон по сравнению с тем же периодом 1925 г. (по данным буржуазной «Трибуна» от 14 августа). Тор-

говый баланс Чехо-Словакии по отношению к России чрезвычайно активен: в течение первых семи месяцев 1926 г. Чехо-Словакия вывезла из России товаров на 25 млн. крон, а ввезла в Россию на 105 млн.

в) Последствия кризиса. 1) *Безработица.* В результате кризиса чрезвычайно широко практикуется закрытие фабрик и сокращение производства, что, в свою очередь, влечет за собой безработицу, которая в последние месяцы сделала новый скачок вверх. В течение четырех месяцев число безработных поднялось с 63.000 до 200.000. О числе рабочих, занятых в производстве неполный день, не имеется точных данных, но оно, наверное, очень высоко.

Для характеристики положения в отраслях, наиболее тяжело затронутых кризисом,—в текстильной, стекольной и металлической промышленности,—приведем следующие цифры:

	Текст. пром.		Стек. пром.		Метал. пром.	
	I [1]	II [1]	I	II	I	II
Май	15.079	20.156	1.235	722	8.513	3.108
Июнь . . .	19.887	25.358	1.320	561	8.600	2.351
Июль . . .	21.686	29.812	1.576	1.113	8.110	4.270
Август . .	24.136	35.975	1.754	1.780	7.693	3.696

В последнее время сообщают о новых закрытиях и сокращениях в упомянутых отраслях.

2) *Дороговизна.* Следующей характерной чертой хозяйственного положения является быстро растущая дороговизна всех предметов первой необходимости и, прежде всего, важнейших продуктов питания. Эта дороговизна вызывается, с одной стороны, таможенными пошлинами, с другой—недородом 1926 г. Правительство уже рассматривает вопрос о введении т. наз. «однотипной» муки, которая будет хоть и не дешевле, но по качеству гораздо ниже теперешней. О росте цен на продовольствие можно судить по тому, что цены на сахар поднялись на 60%, а на картофель—на 100%.

Результаты действия аграрных пошлин иллюстрируются следующими цифрами:

	Индекс розничных цен в 1926 г. для всей республики (июль 1914 г. = 100).	Для Праги.
Январь	854	805
Февраль . . .	845	793
Март	832	780
Апрель	832	765
Май	837	777
Июнь	861	781
Июль	876	813

[1] I—ищущие работу, II—безработные, получающие пособие.

	Индекс прожиточного минимума рабочей семьи в 1926 г.
Январь	800
Февраль	787
Март	777
Апрель	761
Май	774
Июнь	775
Июль	808

Эти цифры говорят только о тех результатах, к которым привела спекуляция на хлебных пошлинах, принятых парламентом в июле. Но уже имеются и цифры, дающие представление о результатах действия самих этих пошлин. По сведениям, опубликованным в официальном органе Госуд. Статист. Бюро, индекс цен на все предметы первой необходимости поднялся в октябре больше чем на 1% и равняется, для рабочей семьи, 732. По сообщению из того же источника, повышение розничных цен, особенно на продовольственные продукты, привело к вздорожанию керосина и квартирной платы. Из продуктов питания вздорожали хлеб, рис, яйца, также овощи и фрукты и в особенности сахар. По сравнению с довоенными цифрами цены возросли в октябре по всей республике с 878 до 888. При этом следует заметить, что эти официальные цифры неточны и что в действительности дороговизна, вероятно, гораздо выше.

3) *Низкий уровень реальной заработной платы.* Согласно исследованиям Международного Рабочего Бюро (см. Revue Internationale, июльский номер), индекс реальной заработной платы, исчисленный па основании количества продовольствия, нормально потребляемого средне-европейским рабочим в разных больших городах, представлялся к 1 апреля 1926 г. в следующем виде (за основу взят Лондон, приравненный к 100):

Филадельфия	151	Париж	62
Отава	132	Лодзь	61
Сидней	113	Прага	58
Осло	108	Брюссель	52
Лондон	100	Рига	52
Амстердам	92	Веиа	51
Стокгольм	83	Милаи	50
Берлин	80	Варшава	50
Мадрид	63	Рим	45

Согласно этим данным, реальная заработная плата в Чехо-Словакии (Прага занимает 12-е место среди перечисленных городов) стоит на чрезвычайно низком уровне.

Пойдем далее.

а) Государственный бюджет. Бюджетная смета на 1927 г. предусматривает доходы в 9.723,9 и расходы в 9.703,5 млн. крон, так что остается избыток в 20 млн. крон. Из доходов от налоговых поступлений, общей сложностью в 7,6 млрд. крон, на долю прямых налогов приходится 2,06 млрд., на долю нало-

гов на потребление—1,7, на долю государственных пошлин—1,9, на долю налога на торговые обороты—1,1, на долю таможенных сборов—1,4. Из важнейших налоговых источников подоходный налог дает 1,13 млрд. крон, а судебные пошлины—595 млн. крон. Бюджетная смета предусматривает, таким образом, избыток доходов над расходами на небольшую сумму в 20 млн. крон, но в действительности бюджет чехо-словацкой республики сильно дефицитен: активность баланса создана искусственно. Так, напр., слишком низко исчислены расходы на обеспечение инвалидов, а для оплаты учителей вообще не показано никакой суммы. Уже эти два примера доказывают, что активность бюджетной сметы иллюзорна. Сомнение в ее активности высказал, впрочем, и сам министр финансов.

Если подойти теперь к бюджетной смете с точки зрения интересов трудящихся классов, то получается весьма характерная картина. На гражданский аппарат государственной власти идет сумма в 2.131 млн. (или 22%), на уплату государственных долгов—2.144 млн. (или 22,1%), на оборону страны—1.876 млн. (19,3%), на хозяйственное управление — 1.054 млн. (или 10,9%), на социальные нужды—1.485 млн. (или 15,3%), на народное просвещение—1.013 млн. (или 10,4%).

Таким образом, из всех предусмотренных бюджетом расходов 6.151 млн. или 64,4%, т.-е. почти $^2/_3$ всех государственных средств, идут на содержание аппарата классового господства буржуазии и на выполнение непосредственных обязательств государства перед имущими классами.

Как много выжимает государство из трудящихся классов, из их труда и массового потребления, путем всевозможных обложений, прямых и косвенных,—об этом свидетельствуют следующие цифры.

Обложение потребления дает 6.134 млн., обложение квартирной платы—86 млн., обложение транспорта—1.196 млн., чистый доход от государственных предприятий—140 млн., гербовые сборы—97 млн., обложение в пользу социального обеспечения и школ—147 млн. Итого, стало быть, получается 8.010 млн. Если сравнить в процентном отношении обе отмеченные выше группы доходов, то оказывается, что на долю первой группы, представляющей будто бы обложение имущих классов, приходится всего каких-нибудь 19,6%, тогда как доля второй группы, в которую входят так называемые косвенные налоги, достигает громадной величины в 80,4%.

Впрочем бюджетная смета на 1927 г. почти сплошь показывает повышение косвенных налогов, тогда как прямые налоги большею частью значительно понижены.

Особую статью составляет вопрос о чехо-словацком милитаризме. На содержание армии, мирный состав которой насчитывает 150 тыс. чел., требуется 1.370 млн. крон, т.-е. больше $^1/_5$ всех государственных расходов. Чехо-Словакия тратит на нужды милитаризма на 4% больше, чем Англия, и почти на 10% больше, чем Германия. Даже крайне милитаристская и империалистическая Франция расходует на армию сравнительно меньше, чем чехо-словацкая республика. За время от 1922 до 1925 г. не раз наблюдалось то характерное явление, что дефицит чехо-словацкого бюджета равнялся по величине расходам на армию.

б) Государственный долг. Внутренний государственный долг Словакии составляет 24.049.196.350 крон, иностранный государственный долг—6.495.728.640 крон, долги по мирным договорам—4.400.000.000 крон; таким образом общая величина государственного долга равняется 34.945.024.990 крон. Проценты, амортизация и расходы по управлению государственным долгом составляют 2.552.939.582 крон.

Финансово-политическое бремя, лежащее на Чехо-Словакии, является наследием мирных договоров, которые установили особые репарационные платежи, отложив на будущее урегулирование вопроса о распределении военных долгов бывшей австро-венгерской монархии. Репарационные платежи Чехо-Словакии составляют, по официальной оценке, 6,5 млрд. крон, но в действительности они гораздо выше и, вероятно, достигают 40 млрд., так что весь государственный долг чехо-словацкой республики равняется почти 75 млрд. По некоторой части довоенных долгов сейчас уплачиваются проценты в размере 260 млн. крон. Существованием репарационного вопроса об'ясняется сильное влияние Франции в Чехо-Словакии.

По подсчету чешского социал-демократа Ф. Бауэра в «Право Лиду», государственный долг Чехо-Словакии составляет 890 золотых крон на душу населения; если принять во внимание, что одна золотая крона равняется семи бумажным, то получается сумма в 6.230 крон на человека.

в) Налоговый пресс. По данным Гос. Статист. Бюро, в областях, входящих ныне в чехо-словацкую республику, до войны один житель в среднем уплачивал налогами следующие суммы:

	Кроны.
Прямые налоги	12,78
Налоги на потребление	22,85
Таможенные сборы	5,45
Монополии	8,43
Гербовые сборы, пошлины и акциз	7,25
Итого	56,76

Если мы сравним с этими данными нынешнее налоговое обложение, взяв за основу бюджетную смету на 1926 г. и приняв численность населения в 14,5 млн. ч., то получим следующие цифры:

Вид налога.	Общая сумма (в кронах).	На душу населения.
Прямые налоги	2.085.757.800	143,84
Налоги на потребление	1.802.034.100	124,28
Таможенные сборы	814.736.000	56,19
Монополии	1.066.649.276	73,56
Гербовые сборы, пошлины и транспорт	1.947.748.949	134,33
Налог на торговые обороты и предметы роскоши	1.606 363 200	110,79
Итого	9.323.289.325	642,99

Таким образом, довоенному налоговому обложению в 56,76 крон мирного времени соответствует теперь обложение в 642,99 чешских крон.

г) Стабилизационные меры буржуазии. Тяжелый хозяйственный кризис, в котором находится страна, буржуазия пытается преодолеть целиком за счет трудящихся слоев населения, повышая косвенные налоги, аграрные пошлины, цены на предметы первой необходимости и проводя концентрацию и рационализацию производства. К последнему чехо-словацкий капитализм вынуждается не только сокращением рынков сбыта, но также и растущей концентрацией континентального капитала. Поэтому тенденции к об'единению промышленных предприятий становятся все сильнее. Как только получились первые сведения о создании континентального стального треста, тотчас же начались переговоры об об'единении чешской стальной индустрии (общество горнозаводской промышленности, Пражское общество стальной промышленности и железоделательные заводы Witkowit). В конце сентября представители всех сахарных заводов подписали соглашение об образовании сахарного картеля. Одновременно ведутся переговоры о создании бумажного картеля. Намечаются способы об'единения чехо-словацкой текстильной промышленности с австрийской. Переговоры представителей чехо-словацкой стальной промышленности о присоединении последней к европейскому стальному тресту увенчались на-днях полным успехом. Это вступление Чехо-Словакии в международный европейский стальной трест имело уже свои последствия и внутри страны: несколько пражских фирм слились вместе, завод Skoda в Пильзине пытаются об'единить железоделательную промышленность под своим руководством, между другими фирмами ведутся переговоры о слиянии.

В банковских кругах Чехо-Словакии тоже происходит процесс концентрации.

Благодаря концентрации и рационализации промышленности и в виду предстоящего дальнейшего сокращения производства безработица становится затяжным явлением. Процессы картелирования и рационализации, происходящие в крупных империалистических странах, являются очень серьезной опасностью для чехо-словацкого хозяйства. Вследствие оттеснения Чехо-Словакии от мирового рынка в ней начинает обнаруживаться сильная тенденция к аграризации страны. Многие промышленные предприятия, особенно в Словакии, уже ликвидированы. Буржуазные экономисты заявляют, что необходимо сократить чехо-словацкую промышленность по крайней мере на одну треть, чтобы быть в состоянии приспособиться к ухудшившимся условиям сбыта. Уже сейчас промышленность страны использует лишь около 70% своей производительной способности, а в Словакии даже только 50%.

* * *

Хозяйственное положение Чехо-Словакии в общем можно охарактеризовать следующими чертами: неудержимое падение вывоза, понижение торгового и, в еще большей степени, расчетного баланса; очень высокий иностранный долг (репарации), ликвидированный пока только в самой незначительной части, что подрывает устойчивость валюты; дорого стоящий государственный аппарат (пышный расцвет милитаризма, необычайно разбухшие штаты полицейского, жандармского и административного аппаратов) при отсутствии соответствующих финансовых ресурсов;

крайне низкая оплата труда рабочих и мелких служащих (в среднем не больше 50% довоенной нормы) и тяжелое налоговое обложение (в среднем на 120% выше довоенного), главным своим бременем падающее на трудящиеся слои населения; быстро растущая дороговизна всех предметов первой необходимости при остающейся без изменения заработной плате. Последнее время ко всему этому присоединяется еще очень быстрый рост числа безработных (в течение 4-х месяцев поднявшегося от 63.000 до 200.000) и лиц, имеющих лишь временный заработок. Все в больших размерах практикуется сокращение производства, что с своей стороны увеличивает безработицу. Пролетаризация средних и мелких слоев крестьянства, пауперизация и деклассирование пролетариата, земельный голод в деревне (так называемая земельная реформа, проводимая правительством, имеет своей единственной целью создание нового слоя чешских крупных землевладельцев), колониальные методы буржуазного господства в Словакии и Прикарпатской Украине— довершают общую картину хозяйственного положения страны.

Это—картина вполне явного упадка, картина безостановочного процесса гниения, лишь временно прерываемого то более короткими, то более длинными промежутками хозяйственного оживления.

Политическое положение.

Внутренне-политическое положение Чехо-Словакии до 1925 г. и дальше характеризовалось двумя главными тенденциями: стремлением буржуазии господствующей чешской национальности установить национальную гегемонию чешского капитала и укреплением классового господства буржуазии. Выражением этих двух тенденций и была правительственная система так называемой всенародной коалиции (коалиции всех чешских партий от полуфашистских национал-демократов до чешских социал-демократов).

Лихорадочные попытки осуществить указанные цели в государстве, где живет вперемежку шесть народностей, где налицо избыток производственной мощности в промышленности, где крупные массы рабочих сосредоточены в ряде мощных промышленных центров, все больше загоняли правительственную коалицию в тупик, все явственнее обнаруживали ее банкротство, особенно ярко проявлявшееся в растущей с каждым днем неработоспособности парламента.

Классовые противоречия, обострившиеся экономическим кризисом, безработицей, дороговизной, налоговым гнетом, наступлением капитала и т. д., все яснее обнаруживали иллюзорность национальных лозунгов; коалиция, в которую вошли такие противоположные партийные группировки, как чехо-словацкие социал-демократы (рабочие), чешские социалисты (рабочие и средний класс), аграрии, национал-демократы (крупный капитал и интеллигенция), клерикалы (средний класс, мелкие и крупные крестьяне), все явственнее обнаруживала свою нежизнеспособность. Полное банкротство коалиции не наступало только потому, что правительственные социалисты помогали правительству выходить из самых трудных положений. Но когда против политики господствующих в коалиции крупных капиталистов и аграриев повернулись, кроме рабочих, также чиновники и служащие, при одновременно усилившемся нажиме на существующие порядки

со стороны крепких национальных меньшинств, тогда и правительственные партии, в особенности социалистические, попали перед своими избирателями в крайне трудное положение, единственным выходом из которого явилось назначение новых выборов. Эти выборы состоялись в ноябре 1925 г. и принесли правительственной коалиции очень чувствительное поражение. Весьма незначительное уже и до выборов правительственное большинство (примерно, в 30 голосов) уменьшилось после выборов до девяти голосов. Это чрезвычайно обострило кризис. Лишь с величайшими усилиями, путем привлечения в правительство еще одной чешской партии (партии ремесленников), не входившей до тех пор в коалицию, удалось чешской буржуазии создать еще раз коалиционное правительство, явно носившее временный характер: оно должно было только дать передышку для образования в будущем нового коалиционного правительства, на более широкой и прочной основе. Однако, образовавшийся коалиционный кабинет пал задолго до окончания передышки и—вместе с ним—система всенародной коалиции, которую не уставали провозглашать единственно возможной в стране правительственной системой. Какова была причина падения коалиционного правительства? Непосредственный повод для ухода последнего заключался в следующем: крупные капиталисты и аграрии выступили в области налоговой и тарифной политики с непомерными требованиями, удовлетворение которых привело бы к такому обнищанию трудящихся масс, что это испугало даже правительственных социалистов,—тем более, что и существующий уже невыносимый налоговой гнет, а также кризис сбыта и связанная с ним безработица, успели вызвать в рабочих массах глубокое возмущение. Возмущение стало проникать и в среду социал-демократических рабочих, так что даже в цитаделях социал-демократии соц.-демократические рабочие перешли в оппозицию против коалиционной политики. Такое настроение социал-демократических рабочих заставило и вождей пересмотреть свою прежнюю тактику. После долгих колебаний большинство ЦК чешской социал-демократической партии высказалось против поддержки коалиционной политики. А очень скоро после этого последовала отставка последнего коалиционного правительства и вместе с тем—падение коалиционной системы вообще.

Впрочем, причину кризиса коалиции нельзя искать лишь в отдельных частных вопросах, послуживших непосредственным поводом для ухода коалиционного министерства,—настоящие причины лежат гораздо глубже. Они тесно связаны с общим развитием как международной политической обстановки, так и внутренней политической ситуации в Чехо-Словакии. Крах коалиции знаменует собой важный поворот в политическом развитии чехословацкой республики. Коалиция была выражением той относительной стабилизации, которую сумел обеспечить себе чехо-словацкий капитализм; но, несмотря на все меры, принимавшиеся буржуазией,—снижение заработной платы, сокращение производства, вызвавшее рост безработицы, частичную ликвидацию промышленности в Словакии, отмену большей части социальных завоеваний, добытых пролетариатом во время буржуазной революции,—несмотря на все это буржуазии, пользовавшейся к тому же полной поддержкой чешской социал-демократии во всех своих шагах против рабочего класса, не удалось добиться упрочения

стабилизации. Чехо-Словакия, которая после поражения революционного пролетариата в декабрьских боях 1920 г. смогла консолидироваться в качестве классового государства буржуазии, вовлекается теперь в общий кризис нисходящего капитализма. Последние парламентские выборы, закончившиеся, несмотря на формальное сохранение коалиционного большинства, поражением коалиции, означают крах всей коалиционной системы, хотя коалиции и удалось искусственно продержаться еще в течение нескольких месяцев.

И среди чешского рабочего класса произошла та *эволюция влево*, какую мы наблюдаем в Англии и Германии. Об этой эволюции ясно свидетельствовала уже руководимая компартией борьба против хищнической налоговой политики, борьба, которая в некоторых областях привела к созданию пролетарских комитетов единства, отразивших решимость рабочего класса противопоставить организованный отпор новому наступлению буржуазии. О том же говорят и крупные успехи, одержанные компартией, со времени последних выборов в парламент, почти на всех коммунальных и фабзавкомовских выборах. Эта эволюция влево широких рабочих масс является одной из главных причин выше указанного падения коалиционной правительственной системы.

После ухода последнего коалиционного правительства был сформирован, как это обычно бывает в таких случаях, т. н. «деловой» кабинет, во главе которого был поставлен человек с «железным кулаком»—известный еще со времен старой австро-венгерской империи кровопийца Черни. При «деловом» правительстве хозяйственные и политические затруднения страны только усилились и притом в чрезвычайной степени. Как раз в это время было проведено повышение таможенных пошлин, и наступил тяжелый кризис в промышленности со всеми сопутствующими явлениями.

В таких условиях произошел знаменательный шаг в политической эволюции чехо-словацкой буржуазии.

Чтобы добиться повышения хлебных пошлин и провести закон о конгрегациях (этот миллионный подарок попам), чешские и крупнейшие немецкие буржуазные партии образовали деловое большинство (т. наз. «таможенное» большинство), которое в начале осени сконсолидировалось в правительстве чешско-немецкого буржуазного блока. Впервые со времени существования чехословацкой республики чешские и немецкие буржуазные партии об'единились для участия в одном правительстве. Об этом нужно сказать несколько подробнее.

В своем стремлении оздоровить общее положение буржуазия была единодушна. И если тем не менее в последнее время шла острая борьба между правым и левым крылом чешской буржуазии, то вызывалась она только различием политических методов: реакционное крыло стремится, под полуфашистским руководством д-ра Крамаржа, к открытой диктатуре или к недопущению, по крайней мере, немцев к участию в правительстве, стараясь восстановить с этой целью всенародную коалицию,—тогда как умеренное крыло, руководимое президентом Масариком и министром иностранных дел д-ром Бенешем, готово в крайнем случае удовлетвориться диктатурой, прикрытой демократически-гуманитарно-пацифистскими декорациями, старается привлечь немцев к сотрудничеству и добивается создания «левого блока», чтобы

избежать чисто буржуазного правительства. В борьбе между этими двумя флангами буржуазии одержала верх группа Масарика-Бенеша (после ухода со сцены фашистского вождя генерала Гайды и выхода фашистского крыла из чехо-словацкой национально-социалистической партии).

Этим был расчищен путь для об'единения чешской и немецкой буржуазии. Оставалось создать верховный политический орган для ведения дальнейшей кампании за стабилизацию капитализма. Этот вопрос стал в последние недели предметом горячих споров в лагере буржуазии и реформистов.

Как мы уже выяснили, прежняя правительственная система—система «всенародной» коалиции—потерпела крушение потому, что правительственные социалисты, оказавшись под сильным давлением левеющих рабочих масс не могли долее открыто участвовать в дальнейших мероприятиях стабилизационной политики. Но отказ правительственных социалистов от прямого участия в стабилизационной политике правительства ослабил чешскую буржуазию настолько, что она уже не могла одна взять на себя все бремя этой политики. Уже для повышения хлебных пошлин и проведения закона о конгрегациях она должна была об'единиться в деловое большинство с немецкой, словацкой и мадьярской буржуазией.

Группа Масарика-Бенеша мечтает, правда, как об идеальной правительственной системе, о левом блоке, с помощью которого можно было бы отвлечь рабочих от пролетарского единого фронта. Но в виду сильного полевения рабочих масс левый блок неизбежно потребовал бы уступок реформистам; а между тем крайне критическое положение капитализма требует быстрых и беспощадных мер по проведению стабилизации. И поэтому пришлось пойти на буржуазный блок, который поддержали аграрии и клерикалы немецкой и чешской национальности.

Твердая интернациональная сплоченность буржуазии, выразившаяся в сформировании (в середине октября) нового, чешско-немецкого правительства, свидетельствует о критическом положении капитализма, но в то же время и о том, что буржуазия решила, отодвинув на задний план свои внутренние противоречия, об'единить все свои силы и направить их на самое беспощадное проведение стабилизационной политики.

Образование нового правительства явилось выражением союза между аграриями всех национальностей, об'единившихся для проведения реакционной хозяйственной политики. Аграрии составляют главный боевой отряд нового правительственного большинства. Вторая характерная черта создавшегося положения—об'единение культурной и хозяйственной реакции в виду участия в правительственном большинстве клерикалов всех национальностей. Присутствие в кабинете д-ра Бенеша в качестве министра иностранных дел означает сотрудничество направления президента Масарика с направлением интернациональной капиталистически-аграрной реакции.

Правда, новое правительство опирается на слабую базу (большинство в 13 голосов), но оно получает подкрепления из тех резервов, которые обеспечила за собой буржуазия: словацкая клерикальная партия (Глинки) только-что вступила в правительство; мадьярские националисты не так давно примкнули к правительственному блоку; чешские национал-демократы—накануне

вступления в правительство; чешские национал-социалисты, идейный вождь которых, д-р Бенеш, сидит в правительстве, и чешские социал-демократы собираются образовать «лойяльную» оппозицию, немецкие национал-социалисты поддерживают парламентско-клубное общение с немецкими правительственными партиями и тем косвенно содействуют укреплению всей правительственной системы; немецкая национальная партия, в виду заинтересованности поддерживающих ее немецких капиталистов, не может серьезно выступить против стабилизационной политики.

Таким образом, политическая организация стабилизационных мероприятий буржуазии может считаться завершенной.

Но если новый немецко-чешско-словацко-мадьярский буржуазный блок и означает частичную стабилизацию буржуазного режима, то, с другой стороны, он навлекает на себя и очень серьезные для буржуазии опасности, во-первых, тем, что усиливает единый фронт пролетариата, и, во-вторых, тем, что разрушает иллюзии мелкобуржуазных национальных слоев. Об'единение всей буржуазии, без различия национальностей и направлений, весьма внушительно демонстрирует рабочему классу необходимость создания единого пролетарского фронта; вступление немецких буржуа в правительство, без удовлетворения их национальных «требований» раскрывает мелкобуржуазным слоям немецкого населения глаза на обман их вождей. Еще в большей степени это можно, пожалуй, сказать о словацкой и мадьярской мелкой буржуазии. В то же время входящие в правительство чехи уже не смогут теперь—во всяком случае, не смогут в такой мере, как прежде—делать чешским мелкобуржуазным слоям уступки за счет национальных меньшинств. И если к буржуазному блоку примкнет еще полуфашистская партия Крамаржа (национал-демократы), то это, без сомнения, будет означать, что жизнь своих стабилизационных планов.

Однако, вследствие давления широких слоев национальных меньшинств база правительства будет крайне неустойчива.

Вместе с обострением классовой борьбы, в которой массовая *коммунистическая партия* начинает играть все более видную роль, становясь все большим препятствием для стабилизационных стремлений буржуазии, окреп и фашизм, который прежде не имел в Чехо-Словакии значения, а теперь является фактором, с которым приходится считаться. Официальным глашатаем фашизма выступил сначала бывший министр обороны и вождь фашистского крыла чешской социалистческой партии Стрибрны, но в борьбе с так называемым «демократическим» крылом партии он потерпел поражение. Затем появился на сцену новый фашистский вождь—генерал Гайда, известный кровавыми злодеяниями, которые он творил в Сибири, вместе с белогвардейским адмиралом Колчаком. Фашизм ищет точек опоры среди мелкобуржуазных слоев интеллигенции и студентов, привлекая их националистическими лозунгами, среди выродившихся из-за безработицы слоев пролетариата—основывая желтые профсоюзы, среди крестьянства—организуя вооруженные отряды (так наз. «сельскую конницу»), стоящие под покровительством богатых крестьян, в армии—среди реакционных офицеров, командовавших в России во время колчаковщины контрреволюционными чехо-словацкими легионами, и, наконец, в сокольском движении, этой спортивной организации буржуазии, насчитывающей почти 650.000 членов.

КПЧ, которая со своими 180.000 членов является подлинно массовой партией, сумела очень искусно и успешно использовать тяжелый хозяйственный и политический кризис, проводя широко поставленные кампании за удовлетворение насущных нужд пролетариата и правильно применяя тактику единого фронта. За последние месяцы коммунистической партии удалось: 1) мобилизовать массы в таком масштабе, как никогда прежде; 2) привлечь самые широкие слои трудящихся в городе и деревне на сторону идеи единого фронта; 3) добиться образования комитетов единства и советов действия, в которых принимают участие рабочие всех направлений; 4) создать серьезные препятствия на пути стабилизационных стремлений буржуазии в хозяйственной и политической области; 5) отнять у государственных социалистов возможность дальнейшего сотрудничества с буржуазией в правительственной коалиции; 6) разрушить демократические и национальные иллюзии у значительной части мелкобуржуазных слоев и некоммунистических рабочих.

Коммунистическая партия сделалась, таким образом, чрезвычайно важным фактором в политической и хозяйственной жизни чехо-словацкой республики. Ее влияние выходит далеко за пределы того, о чем можно судить по ее численности. Во время последних парламентских выборов компартия из 7.200.000 поданных голосов получила 933.000, следовательно, почти миллион; таким образом, каждый седьмой избиратель голосовал за коммунистов. Со времени ноябрьских выборов 1925 года партия сделала дальнейшие крупные успехи, как это видно из упомянутого выше факта, что она одержала верх почти на всех состоявшихся с тех пор коммунальных и фабзавкомовских выборах. Компартия является теперь не только крупнейшей рабочей партией, но и крупнейшей политической партией вообще. Буржуазия это отлично понимает, и чем больше КПЧ большевизируется, тем более суровые меры она принимает против нее. Совсем недавно правительство инсценировало два антикоммунистических процесса: процесс о шпионаже и процесс четырех коммунистических депутатов, устроивших в парламенте обструкцию против хлебных пошлин и закона о конгрегациях. В связи с этими процессами против компартии была поднята бешеная травля: буржуазная и социалистическая печать поставила вопрос о легальном существовании компартии в Чехо-Словакии. Орган вождя национал-демократов, д-ра Крамаржа, и газета премьер-министра Свехлы буквально старались перекричать друг друга, требуя разгона коммунистической партии и огосударствления профсоюзов по итальянскому образцу. По двум упомянутым выше процессам вынесены приговоры, дающие в общей сложности больше семи лет тюрьмы. Во время рабочих волнений весной и летом 1926 г. пражская полиция дважды *стреляла* в толпу демонстрантов. Пражские рабочие очень храбро защищались.

Чехо-Словакия, конечно, небольшая страна, и политический ее вес не очень велик. Но те великие социальные бои, которые придется вести многочисленному и мощному чехо-словацкому пролетариату, под руководством массовой коммунистической партии, против все еще очень сильного капитализма, должны вызывать живейший интерес к нему со стороны пролетариата других стран.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

О НОВОЙ КНИГЕ ТОВ. ШЛЯПНИКОВА.

А. Шляпников. «Семнадцатый год». Книга третья. ГИЗ. 1927 г.

Читателям «Большевика», наверно, уже знакомы две первые книги т. Шляпникова по истории семнадцатого года. Эти книги представляют попытку систематической разработки и освещения интереснейшей в нашей революционной истории страницы; при чем эта попытка является первой работой писателя, бывшего не только очевидцем, но и активным участником событий семнадцатого года. До сего времени подобного рода работ еще нет, если не считать отдельных брошюр. Вот почему работа т. Шляпникова заслуживала большого интереса и внимания.

Каков характер этих двух книг? Первая книга—это, по сути дела, мемуары. Описание февральской революции с точки зрения ее непосредственного наблюдателя и участника—вот что составляет главное и основное содержание этой книги. Вторая же книга значительно отличается в этом смысле от первой. Это уже не просто мемуары. Правда, и эта книга содержит воспоминания современника, и в этой книге ряд событий получает освещение лишь постольку, поскольку они входят в поле зрения и деятельности самого автора. Но область этих воспоминаний уже сильно суживается, и сама книга в целом приобретает уже существенно иной характер—попытки исследовательской работы, основанной на изучении и проработке ряда архивных материалов. И в связи с этим резко менялся общий план и характер предпринятой т. Шляпниковым исторической работы о семнадцатом годе.

Вот почему по выходе в свет этой второй книги перед читателем невольно встал вопрос: по какому же пути пойдет автор дальше в своем большом—рассчитанном по меньшей мере на десяток томов (две первые книги охватывают лишь январь—февраль 1917 г.)—труде по изложению событий семнадцатого года? По пути ли той мемуарной записи этих событий, какая характеризовала содержание первой книги? Или же по пути научно-исторического исследования революции 1917 г.—на основе уже не личных воспоминаний, а архивных документов, с разработкой их по определенным хронологическим периодам,—на что претендовала вторая книга?

Судя по третьей книге, являющейся по своему «образу и подобию» более или менее точной копией ближайшей своей предшественницы, автор собирается дать в своем многотомном труде, по отношению к которому мемуары первой книги должны служить своего рода введением, *исторический анализ* событий семнадцатого года. Вот почему новая книга т. Шляпникова требует особого к себе внимания и соответствующего критического разбора.

В рамках этой рецензии мы отнюдь не задаемся целью обрисовки т. Шляпникова, как историка 1917 года—это дело еще впереди и может стать на очередь лишь по окончании задуманной автором работы. Равным образом—по обстоятельствам уже не времени, а места—мы не собираемся здесь входить в подробное обсуждение и выяснение вопросов—

сколь полно и умело были использованы автором те материалы из «Архива Октябрьской революции», к которым автор преимущественно обращается и известная часть которых вошла в содержание самой книги, а также, сколь верно и правильно фактическое изложение тех или иных событий, разбору которых посвящена эта книга,—вопросов, возбуждающих некоторые законные сомнения. Мы ограничимся здесь выявлением отдельных характерных черт и особенностей самого содержания этой книги и, вместе с тем, общей оценкой ее.

Обращаясь к содержанию новой книги т. Шляпникова, прежде всего приходится отметить буквально наводнение разными документами. Часть из них выделена в виде приложений и занимает треть всей книги, часть же вошла в самый текст, чрезвычайно его загромоздив. В итоге получается, что чуть ли не $^{9}/_{10}$ всего содержания всей книги—это те или другие документы, преподнесенные читателю в сыром или полуобработанном виде. Нет спора, что эти документы интересны,—интересны и сами по себе, и потому, что большинство из них опубликовывается впервые. Здесь мы находим материалы о первых шагах деятельности Временного правительства, о состоянии армии, о крестьянских восстаниях, о Петербургском Совете и Всероссийском совещании советов и т. д.

Но документы эти не рисуют достаточно полной картины непосредственно послереволюционного положения. Целый ряд крайне важных вопросов и моментов этого положения либо вовсе не освещен, либо же очень слабо, недостаточно. Таковы—состояние народного хозяйства страны после переворота, положение рабочего класса и профессиональное движение, двоевластие и т. д. Взять хотя бы последний вопрос о двоевластии—коренной вопрос того времени, определивший «замечательное своеобразие нашей революции» (Ленин). По этому вопросу в книге т. Шляпникова мы находим лишь некоторые замечания и фактические подтверждения, рассыпанные по отдельным страницам книги. При чем эти замечания ограничены по большей части пределами двух—трех строк, так что сам вопрос, несмотря на всю свою важность и значение для понимания основной сути тогдашнего политического положения и дальнейших судеб революции,—остается затронутым лишь вскользь. Автор даже не удосужился отвести ему хотя бы одну определенную главу.

Кроме того, нельзя признать достаточным и правильным принятый автором способ освещения отдельных вопросов и событий по документам. Так, деятельность Временного правительства и Временного комитета Государственной думы рисуется лишь документами, исходящими от самих этих учреждений, состояние армии после февральского переворота изображается только донесениями тех или других командующих и генералов. Подобное освещение, конечно, явно однобоко. Автор не прибегает здесь к помощи других документов и материалов и рассказывает обо всем этом лишь языком официальных постановлений и инструкций, сводок и донесений.

Правда, автор сопровождает эти документы своими комментариями, благодаря чему документы увязываются в целые главы. Но все же основной тон книги задают сами документы, авторские же комментарии играют по отношению к ним весьма скромную роль—и по своим размерам, и по своему характеру. Архивные материалы не только довлеют над содержанием книги, но и над самым изложением ее. Они не только перегромождают текст книги, делая его весьма трудным и утомительным для чтения; довление архивных материалов сказывается и на характере комментариев к ним, сбивая самого автора на язык профессорского об'ективизма.

Этим авторским вывихам можно привести целый ряд ярких примеров. Вот как, например, оценивается деятельность Государственной думы после революции: «...Государственная дума примкнула к революции уже после победы уличного рабочего и солдатского восстания в Петрограде. Но этим запоздалым присоединением Государственная дума *сыграла положительную роль в деле дальнейшего разгрома сил царизма*» (стр. 46, курсив наш). Здесь нет никакой нужды распространяться по поводу ошибочности такого утверждения. Напомним только то, что писал по тому же вопросу сам автор в первой своей книге «Семнадцатого года», когда над ним не так еще довлела сила архивных материалов. «Со стороны Государственной думы и ее прогрессивного блока,—писал тогда т. Шляпников,—не было сделано ни одного шага, даже ни одного простого желания поддержки восставших, поддержки движения. Одна мысль об'единяла зубров 4-го созыва, это страх перед революционным народом, и этот страх побуждал думских деятелей буржуазии искать соглашения с царизмом. Это соглашение против народа не состоялось не по вине буржуазии. Она сделала в первые дни все, что могла, для сохранения царской монархии. Поворот Государственной думы по отношению к революционному движению, своеобразное признание членами Государственной думы революционного переворота совершилось уже тогда, когда революционные рабочие и солдаты разбили главные силы своих врагов и победа революционного движения была обеспечена. *Сама Государственная дума, порождение царской монархии, умерла одновременно с ней*» (стр. 161, курсив наш). Что же получается? Государственная дума, похороненная автором вместе с царизмом в первой его книге, воскрешается им же в третьей, да еще ради «разгрома сил царизма»! Об'ективизм автора здесь сыграл над ним злую шутку.

Или еще другой пример, подобного же рода, из главы об аграрном движении. Автор пишет здесь: «Одиночные случаи крестьянских волнений в марте превратились в апреле уже в массовые. *Распоряжение правительства* об учреждении земельных комитетов *способствовало смягчению остроты конфликтов* на местах и *позволяло направить крестьянство* на путь организованного *решения земельного вопроса*» (стр. 142, курсив наш). Вот это действительно новость, даже целых две! Временное правительство «способствовало» «смягчению» земельных конфликтов на местах! Крестьянам «позволялось» «организованно решать» земельный вопрос, благодаря распоряжению Временного правительства! Всего любопытнее то, что на той же странице сам автор свидетельствует о том, что «земельные комитеты не имеют *ни права, ни возможности* мешать земельным собственникам производить запродажные, залоговые или иные коммерческие операции с землей» (курсив наш). Если земельные комитеты не могли даже препятствовать помещикам совершать различные сделки с землей, то куда же там до «решения» земельного вопроса—тем земельным комитетам, которым «позволялось» только «*собирание сведений* о местных земельных порядках и нуждах», да «*решение споров и недоразумений* по земельным делам» и то лишь «*в пределах действующих законоположений и постановлений* Временного правительства» (см. приложения 5-е и 6-е, «постановление» и «воззвание» Временного правительства об учреждении земельных комитетов, стр. 271—75; курсив наш) и, следует добавить, «в пределах» сферы действия карательных экспедиций, посылавшихся в деревню.

В той же главе через десяток страниц находим по тому же земельному вопросу другое утверждение, служащее своего рода дополнением только что отмеченного. Указывая, как «благотворно» подействовало

на бунтующих крестьян упомянутое уже распоряжение об учреждении земельных комитетов, автор пишет: «Все жители деревень и селений были твердо убеждены, что земля будет ихняя и перейдет к ним в ближайшее время. *Вместо грубых насилий*, крестьяне находили иные средства, более мирные, но *хорошо действовавшие*, иные *способы выживания* мелких и крупных помещиков». Какие же «иные средства и способы»? А вот какие: «*Постановление Временного правительства* о продовольственных комитетах и об охране посевов, давало целый ряд *возможностей выжить помещика, лишить его земли на законном основании*». Каким же образом?—«Закон обязывал его засеять или *сдать в аренду* свою землю. Однако, засеять своими собственными силами он не мог, а наемных рабочих или пленных ему не давали или назначали такую оплату за их труд, что помещик отказывался, и *земля передавалась под крестьянскую запашку*» (стр. 156, курсив везде наш). Очень просто и мило! Вместо «грубых насилий», связанных с захватом земли без «законных оснований»,—«хорошо действующие» способы «выживания помещика» на основании... постановления Временного правительства! Получение через продовольственные комитеты «в случае отказа владельца засеять землю» части помещичьих земель «по справедливой цене», при чем «арендная плата за земли, взятые под посев, поступает владельцам земель» (см. приложение 3-е—«положение об охране посевов», стр. 270—1)—это значит, «лишить» помещика его земли!

Нет, положительно, архивные материалы довлеют над автором, сбивая его с материализма на об'ективизм.

Обратимся теперь к рассмотрению двух последних глав книги—мы имеем в виду главы, посвященные описанию жизни и деятельности нашей партии и приезду В. И. Ленина в Россию. Эти главы вызывают особый интерес вообще, поскольку именно этот—мартовский—период истории нашей партии в семнадцатом году хуже прочих других освещен в партийной-исторической литературе,—в частности, поскольку именно эти главы содержат по сравнению с прочими меньшую дозу сырого архивного материала и богаты авторскими воспоминаниями, особенно глава о приезде Ленина.

Мартовский период 1917 года нашей партийной истории, как известно, характеризовался в основном тем, что партия, только-что вышедшая из подполья, недостаточно еще сплоченная и оторванная от заграничного руководящего центра, до приезда Ленина и апрельской конференции проводила ошибочную тактику. Об этой тактике так говорит т. Сталин: «Она (партия) приняла политику давления советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти советов. Эта половинчатая политика была рассчитана на то, чтобы дать советам разглядеть на конкретных вопросах о мире подлинную империалистическую природу Временного правительства и тем оторвать их от последнего. Но это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс» (сборник «За ленинизм», стр. 93).

Тов. Шляпников уделяет вопросу о разногласиях в партии всего 8 страничек, давая лишь самую общую характеристику боровшихся тогда в бюро ЦК течений и приводя краткий отчет т. Милютина (из саратовского «Социал-Демократа») о мартовском партсовещании—правда, весьма ценный и впервые публикуемый в печати с 1917 г. Этот недостаток, пожалуй, можно еще об'яснить тем, что автор не привлек и не

использовал по данному вопросу всех необходимых материалов и документов.

Но это еще не такая большая беда, как то, что, говоря о разногласиях в партии, автор ограничивается только их описанием, своего рода репортерской записью их, отнюдь не подвергая критическому анализу имевшиеся тогда в партии течения, не выясняя при этом тех или других их ошибок. Лишь в самом конце книги автор бросает замечание, что «позиция Владимира Ильича была левее нашей левой» (стр. 260), но вовсе не останавливается на разборе ленинских «Писем издалека» (ни слова даже не упоминает напечатанное уже тогда в «Правде» первое из них) и не противопоставляет тогдашнюю ленинскую позицию позиции каждого из трех течений в бюро ЦК. А без этого страдает не только полнота, но и правильность освещения тактики партии в этот период.

Подобный репортерский подход автора к изложению событий партийного порядка обнаруживается и в описании официальных партийных выступлений на всероссийском совещании советов, где т. Каменевым выставлялось основное требование—«чтобы Временное правительство формулировало свою волю к миру». Кстати, надо заметить, что во второй книге «Семнадцатого года», писавшейся до образования последнего оппозиционного блока, автор придерживался иного метода и подвергал основательнейшему критическому разбору статью Каменева «Без тайной дипломатии», которую следует, между прочим, напомнить и как одно из характерных звеньев, продолжающих линию ачинской речи[1]).

Подведем итоги. В своем «Семнадцатом годе», т. Шляпников, отказавшись от продолжения мемуаров первой книги, представлявшей широкий интерес и выдержавшей уже два издания, попытался перейти

---

[1]) Вот как передает и комментирует эту речь т. Шляпников: «Тов. Каменев считал переход власти из царских рук в руки либерально-монархической буржуазии вполне достаточным для того, чтобы отвергнуть наш лозунг «долой войну», и от имени Центрального Органа партии заявить, что «война будет продолжаться, ибо германская армия не последовала примеру армии русской и еще повинуется своему императору, жадно стремящемуся к добыче на полях смерти». Так определяли свое отношение к войне, которая «будет продолжаться», все оборонцы... В своей статье т. Каменев брал направление на оборону, на союз со всеми меньшевиками и социалистами-революционерами-оборонцами. «Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам,—писал он.—Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ». Но т. Каменев не указал, кто же был сторонником подобной политики. Среди членов нашей партии таких миротворцев не было, не было их в армии и среди других партий. Но т. Каменеву нужна была такая постановка для того, чтобы оправдать свой оборонческий уклон, и он это сделал, заявив, что свободный народ «будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд—снарядом». Только этого и хотела наша буржуазия. Статья т. Каменева, да еще в нашей «Правде», была для оборонческого, буржуазно-меньшевистско-эсеровского блока совершенно неожиданным подарком. Тов. Каменев писал в той же передовице, что «не дезорганизация революционной и революционизирующейся армии и не бессодержательное «долой войну»—наш лозунг. Наш лозунг «давление на Врем. правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией, немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны». Все соглашатели согласны были давить на Временное правительство... Позиция т. Каменева вполне удовлетворяла буржуазию, так как он призывал солдат, что «до тех пор каждый остается на своем боевом посту...», а это было для нее самое существенное. К этому призывала солдат и рабочих вся буржуазная печать («Семнадцатый год», кн. 2 я, с. 183—5).

к историко-исследовательской работе. 3-я книга лучше всего свидетельствует об этой попытке. Но это только попытка. Новая книга т. Шляпникова по своему содержанию в общем представляет сборник архивных документов, скрепленных некоторыми авторскими комментариями, дающими крайне недостаточные, а подчас и совершенно неверное и ошибочное освещение отдельных вопросов,—а отнюдь не самостоятельное историческое исследование. И поскольку эти документы ценны сами по себе и по большей части еще вовсе не опубликованы, эта книга т. Шляпникова бесспорно явится полезным пособием для историков, занимающихся изучением и проработкой вопросов революции семнадцатого года и лишенных возможности непосредственно работать в «Архиве Октябрьской революции».

Арк. Ломанин.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.